

Александр *Малиновский*

собрание сочинений
том IV

собрание
сочинений

Проза и стихи для детей

IV

Александр Малиновский

**Собрание
сочинений
в 7-ми томах**

Том четвёртый

Российский писатель

2019

ББК 84 (2-Рус)

М19

Малиновский А.С.

М19 Собрание сочинений. В 7-ми т. Т. 4. — М.: Издательский дом «Российский писатель», 2019. — 312 с.

ISBN 978-5-91642-194-1

ISBN 978-5-91642-198-9 (4 том)

Настоящее собрание сочинений является наиболее полным изданием замечательного русского писателя, известного учёного, крупного производственного руководителя Александра Станиславовича Малиновского.

Александр Станиславович Малиновский родился в 1944 году в с. Утёвка Нефтегорского района Куйбышевской области. Окончил Куйбышевский политехнический институт по специальности «Инженер химик-технолог» и прошёл путь от рабочего до генерального директора крупных нефтехимических заводов.

Доктор технических наук. Заслуженный изобретатель России. Член Союза писателей России. Автор более тридцати книг прозы и поэзии.

Награждён медалями Русской Православной Церкви преподобного Сергия Радонежского и преподобного Серафима Саровского. Лауреат всероссийских литературных премий «Русская повесть», имени А. Толстого, имени П. Ершова, имени И. Шмелёва, имени Э. Володина. Лауреат Губернской премии в области культуры и искусства. Награждён Почётным знаком «За труд во благо земли Самарской».

ISBN 978-5-91642-194-1

ISBN 978-5-91642-198-9 (4 том)

© Малиновская Л.П., 2019.

Принесу вам хлебных крошек

*Стихи для детей
младшего школьного возраста*

Синицы

За окном, где снег искрится,
По стеклу стучат синицы

Ну, куда это годится!
Как зимой им прокормиться?

Не горюйте крохи птицы —
Две замершие сестрицы.

Знаю я, что надо делать.
На крыльцо шагну я смело!

Принесу вам хлебных крошек,
Протяну их на ладошках.

Клюйте, верные друзья!
Оставлять в беде нельзя!

Буду в стужу вас кормить,
Хочу братиком вам быть!

Путешественницы

Взяли мы с подругой зонт
И пошли за горизонт.

Захотелось нам самим
Разобраться, что за ним?

Прямо с нового крылечка
Мы пошли на нашу речку.

А на речке той мосточек
Из берёзовых досочек.

И такой он весь скрипучий,
А на нем гусак шипучий.

Мы и так уж, мы и сяк —
Не пускает нас гусак!

Пока с ним мы провозились,
Папа с мамой объявились.

Не удался наш поход.
Сидим снова у ворот!

Мяч

У Петрова Влада —
Ножичек что надо!

Зато мой футбольный мяч
Мне в игре залог удач!

Красный, прочный и тугой
У кого еще такой?!

Влад твердит: «Давай меняться
Хватит больно задаваться!»

Он за лето стал верзилой
Да к тому ж еще мазила.

Но, конечно, друг отличный
Да и ножик симпатичный...

Поменяюсь на три дня.
Друг дороже для меня!

Карандашик

У моей подружки Маши
Развесёлый карандашик.

То рисует светлый дом,
То берёзку над прудом,

А то резвого зайчишку
В белорозовых штанишках.

Еще — галок хоровод
И весенний синий лед.

Рядом Маша у реки —
Смотрит вдаль из-под руки.

И на всех рисунках этих
Солнце радостное светит!

За Самарой

За рекою за Самарой
Жил старик довольно старьей.

С ним жила его жена,
Тоже старенькой была.

Они жили не тужили
Да внучат своих растили.

Много стало их. Послушай!
Наш рассказ начнём с Андрюши.

С неразлучным другом Вовой
Он прибыл к ним из Тамбова.

Внук Сергей живёт в Самаре,
Миша — в теплом Краснодаре.

Владик письма шлет из Сочи,
Всем приветы между прочим.

А двойняшкам Любе с Аней
Скучно стало жить в Кургане.

Коле скучно в Дагестане,
А Данилке — в Татарстане.

География какая!
Широка страна родная.

Но тесны её границы —
Разлетелись, словно птицы.

Витя, Петя, Флор и Алекс
Разом в Минске оказались.

Речка всем ночами снится.
Ну, куда это годится?!

Что же тут им рассуждать
Надо срочно приезжать!

Если все приедут летом,
Сколько будет их? С ответом

Не спеши. Чтоб сосчитать,
Надо снова начинать.

Много стало их. Послушай!
Счёт давай начнём с Андрюши...

Друзья

У трамвая друг — автобус,
С картой школьной дружен глобус.

Теплоход и электричка —
Словно братик и сестричка.

Вертолёт над стройкой кружит —
Он с подъёмным краном дружит.

Мне Дениска заявляет,
Что такого не бывает.

Всё, что говорю я, глупо!
Мол, чего-то я напутал.

Как же это не бывает?
Что-то он не понимает.

Всем известно же, друзья
В одиночку жить нельзя!

У Петряева двора

У Петряева двора
Расшумелась детвора.

В приоткрытое окошко
Дед Архип шумнул немножко:

— То кричите, то поёте...
Спать, галчата, не даёте.

Всё вам нынче нипочём.
То по крыше кирпичом,

То мячом по полисаду.
Будто нету с вами сладу?!

Глянул зорко в небушко
И добавил дедушко:

— Вот ведь эдакие страсти,
Напуцу на вас ненастье.

...Дождь полил. Как из ведра!
Разбежалась детвора.

Дед довольнo ус потрогал,
Улыбнулся: — Вот и с Богом.

Видно, что знавал секрет
Многоопытный наш дед.

Мартовские дни

Взбудоражена природа
Наступило утро года!

Был пустырь совсем ничей,
Нынче гомон там грачей.

Фестиваль весенних птиц
К нам спешит из-за границ.

Покраснели за окошком
Враз ольховые серёжки.

В марте дни нам принесли
Обновление земли!

Письмо деда внуку

...У нас тут вершатся такие дела:
Красная верба уже зацвела.

Вороны и галки засуетились,
Грачи на поляне вчера объявились –

В парадные фраки одетые птицы.
В осиннике нашем ожили синицы.

А воробьи! То и дело дерутся.
С весной ошалели совсем. Разберутся...

Сосульки длиннее, чем в прошлом году
Неделька ещё, и сугробы сойдут.

А что у вас в городе? Не отвечай!
Знаю: компьютер. Да грохочет трамвай...

Терпи еще капельку. Не унывай.
Наступят каникулы и приезжай!

Воробей

Кто не знает воробья,
Знаю воробья и я.

Серый маленький комочек,
Он ведёт себя как хочет.

Есть чему тут удивиться —
Независимая птица!

Не такой он, как синица,
Редко на руку садится.

Не похож на канарейку —
Приручить его сумеи-ка!

Не живёт он долго в клетке —
Веселей ему на ветке.

Вместе — рядом тыщи лет,
А доверия к нам нет.

Что-то про людей он знает,
Потому не доверяет..

Скворец

Замечательный певец —
Прилетевший к нам скворец.

То затенькает синицей,
То воркует голубицей.

То мяукает как кошка,
Над моим резным окошком.

Я лежу в кровати сонный,
А он каркает вороной.

Я нисколько не сержусь.
Я певцом таким горжусь!

То кукушке отзовется,
Жаворонком вдруг зальётся...

У меня такое мненье:
Прилетел к нам птичий гений!

Подружка Алла

Мне моя подружка Алла
Про такое рассказала!

Будто есть страна на свете,
Где все взрослые, как дети:

Любят бабочек ловить,
Взявшись за руки ходить.

И у каждого с собой
Лёгкий шарик надувной.

И у каждого у ног
Лаает радостно щенок.

В той стране живут все в мире,
Как в одной большой квартире.

Кошки мышек не едят,
А играют вместе в прятки,

Полосатые лошадки
Возят весело котят..

Моя тётя мне сказала:
— Напридумала всё Алла.

Не спешу я согласиться:
Мне страна такая снится!

Ёжик

Говорят он всех боится,
Ни на что, мол, не годится.

Прячется от всех в иголках,
Громко фыркает и только.

Днём его не увидеть,
По ночам мешает спать.

А мне папа рассказал,
Что про ёжиков узнал:

Ёж гадюки не боится
И готов с нею сразиться!

И всегда он побеждает,
Поражения не знает!

Только эти не гордится –
Ёж не скромным быть боится.

Сорока

Она летает кособоко,
И трещит порою без умолку.
Нету от неё большого толку,
А без неё мне — одиноко...

...Не слышать в осиннике уж песен.
Но сорочья стайка зашумела,
Оживилось разом чернолесье
И в лесу осеннем посветлело.

Корова Жданка

Шершавым языком лизнет ладошку,
Рогатой головой мотнет внезапно
И станет страшновато мне немножко,
Немножко страшновато, но... приятно!

Выйдет бабушка во двор с доёнкой,
С белою тряпицею в руках:
— Ишь, она, соскучилась-то как,
Родненькая наша коровёнка!

Молвит так. Потом еще добавит:
— Ждали мы тебя, конечно, ждали!
К вымячку доёночку подставит:
— Жданкою тебя не зря назвали.

Переполох на даче

Прилетевшие сороки
Развели на даче склоку.

Что-то где-то увидали
И всюю застрекотали.

А виновник, кот Матвей
Затаился меж ветвей.

Он залез на ель. И что же?
С верхотуры слезть не может.

У гнезда сорочьего
Кружит между прочим он.

Жалким голосом мяучит,
Уж помалкивал бы лучше.

А сороки все стрекочут,
То ль помочь ему кто хочет?

То ль смеются так над ним
Неудачником таким!

Две вороны на антенне
Соблюдают вид степенный.

Смотрят молча свысока
На такого чудака.

Тут проснувшийся Трезор
С лаем выскочил во двор.

Так залаял, что сороки
Разлетелись. Кто далёко...

А кто юркнул за забор,
Так ли страшен им Трезор?

Кот, сорвавшись с высоты,
Шумно брякнулся в кусты.

И оттуда напрямиком
Сиганул проворно в дом.

А Трезор? До них ли дело!
Ему лаять надоело...

Пёс-то в общем добродушный.
Он ушёл. И стало скучно.

Черепаша

— Панцирь, сотканный из страха.
Вот кто ваша черепаха!

Только руку протяни,
Пятится. И чтоб: ни-ни!

Чуть дотронься до неё —
Вмиг в укрытие своё.

Так мне дядя мой сказал.
Я ему не возражал.

Только стало как-то грустно,
Дал я ей листок капусты.

Так она капусту ела,
Что и мне вдруг захотелось.

Стали с нею мы друзьями,
Страха нету между нами.

Если вечно в страхе быть,
Как же ей бедняжке жить?!

Черепаша тех боится,
Кто для дружбы не годится.

Щенок

Приблудившийся щенок
Все крутился возле ног.

Всем проходу не давал,
Суматоху создавал.

То башмак утащит папин,
То зубами скатерть схватит.

Воспитанья никакого
У товарища такого!

То начнет ступеньку грызть.
— Вот устроил он нам «жизть»,

Непоседа окаянный! —
Папа так ворчал из ванной.

То гонялся он за мухой,
Новый друг наш лопухий.

Даже маме надоело.
Сокрушалась между делом:

— Ну и басурман явился,
Словно с неба к нам свалился.

...А тут бабушка чуть свет
Утром встала: щенка нет!

Даже имя ему дать
Не успели. И как знать:

Возвратится ли он к нам,
К таким скучным господам?!

Без него на даче тишь,
Слышно, как скребётся мышь.

Небывальей у нас случай:
Телевизор нам наскучил.

Велик мне теперь не нужен.
Я с качелями не дружен.

Без щенка мы загрустили,
Без него нас обступили

Неживые всё предметы.
— Глупенький какой! Ну, где ты?!

Ворона

Сядет на конёк, на самую макушку,
Недовольно так посмотрит вниз на всех:
— Что у вас там? Что за резвые игрушки?
Что за развесёлый непонятный смех?

Долго будет серая следить за нами,
Терпеливо и сердито помолчит.
Всё себе отметив умными глазами,
Каркнет громко и неспешно улетит.

Зайка

— Он совсем и не трусишка —
Всем известный нам зайчишка.

Никакой не хвастунишка,
Напридумали всё в книжках, —

Так мой дедушка считает.
Он лесник, он много знает

Про косуль и про лисиц
И про разных хищных птиц.

Нет ни дома, ни берлоги,
Уши чуткие и ноги —

В них спасение у зайки.
А врагов кругом! Считай-ка:

Кошка-рысь, вороны, совы,
Ястреб, коршун. И особый

Враг, всесильный! Мы о нём:
Человечище с ружьём.

Вот и бегают он, бедный.
Я согласен с моим дедом:

Надо памятник поставить —
Зайку резвого прославить!

Сплетницы

Шагает по улице
Беленькая курица.

А за ней вдогонку, в ряд —
Целый выводок цыплят.

Непоседливая квочка —
Мама жёлтеньких комочков.

Белобокая сорока
Обронила ненароком:

— Не люблю я жёлтый цвет,
Будто бы другого нет.

Не похожие на мать —
Это как же понимать?!

Галка рядышком скакала,
Ей солидно отвечала:

— И чего тут удивляться?
Очень просто догадаться:

Белой краски не хватило,
Их покрасили, чем было.

Барсук и сорока

Раз барсук спросил сороку:

— Почему ты белобока?

Мне скворец вчера сказал

Что зелёную видал.

Будто бы они бывают

Где-то в этих, в Гималаях.

— Мало ли скворец болтает,

Больно всё всегда он знает! —

Так сорока стрекотала,

И для важности сказала:

— Я пока еще не знаю,

Что у них там в Гималаях.

Вот слетаю в Гималаи

И сама все разузнаю.

Приглашу, быть может, к нам

И тогда увидишь сам.

Эту самую сороку.

Говори: к какому сроку?

— Ты слетай, — сказал барсук,

А то мне всё недосуг.

И добавил добродушно:

— Мне с тобой с одной не скучно.

Удод и варакушка

— Очень даже не урод,
Птица редкая — удод!

А совсем наоборот —
Им любуются народ!

Если б мне такую статью,
Я б могла артисткой стать!

А он еле верещит.
Вон дергач! Он так трещит!

Со своей скрипучей дудкой
На телеге едет будто.

— Ты, варакушка, права.
Но подумай, голова! —

Отвечала ей синица, —
Додя к славе не стремится.

Мало ль что ты говоришь,
А он любит мрак и тишь.

Это вовсе не секрет!
Ей варакушка в ответ:

— Любит мрак он и покой?
Надо же: артист какой!

Слон и колибри

Говорит колибри слон:
— Я тобою восхищён!

Ты такая крохотуля,
А летаешь будто пуля.

Через море-океан
И десятки дальних стран.

Вот бы нам такие крылья,
Мы бы целой эскадрилей,

Путешествовать бы стали,
Мы бы многое узнали

Всем своим большим семейством.
Подожди пока, не смейся!..

Тут колибри завдыхала
И задумчиво сказала:

— А я вовсе не смеюсь,
Я немножечко боюсь:

Коль не сможешь разминуться,
В небе можно ведь столкнуться.

Представляешь ли сполна,
Если рухнут два слона?

На зверей, на таракашек
И на разных там букашек.

Кроме прочего, притом
Нужен вам аэродром!

На цветок не приземлитесь!
Слон нахмурился. — Не злитесь! —

Так колибри утешала
И лукаво продолжала:

— Чтоб за океан лететь
Надо сильно похудеть!

Слон с готовностью ответил:
— Завтра сяду на диету!

Твердо это обещаю!
А где крылья взять? — Не знаю, —

Так насмешница шепнула.
И за кустик упорхнула.

Приключения трёх смельчаков

Повесть-сказка

Посвящается Саше и Еве

На маленькой и тихой речке

Бывает же такое: подружились однажды бобр Боря, тушканчик Тиша и скворушка Сережа. Да так крепко, что задумали вместе совершить путешествие в дальние страны. Они бы подружились и раньше, но долго не попадались друг другу на глаза.

Известно, что бобры живут на озерах и реках. А тушканчики обитают в поле, в степи. Выходят из своих нор только ночью. Скворцы — другое дело. Они любят жить около человека, в скворечниках. Иногда делают гнезда в дуплах деревьев, под карнизами.

Ночью скворцы спят.

Многие знают, как самоотверженно трудятся бобры. Они способны строить на речках плотины и поднимать тем самым уровень воды. Возводят целые поселки из своих хаток, которые служат им как временное убежище...

Живут они чаще всего в земляных норах. На одной маленькой и тихой речке вместе с сородичами и жил бобр Боря.

В своём доме бобры делают два этажа. Взрослые бобры и их детки живут на втором этаже. Там у них мягкая подстилка. А на первом они хранят съестные припасы. Выход из нор у бобров всегда скрыт глубоко под водой. Каждый раз, входя или выходя, они, получается, принимают водную ванну. Такие чистюли!

Казалось бы: живи и радуйся!

Но бобр Боря последнее время грустил.

«Неужто я всю свою жизнь проживу на одном месте? И не увижу ничего больше?» — задавал он себе вопрос.

Ему стало веселее, когда рядом поселились выдры. Была среди них одна — веселая придумщица Вика. Они быстро подружились. Выдра — замечательная ныряльщица. На рыбную ловлю она выходила после захода солнца и готова была ловить всю ночь. Вика угощала Борю рыбой, но он отказывался. Что это за еда? Вот сочные ивовые ветки — это совсем другое дело! Кора и листья тополя, осины и ясеня — тоже ничего!

Полюбились им забавы на песчаной горке. Горка на берегу речки была высокой и крутой. Они вместе убирали с неё всякий мусор и ветки, а потом катались.

Вика на своём гладком и плотном меху любила это делать, скатываясь по мокрому песчаному желобу с горки прямо в воду. Когда ей было весело, она хихикала, когда злилась — противно трещала. Она так порой шумно веселилась, что у него болела от этого голова.

Вскоре бобру Боре наскучила одна и та же игра. Он начал читать книжки. Из книжек Боря узнал, что люди перестали охотиться на бобров. Поэтому он теперь не боялся людей. Потом Боре захотелось совершить путешествие и написать об этом книгу.

В один счастливый день ему пришла в голову мысль сделать плот на своей маленькой речке и отправиться на нем к большой реке — Волге, а потом — к морю. А там, глядишь, добраться до Африки!

Выдра Вика его не поддержала. Ей было хорошо и на маленькой речке.

...Когда однажды бобр Боря увидел ночью тушканчика, то ещё больше поверил книгам, которые читал. В одной из них было написано, что у тушканчиков голова, как у зайца, усы, как у белки, тело и передние ноги, как у мыши. Задние ноги, как у птицы и львиный хвост. Так все и было! Он сказал об этом новому знакомому и тот сразу, заужавал его за ученость.

— А ещё ты очень похож на кенгуру, — сказал бобр.

В другой раз они встретились вечером.

— Расскажи мне про кенгуру, — попросил тушкан, легко прыгая вокруг бобра на своих длинных задних лапах.

— Это очень большое животное! Ты, по сравнению с ним, муха! Они такие забавные. Кенгуру рождаются с сумками на животе и носят в них своих детёнышей.

— Вот бы посмотреть на тётеньку кенгуру с сумкой, — загорелся тушканчик. — Сколько интересного там, где нас нет.

Бобр глядел на резвого тушкана, и ему становилось весело. Не теряя важности, он заверил:

— Это вполне возможно!

— А как? — шевеля своим львиным хвостом с кисточкой волос, разделенных пробором, спросил тушканчик. Он сел ря-

дом, опираясь на подошвы задних ног. Его густой и мягкий мех в лучах заходящего солнца светился песочным цветом.

— Я собираюсь плыть в Африку. Туда, откуда родом тушканчики, — ответил бобр. — Родина кенгуру — Австралия. Но, может, они живут и в Африке? Надо проверить! — Сказав так, бобр хитро улыбнулся.

— Возьми меня с собой! Я очень прошу, — взмолился тушканчик Тиша. — Здесь я все уже видел!

— Будешь помогать строить плот, — строго сказал бобр, — возьму!

Он был доволен, что заинтересовал Тишу. Ему надо было набрать команду для плавания.

Звуки, похожие то на визг маленьких котят, то на глухое хрюканье, теперь слышались со всех сторон. Потом тушканы начали скакать и стали похожи на желтые молнии. Такие они быстрые!

— Ты мне подходишь, — согласился бобр Боря. — Я — пловец и ныряльщик. Могу находиться под водой до четверти часа. А ты — быстро бегаешь по песку. Это в нашем походе пригодится.

Следующей ночью они вместе мастерили плот. Тушканчик удивлялся тому, как быстро у поваленного дерева бобр удалял сучья и ветки. После того как он перегрызал дерево на небольшие бревнышки, они дружно сталкивали их в воду.

Все это друзья делали только в ночное время и в укромном месте.

Однажды, когда они ранним утром ставили мачту посередине плота, их увидел скворушка Сережа.

Споро трудились бобер Боря и тушканчик Тиша, но с появлением нового друга дело пошло ещё быстрее.

Даже во время отдыха скворушка не бывает без дел. Его карие глаза не знают уныния.

Глядя на легко порхающего скворушку, тушканчик спросил:

— Сережа! А куда скворцы улетают зимовать?

— Я не успел узнать, — произнёс тот, — я в этом году только родился.

Туже затягивая крепление мачты, бобр пояснил незнайкам:

— Скворцы улетают от холода в Северную Африку. Много их останавливается в Южной Европе.

Скворушка Сережа помогал своим новым друзьям изо всех сил. Ему тоже захотелось проплыть по Волге до самого моря.

Команда подобралась для путешествия отличная. Каждому не терпелось посмотреть дальние страны. И каждому друг с другом было интересно.

Поющие ёжики

Подергивая чутким нервным носом, ежик деловито шастал по прошлогодней осиновой листве вдоль воды. Наткнувшись на коряжину, спокойно стал её обходить. Смешно семеня проворными ножками вдоль толстой лесины, принюхивался. Видимо, надеялся, что обнаружит грибы.

И тут иглокожий, подняв мордочку, увидел плот с путешественниками. Они плыли, задевая свисающие с берега над водой ветки.

Это был их первый день плавания. Река была широкая и полноводная, но это не пугало смельчаков.

Заметив плывущих, ежик вмиг изменился. Надвинув колючий капюшон на голову и обнажив острые зубы, он встал в оборонительную позу.

— Какой же ты негостеприимный, — приветливо проговорил бобр Боря. Он ухватился за гибкую ивовую ветку, и плотик остановился.

— Мы тебя не тронем. Просто ты первый, кого мы встретили в своём плавании. Не бойся нас!

Ежик начал фыркать и топтать ногами. Он то наступал, то откатывался к коряжине.

Когда скворушка Сережа взлетел над его головой, разгневанный ежик свернулся в неприступный комок. Так он привык себя вести при встрече с совами, барсуками, хорьками и другими постоянными своими врагами.

— Вот заберем сейчас тебя с собой на наш плот и поплывем по воле волн. Когда ещё ты сможешь совершить такое путешествие! Если у тебя нет имени, будем звать тебя Митькой.

При таких словах бобра Бори тушканчик Тиша, сидя под навесом из камыша, сжался в комок. Ему сделалось очень даже неуютно. Он не хотел, чтобы ежик стал членом их команды.

Все дело в том, что ежики охотятся на тушканчиков. Едят они также песчанок, ящериц, змей...

Бобр Боря наверняка знал это, но забыл. Он был осторожен и начитан, однако и доверчив не в меру. Всегда смотрел на всех через свои большущие очки добрыми глазами.

Как только скворушка Сережа залетел за коряжину, все стало понятно. Там в гнезде из травяной ветоши и старых листьев копошились маленькие ежата.

Прошло всего чуть больше двух недель со дня их рождения. На двенадцатый день у них, как положено, открылись глаза. Хотя ежата уже глядели, но были ещё беспомощные и нуждались в защите.

Ежат оказалось четверо. Розовые тельца их вместо иголок были покрыты сыпью из мягких наростов. Их пороссячьи мордочки, украшенные темными атласными пятачками, были прижаты друг к другу. Они, будто сговорившись, молчали.

— Такие молодцы!

— Боря, давай не будем выходить на берег, — предложил скворушка Сережа.

— Почему? — отозвался бобр, орудая веслом. — Заберем ежа. С ним будет по ночам нескучно.

— Тут гнездо.

— Ты видишь гнездо? — спросил капитан Боря.

— Да! Оно в траве. В нем четыре маленьких ежа.

— Уважительная причина, — сказал рассудительный капитан, — возвращайся на плот. Будем отчаливать. Он солидно восседал на краю плота и был похож на огромную крепкую мышь.

«Ура! Ура!» — чуть было не крикнул тушканчик. Но сдержался. Ему не хотелось, чтобы его друзья знали, что он не переносит ежей. Все-то их любят.

Едва плотик скрылся за поворотом реки, ежик развернулся. Он высунул свою продолговатую мордочку с повеселевшими бусинками глаз и, почти как человек, облегченно вздохнул.

И тут из-за укрытия появилась ежиха. Ежик встал, и они пошли навстречу друг другу.

Сблизившись, ежи поднялись на задние лапки, передние поджали, словно бы кланяясь друг другу и, ткнувшись носом к носу... запели. Да! Да! Запели! Слышался глухой свист, рокот, ворчание...

Их верные родительские сердца радовались тому, что детки их целы и невредимы и они оба остались живы. Радовались тому, что так хороша жизнь, когда она мирная.

Вот подивились бы наши друзья, увидев и услышав поющих ежей! Но их плотик был уже далеко.

Неунывающий скворушка Сережа, прохаживаясь на мачте, сказал:

— Не было у нас в команде ежика, и этого поминай как звали.

Тушканчик не выдержал своего молчания и громко зафыркал в ответ из своего укрытия.

Видать, сильно переволновался длиннохвостый.

Большой и добрый друг

В яркий солнечный денек, когда наши путешественники весело плыли мимо огромного красивого города, в местном цирке грустил слон Никифор.

Ему давно надоело жить в неволе. Скучно стоять, как сейчас, одному в пасмурном слоновнике.

Слоны спят мало. Последнюю неделю Никифору почти совсем не спал.

Ему вспоминалось детство. Когда Никифору было не более двух лет, весил он всего около пятисот килограммов, а не три тонны как сейчас. Он жил тогда не в цирке с цепями на ногах, а на воле. Но случилась беда: в заднюю левую ногу ему попала заноза.

Охотник поймал слоненка и поместил в тесный загон из толстых и крепких бревен. Там трудно было даже пошевелиться.

Охотника звали Вернер. Он был белый. Его надо было бояться сильнее, чем чернокожих. Слоненок знал, какое у белых оружие.

Но охотник оказался добрым.

Он обработал рану спиртом. Пленник ревел от ярости и боли. Когда боль утихла, он успокоился. Охотник потом ещё два раза чистил рану и делал перевязки. Теперь слоненок переносил боль стойко. Он был благодарен своему спасителю и крепко привязался к нему.

Рана зажила, и его выпустили на волю. Когда он встречался с охотником, то подбегал к нему, захватывал его руку хоботом

и клал её на то место, где была зажившая рана. Так слоненок благодарил своего спасителя.

Они стали друзьями. Да такими, что слоненок стал жить у человека. Охотник звал его Лордом.

Но снова беда: охотник скоро погиб, и Лорда продали. Его увезли из Северной Кении, и он оказался в незнакомой холодной стране. Вначале он попал в зоопарк, а потом в цирк.

И никто уже не звал его Лордом. Ему дали имя Никифор.

Люди не знали, что он Лорд, а те, кто знал, были далеко.

У слонов отличная память. Они никогда ничего не забывают. Никифор всю жизнь помнил запах своего спасителя, охотника Вернера. Если бы он был жив, слон мог бы и сейчас с закрытыми глазами узнать его среди огромной толпы людей.

В детстве ему нравились пещеры в холодных высокогорьях. Его предки, африканские слоны, жили около них более миллиона лет.

В эти пещеры приходили антилопы, обезьяны, буйволы. Им была нужна для жизни соль. В местных растениях её очень мало, потому звери лизали или грызли стены соляных пещер.

Слонам лизать мешали бивни и хобот. Они царапали сначала стены бивнями, добывая крупные куски. Потом хоботом отправляли их в рот и неторопливо обсасывали.

Никифор помнил, как он сначала пугался, путешествуя по пещерам, пробираясь под их тяжелыми сводами. Там бродили леопарды и гиены в надежде поживиться легкой добычей.

Обычно взрослые слоны шли по коридору цепочкой, положив хобот на спину впереди идущего. Маленькие слонята шли около их ног.

Слоненку было страшно, но интересно.

«Теперь хотя бы одним глазом посмотреть, что делается в этих пещерах», — часто думал слон.

Ему хотелось, чтобы его, как в детстве, звали Лордом.

Он решил уйти из цирка. Рано утром, потихоньку открыв ворота, Никифор вышел на улицу.

Наших путешественников он повстречал случайно и вовремя для них. Друзья терпели кораблекрушение, если их плот назвать кораблем. Наскочив ещё вечером на старые деревянные сваи и большую корягу недалеко от берега, они застряли.

Смельчаки пытались всю ночь до самого утра выбраться из плена, но без результата. Им помог это сделать сильный Никифор. Он легко выдернул поочередно из песка хоботом две сваи вместе с коряжиной и освободил плот. Толстые темные бревна положил на бережок.

Все его движения были последовательны и неторопливы.

— Ты замечательный друг! Спасибо тебе, — сказал за всех бобр Боря. — Как тебя зовут?

Слон заурчал в ответ:

— Зовите меня Лордом.

Дружная тройка стала перебирать и сушить снаряжение, а слон шумно купался в реке, поливая себе воду на спину из хобота.

Когда все было готово к отплытию, он легонько оттолкнул плот от берега.

И тут слон увидел плывущие по воде красные яблоки.

Его маленькие глазки весело засветились. Он хоботом подхватил самое крупное и протянул его капитану Боре. У слона было преотличное настроение. Он тихо мурлыкал.

Бобр взял яблоко. Улыбаясь, сказал:

— Как жаль, что мы расстаемся. Нам надо плыть!

— И мне надо торопиться, — сказал Лорд.

— А куда ты спешишь? — поинтересовался тушканчик Тиша, ковыляя на задних ногах по бревну.

— В Африку, — деловито отозвался слон.

— И мы туда же! — воскликнул скворушка Сережа, — нам по пути!

Слон задумчиво стоял на мокром песке у воды. Он так любил, когда рядом друзья. Но как сделать большущий плот, чтобы он выдержал и его?!

...Слон уже поднялся на крутой песчаный берег, когда услышал голоса уплывающих друзей:

— До встречи в Африке!

Он повернулся, посмотрел на серебряную реку, уносившую дружную команду и помахал головой. Потом повторил, как эхо:

— До встречи в Африке!

Многоголосая гостья

Скворушка Сережа общительный и веселый. Но это ещё не все. У Сережи особый талант.

Только в кустах на берегу подаст голос птичка зоряночка, наш Сережа тут же её голосом отзовется: «Тик, Ти-иик!» Выдаст колена зеленушка или коноплянка, тут же скворушка запоеет их голосами.

А захочет Сережа и кошкой замаякает. Может человеческим голосом заговорить. Его бабушка умеет песенку петь совсем как человек. Она и научила Сережу такому мастерству.

Скворцов трудно увидеть в плохом настроении. Кажется, это им незнакомо. Они всегда готовы попеть, шевеля забавно крыльями и хвостом. Правду сказать, песня скворца порой похожа на простую болтовню, но её приятно слушать — она радостная. Тушканчик Тиша любит песни своего друга.

Тиша такой же безобидный, как скворец.

Два сапога пара. Они по очереди несут на плоту свою вахту. Сережа — днем, Тиша — ночью.

Когда запекает скворушка Сережа, большие карие глаза тушканчика Тиши тотчас становятся озорными. Он начинает шевелить своими огромными ложкообразными ушами и постукивать в такт лапками, на каждой из которых по пять пальчиков.

Капитан бобр Боря уже привык к их проказам.

Сегодня, пролетая вдоль берега, скворушка Сережа увидел, как одна за другой выбегают из зарослей больших лопухов аккуратные красивые птички. То опуская свои рыжие, с черными полосками хвосты, то забавно вздергивая их, они бегали по маленьким песчаным островкам.

Скворушка Сережа догадался: так они ловят себе на завтрак букашек. Он сел на ветку и стал наблюдать.

Увидев скворца, птички спрятались под широкими листьями лопухов. Одна из них, самая любопытная, вылетела и села рядом на ветку.

Птичка была в пестром наряде. Перья её хвоста, темные в вершинах и рыжевато-красные в основаниях, слегка шевелились. Горло и грудь у неё — ярко-синие, снизу окаймлены рыжей и черной полосками. Спереди на шее — белое пятно.

— Ты кто? — первый спросил скворушка.
— Варакушка, — нисколько не боясь, ответила птичка.
— Ты здесь живешь?
— Да. И не одна! Нас много.
— А куда ты улетаешь зимовать? — спросил скворушка.
— В Северную Африку, иногда на юг Азии.
— А я вот пока никуда ещё не летал. Не успел, — сказал скворушка. — А в Америке была? — допытывался он.

— Нет, — ответила беспечно варакушка.

— Жаль, — произнёс скворушка.

— Почему?

— Там живет колибри. Я так её хочу увидеть.

— А кто такая колибри? — спросила новая знакомая.

— Колибри — самая маленькая птица на земле. Некоторые из них весят всего три с половиной грамма, например, рубиногорная. Она гнездится на Огненной земле. Мне читал про неё мой друг бобр Боря. А ещё я мечтаю увидеть белого журавля. Кто увидит его, тот будет счастлив! Так говорит наш капитан. Но пока я не знаю, где живут белые журавли.

— Если колибри такая маленькая, то она слабая, наверное. Как комар! Что в ней интересного?

— А вот и нет! — горячо возразил Сережа. Он так махнул крылом, что тонкая ветка под ним закачалась. — Бобр Боря сказал, что она пролетает тысячу километров без остановок на отдых за десять часов.

— Не больно задавайся, — прощebetала варакушка, — что знаешь про колибри. Зато я встречалась в Африке со страусом. Он теперь мой друг. Это — самая большая птица в мире. Представляешь?! У меня тоже мечта есть. Не у тебя одного.

— Какая? — недоверчиво спросил скворушка. Его удивили её слова про страуса, но ему захотелось узнать, о чем мечтает эта маленькая птичка.

Беспечная варакушка наклонила на бок голову, посмотрела внимательно на своего собеседника и таинственно прощebetала:

— Я один раз видела среди камышей на болоте белую цаплю. Так хочется ещё раз её увидеть. Она не как колибри. Большая! Когда летела потом, шею свою длинную-предлинную сложила пополам, а ноги вытянула назад. Когда стояла среди кувши-

нок, с плеч у неё свисали очень красивые перья — называются «эгретки».

— Полетели ко мне на плотик, там мои друзья, — предложил скворушка.

— Зачем?

— Капитан Боря — ученый. У него есть книга. В ней написано все про зверей и птиц. Если есть мечта, надо действовать. Под лопухами цаплю не увидишь!

— Хорошо, — согласилась забавная птичка, — но только я обязательно потом вернусь к своим подругам. А к вам буду прилетать в гости.

...Когда они явились на плотик, тушканчик лежал под навесом. Бобр, надев очки, что-то усердно писал в большой тетради. Это был дневник наблюдений. В него он вносил четким почерком все то, что считал нужным для науки.

— А у нас гость! — радостно известил скворушка. — Знакомьтесь: варакушка!

— Капитан Боря, — отложив в сторону дневник, представился бобр и добавил, разглядывая птицу: — Варакушки зимуют в Африке и очень любят ягоды — об этом я читал. Верно?

— Да, книжка не напутала, все верно!

— «Варакушить» — значит передразнивать, — произнёс бобр Боря. — Ты умеешь передразнивать?

— Проще простого, — прохаживаясь по мачте, прощebetала варакушка. — Могу прокричать галкой, могу камышовкой!

— Ну и ну! — неодобрительно отозвался бобр. — У каждого должен быть только свой голос, иначе будет неразбериха. У нас есть на плоту один пересмешник, — он посмотрел строго на скворушку, — не много ли?

— Боря, не сердись! Прочитай ей лучше про белую цаплю, — защebetал Сережа. Ему так хотелось быть гостеприимным хозяином.

— Пусть покажет своё умение — потом прочитаю, — согласился капитан.

И не успел он так сказать, как варакушка, усевшись на самую макушку мачты, защebetала ласточкой. Потом перешла на короткую трель жаворонка. Затем посыпались простые колнца зеленушки, потом коноплянки...

А после всего она загалдела так, словно на плотик села целая стая непоседливых галок.

Тушканчик выскочил из-под навеса и стал во все глаза смотреть на птицу-артистку. Хвост у него шевелился, а усы смешно подрагивали.

Варакушка припустила ещё азартней.

Не останавливаясь на одном, не боясь сумятицы, ещё искуснее начала перескакивать с одного голоса на другой. Словно дразня кого-то, зацифковала большой синицей, потом щеглом. И пошла, пошла...

Скворушка не удержался и тоже пустился напропалую: сначала чирикнул воробьем, потом крикнул чечевицей, затем петухом...

После такого и тушканчик пустился в пляс, размахивая кисточкой своего длинного хвоста. Изредка он повизгивал, как котенок. Иногда глухо похрюкивал.

— Вот артисты! Расхулиганились на мою голову, — не в силах сдерживать улыбку, пробурчал капитан Боря.

Потом, протирая на ходу большие очки с белой веревочкой, пошел под навес за толстой книгой, в которой написано про белую цаплю.

А артисты продолжали веселиться.

И было похоже, что на плотике по реке плывет целый оркестр. Такая стояла разноголосица.

Рассудительный крот

Задвигалась прошлогодняя трава под вязовой веткой, на которую только что сел скворушка Сережа, и кто-то прополз, приподнимая слой листвы.

Сережа огляделся. Вся полянка была усеяна земляными бугорками.

Один из них, самый свежий, начал вздрагивать. Через минуту, пробив дырку в дерне побольше, щурясь на свет маленькими, как маковое семя, глазками, под ласковыми лучами вечернего солнышка появился зверек.

Он весь день трудился. Передними короткими и сильными лапами, похожими на ласты с когтями, рыл землю. Головой выгалкивал её наружу.

Каждый раз, когда нора удлинялась, он пробивал дыру и делал новый бугорок.

— Ты кто? — спросил скворушка.

Незнакомец повел носом и принюхался. Он плохо видел.

— Я — крот Коля, — настороженно ответил зверек и смешно помотал своим похожим на бур, вытянутым в хоботок носом. Им он, вклиниваясь в землю, делает свои ходы. — А ты кто?

— Сережа, — ответил путешественник, с большим интересом глядя на своего нового знакомого.

Он ему понравился. меховая шубка его выглядела празднично. мех цвета черного бархата был будто старательно подстрижен и прилизан. Даже не верилось, что в таком наряде можно делать тяжелую земляную работу.

— А что ты делаешь под землей? — спросил Сережа.

— Как что? — удивился такому наивному вопросу крот Коля. И важно ответил: — Живу. Рою ходы и так добываю себе пропитание: червей, личинок разных. Меня зовут пахарем подземелья. Я горжусь этим.

— Зачем ты делаешь такую трудную работу чтобы пообедать? Я тоже питаюсь червями и личинками, ещё всякими семенами. Зачем их искать под землей? Они везде: на листьях, в воде, в песке. Только собирай! Пойдем к нам на плот. Мы плывем в Африку. Ты похож на нашего капитана бобра Бору. Такой же основательный. Только он любит воду, а ты — землю.

Коля услышал про Африку и несколько не удивился.

— Нет, — совсем не грустно ответил он, — я не могу, как ты добывать себе пищу. У меня нет такого красивого и длинного клюва, как у тебя. И нет крыльев. Поэтому я не такой быстрый и ловкий!

— Я буду тебе помогать, — предложил Сережа. — Зато столько увидим! Моя мечта: встретить колибри и белого журавля! А у тебя есть мечта?

Крот будто не слышал последних слов скворушки.

— А друзья у тебя есть? — допытывался Сережа.

— Какие могут быть друзья под землей? У меня кругом одни враги: хорек, ворона, сова, ласка, гадюка. Всех не перечесать.

Он зло зафыркал.

— Все-таки Африка — это такая удивительная страна! Поплыли с нами! — не унимался скворушка.

Маленькие глазки крота заблестели, он произнёс:

— Я очень люблю мокриц! Они есть в Африке?

— Не знаю, — задумавшись, ответил Сережа, — там много песка. И очень жарко...

Глазки у крота стали скучными:

— У меня хороший слух, но очень плохое зрение. Я не увижу ни белого журавля, ни колибри. Значит, нет смысла плыть так далеко, — ответил рассудительно крот. — Африка мне не нужна, правильно?

— Ты, кажется, верно говоришь, — подумав, ответил Сережа. — Но ведь тоскливо жить всю жизнь под землей!

— А вот и нет! — сказав так, крот скрылся в своей норке. Высунув мордочку на свет, добавил:

— Не обижайся. Я готов с тобой дружить. Но мы — разные. Мне под землей интереснее.

Везунчик

Вечером пошел дождь, и сделалось сразу темно.

Дрозд лежал на сырой земле, и под каждым кустом ему мерещилось недоброе. Он промок до последнего перышка и замерз. Совсем не спал прошедшей ночью. Попробуй поспать, когда над головой, как заведенная, кричит маленькая, но такая настырная сова-сплюшка:

— Сплю! Сплю! Сплю!

А сама все никак не заснет. И другим не дает.

Наконец-то под утро сплюшка замолчала. То ли уснула, то ли затаилась, боясь появления дневного света.

Дрозд видел её один раз, когда был здоровым. Она побольше скворца, глазки круглые, желтые. Ушки торчат, как рожки. Это маленькая птица, но теперь, когда у него ранено крыло, лучше ей не попадаться.

Дрозд попробовал перевернуться на другой бок и не смог. Крыло беспомощно висело и мешало перемещаться.

И тут начала кричать кукушка. Совсем рядом. Её осипший голос не давал успокоиться: «Тхы-хо, тхы-хо».

«Простудилась ночью, — подумал он, — всем не просто жить».

Пролетела летучая мышь. За ней метнулась большая тень.

«Сыгч», — догадался дрозд.

Он не испугался за себя. Пожалел летучую мышь:

«Спала всю зиму. Ждала лета. И вот попала, видно, в когти сычу. Скоро рассвет, — ткнувшись клювом в мокрую траву, думал несчастный дрозд, — взойдет солнце. Ночные враги, в том числе и сыч, спрячутся и не будут опасны. А вот дневные враги: их не меньше!»

Вчера, когда дрозд сумел вырваться из когтей ястреба и только — только успел скатиться с песчаной кручи поближе к воде, вдоль обрыва прошмыгнула рыжая плутовка лиса. Теперь с наступлением рассвета, её он боялся больше всего.

Он думал, что едва ли выживет с раненым крылом и приготовился к самому худшему...

Большая серая ворона, подлетев, взгромоздилась на голый кривой сук. Недалеко от него. Ему стало страшно.

Он закрыл глаза.

Заметив, как зорко, наклонив набок голову, ворона смотрит в ежевичные заросли, тушканчик Тиша насторожился. Он увидел дрозда.

И не успела серая разбойница спланировать на добычу, как он молнией в прыжке смело метнулся с плотика на берег. За ним — скворушка и прилетевшая в гости варакушка.

Когда бобр Боря причалил к берегу, все четверо были уже около воды.

Ворона сердито каркнула и, с шумом слетев с ветки, скрылась в лесу. Взгляд её был недовольным. Она будто говорила:

— Вы у меня ещё пожалеете об этом.

— Ну вот, — укладывавая дрозда на своё место под навесом, сказал заботливо тушканчик, — Распевали на плоту, и было весело. А теперь у нас лазарет. Будем выхаживать тебя.

— Выздоровеет и запоет. Будет у нас опять по-прежнему, — сказал скворушка Сережа, — видите, какой он везунчик.

— С вами не соскучишься, — согласился капитан.

Когда боль немного утихла, дрозд спросил варакушку:

— А ты умеешь петь как зорянка?

— Конечно, умею, — Спою потом, когда поправишься малость, хорошо? Я ещё прилечу к вам, мне это легко делать. Плот плывет медленно, а я летаю быстро.

— Хорошо! — согласился дрозд, — держи своё слово: прилетай. Я так быстрее вылечусь.

Он закрыл глаза.

Ему не хотелось, чтобы видели, как ему больно. Дрозду нравилось быть веселым. Не терпелось быстрее выздороветь и запеть.

Пусть все знают, какой у него голос!

Белые журавли

— Боря, почитай про белых журавлей, — просит тушканчик. Скворушка Сережа рассказал ему об этих замечательных птицах. И теперь ему хочется больше о них знать.

Капитан Боря слышит просьбу, но молчит. Ему не до этого. Он сидит с большой лупой около мачты и что-то внимательно рассматривает. Иногда делает записи в своём пухлом дневнике.

— Что ты там обнаружил? — тушканчик проковылял к мачте и замер от удивления.

Большой зелёный кузнечик уцепился за край сосновой коры и смешно повис в воздухе. У него шла линька. Старая кожа на его спинке разошлась и лопнула. Её владелец не без труда, настойчиво начал выбираться из ставшей ненужной ему одежды.

Подлетевшая варакушка села на плечо тушканчику и замерла, наблюдая за происходящим.

Бобр поднес лапу с карандашом к губам, давая знать, чтобы все молчали. Он продолжал внимательно следить за кузнечиком.

Когда кузнечик выбрался весь, на краешке золотящейся коры осталась висеть прозрачная, похожая на использованный чехол, кожа. Она сохранилась целиком: от кончиков ножек до шевелящихся от тихого ветра, усов.

— У нас почти каждый день на плоту объявляются гости, да ещё какие! — радовался тушканчик Тиша. — И такое происходит!

Не трогайте кузнечика. Ему надо отдохнуть после таких трудов. Он — наш гость. Причалим к берегу, пускай бежит в лес, — распорядился капитан Боря.

— Как я ему завидую! — не удержалась варакушка. — Мне бы так уметь.

— Чему же тут завидовать? — удивился тушканчик, осторожно шагая по мокрому бревнышку.

Варакушка перелетела с его плеча к оставленной кузнечиком одежке, села на мачту.

Как чему? — защebetала она. — Представляешь: Сережа и ты отвернулись, потом раз: глядите, а меня нет! Я — в новой одежде. И на мачте сиджу, как бы не я, а — синица. В её одежде тренькаю себе по — синичьи!

Синица толще тебя. Ты — худющая, — сказал тушканчик и засмеялся.

Варвкушка не обиделась.

— Ну и что? На брюшке подложу пуха, с боков подобью — глядишь, все нормально будет. Толстушкой стану, — сказав так, спохватилась: — Нет, лучше всего нарядиться не синицей, а удодам. У него смешной хохолок и длинный-длинный клюв. Он выглядит важным артистом. Он мне с детства нравится. Очень забавный петушок. Какие у него перышки с полосками красивые. То светлые, то темные, как у моряка тельняшка.

— Сама ты артистка, неугомонная, — не выдержал бобр Боря. — Вчера прилетела со своими, такими же как ты. Всю мачту облепили и устроили концерт на разные голоса до утра.

— Красиво же было! — тоненьким голоском отозвалась варакушка, правда? Никто не отрицает!

— Красиво-то, красиво, но я заслушался, и плот чуть не налетел на мель... На вахте нельзя шутить! Не положено.

— Боря, почитай про белых журавлей, — повторил свою просьбу тушканчик Тиша.

— Конечно, почитаю. Только завтра. Сегодня много дел. Скажу то, что помню, без книги. Белый журавль — самый редкий из всех журавлей. Оперение у него голубовато-белое, как снег. Его полупрозрачные перья напоминают морозные узоры на оконном стекле.

Шея у него и плечевые крылья, которые свисают ниже белого хвоста — черные. Головка украшена ярко-красной шапочкой. Темные ноги длинные и стройные. Эти журавли очень осторожные. Они близко никого к себе не подпускают.

...Возвращаясь в своё укрытие, тушканчик размышлял про себя: «Права варакушка. Как хорошо уметь в кого-нибудь превращаться. Тушканчиков журавли близко не подпустят к себе. Вот если бы на какое-то время стать бабочкой, удодам! Можно было бы с журавлями даже поговорить».

Он начал завидовать скворушке Сереже. Тот мог приблизиться к журавлям, а он нет.

...Когда тушканчик заснул, ему приснилась целая стая белых журавлей.

Речная волна билась о плот, издавая шелестящий звук, а ему казалось, что это величественные белые журавли машут своими большими крыльями, задевая за плотик. Зовут за собой...

Скрип мачты был похож на мелодично-трубные звуки, которые издают журавли, улетаая в дальние страны.

«Крруу... Крруу...» — раздавалось над головой тушканчика...

Когда голоса журавлей стихли, сон не прекратился.

На полянке, где только что были журавли, появилась большая кенгуру с детенышами. Кенгурята бегали вокруг матери и визжали, совсем как тушканчики. А она деловито передними лапами, как руками, вывернув свою сумку на животе, очищала её на солнышке от соринки. Кенгурята остановились в ожидании.

Потом все до одного спрятались у неё в сумке, как будто они играли в прятки. Забавные такие! Наружу торчали только задние их лапки и длинные хвосты.

Тушканчику тоже захотелось туда к ним запрыгнуть.

Он улыбался во сне.

Серая и решительная

Едва солнышко скрылось за могучими деревьями, на плоту объявилась неожиданная гостья.

К такому никто из путешественников не был готов: на краю мокрого скользкого бревна сидела большая серая жаба и внимательно смотрела перед собой своими черными огромными глазами.

— Привет! — только чтобы не молчать, сказал тушканчик Тиша и задорно хихикнул.

— Привет! — нисколько не смущаясь, ответила жаба, широко раскрыв рот. На верхней челюсти у неё не было зубов.

В это время на плоту оказалась ещё одна гостья: одетая в золотистую мохнатенькую шубку гусеница. Она упала с развесистого клена, наклонившегося над водой.

Гусеница нисколько не растерялась. Глядя недовольно вокруг себя, она удивилась: «Надо же, каких только зверей и

птиц нет! К чему они? Одна теснота от них. Такой большой хвост? Зачем он ему? — осматривая с ног до головы тушканчика, высокомерно думала нарядная гостья. — Только пыль поднимать? А этот жирный и толстый? Наверное, несносный лентяй, — решила она про бобра Борю. — Какой неуклюжий. Другое дело — я! Стройная и элегантная. И — никакого живота! Сплошная талия! А ведь не знаю никаких диет!»

Рассуждая так, она подползла совсем близко по бревнышку к жабе и ещё больше удивилась: «А этот мерзкий, обросший зеленью ком земли с выпученными глазами, зачем он здесь? — она надменно чуть приподняла головку. — Так тесно! Негде прогуляться».

Жаль самодовольную дамочку. Больше она ничего не успела ни подумать, ни сказать.

Не двигаясь с места, жаба шлепнула по ней языком и гусеницы как не бывало. Она отправилась в прожорливое брюшко невозмутимой жабы.

— Бьет так метко! Как снайпер! — воскликнул тушканчик. Все с интересом глядели на существо с неуклюжим туловищем, покрытым бородавками, с голой влажной кожей и короткими кривыми ногами.

Даже не верилось в такую её ловкость.

— Возьмите меня в своё путешествие, — прошамкала жаба. Она была уже старая, потому так и говорила.

— Откуда ты знаешь, что мы путешествуем? — спросил Се-режа.

— Да видно же. Мне и ежик на берегу сказал. Еле вас до-гнала.

— А не боишься? — спросил тушканчик.

— Чего мне бояться? Я много пожила на свете. Слышала, что была такая зазнайка лягушка-путешественница. Про неё даже в книжке писали. Утки, когда летали, носили её с собой на палочке. Ей не повезло: она погибла. А я везучая, потому что вдумчивая. Где я — везде везение. Это в путешествии немало значит. Мне не надо славы. Мне просто интересно.

— Но ты привыкла жить на суше, — сказал бобр Боря.

— А родилась я в воде. Это пригодится, — ответила жаба. — Я буду защищать вас. Ночью я не сплю. Значит, могу быть хо-рошим часовым.

Друзья не знали, что сказать в ответ. Для них такое предложение было неожиданным.

Жаба продолжала:

— Вам со мной хлопот не будет. Пищу я добываю сама. Ем червей, бабочек, мух, комаров, муравьев, клопов. — Глядя на бобра Борю, спросила: — А как вы обратно будете возвращаться?

— Я прорабатываю несколько вариантов, — солидно ответил капитан. — Один из них — лететь на воздушном шаре.

— Но воздушный шар сложно соорудить. И дорого!

— Я уверен друзья везде найдутся. Нам помогут.

— Разве река Волга течет прямо в Африку? — вновь задала вопрос деловая старуха.

— Нет. Нам надо будет делать переходы по земле, — последовал ответ ученого бобра.

Гостье понравились ответы капитана. Она призналась:

— Мне наскучила моя однообразная жизнь. Я хочу увидеть мир. Хочу делать открытия! А так проживешь всю жизнь безопасно, но скучно.

Бобр Боря согласно закивал головой:

— Мне это понятно.

Жаба продолжала:

— Лето пройдет, опять будет зима. Снова надо зарываться глубоко в землю, прятаться от мороза в норы, ямы. А в Африке всегда тепло! Вот где жизнь! Она приблизилась к краю плота и спросила: — Вы в этом месте на берегу будете ночевать?

— Да, — ответил за всех капитан Боря.

— Тогда я пока удаляюсь, а утром приплыву к вам. Я думаю, посоветуетесь и примете меня в свою команду. Зовут меня Жанна.

Проявив такую деликатность, жаба Жанна плюхнулась в воду и не спеша поплыла к берегу.

Глядя на удаляющуюся гостью, бобр Боря произнёс:

— Знаете, друзья, какое животное самое страшное?

— Для нас — кит! — быстро ответил тушканчик. — Он во много раз больше сома. Громадина! Проглотить может в один миг, вместе с плотом.

— Ошибаешься, — возразил капитан. — Самое страшное животное на свете — комар! В Африке, куда мы плывем, от малярии ежегодно умирают более миллиона детей. Переносчи-

ком этой страшной болезни является комар. Смекаете, какую пользу может принести африканским людям жаба? Комары — её любимая пища. А если мы возьмем не одну её, а десять! Надо помогать африканцам!

— Она вовсе и не страшная, — услышав сказанное, заявил скворушка Сережа, — имя такое красивое: Жанна!

— И места много на плоту не займет, — добавил тушканчик Тиша. — И нас будет охранять от комарищев.

— Берем старушку? — спросил капитан.

— Берем! — в один голос ответили друзья.

...Но наутро жаба не появилась. Путешественники прождали её полдня и бесполезно.

— Странно, — готовясь отчалить произнёс бобр Боря, — основательная старушка! Не похоже на неё.

— Испугалась возвращаться назад на воздушном шаре, — сделал вывод скворушка Сережа. — Все-таки летать — непривычное для неё дело.

Встреча с удавом

Не зря воробьи сидели, напыжившись, на прибрежных кустах и низко летали стрижи.

А большая серая ворона долго и монотонно каркала, сидя на верхушке старого вяза.

Накаркала вещунья ненастье. Сбежались тучки в одну кучку. К вечеру погода резко изменилась. Драконоподобные скопища туч нависли над рекой.

— Раки повылазили на берег. Нам бы догадаться надо: дело идет к грозе, — досадовал капитан Боря.

Путешественники причалили к берегу.

Над головой будто треснуло и расщепилось гигантское сухое дерево. Огромной сверкающей косой распорол тяжелый полог из темно-синих туч. Начали гнуться верхушки косматых старых ив.

Когда привязывали плот к коряжине, тушканчик Тиша увидел в темноте что-то шевелящееся на берегу.

Ему показалось, что это большая змея. Он не поверил своим глазам. Откуда здесь могут быть такие огромные змеи?

Тушканчик Тиша и скворушка Сережа дрожали от холода.

Плотик швыряло на воде, как спичечный коробок.

Кругом ухало и трещало.

И было неясно: то ли это край берега темнеет, забрызганный вспененной волной, то ли большое существо затаилось и молчит.

Дождь не полил. Он прошел стороной. А вскоре стихли и раскаты грома.

Бобр Боря развел костер под старой елью.

...Удава отпугивал огонь. Он полз незаметно метрах в пяти от костра. Его ненасытное семиметровое тело, привыкшее питаться в зоопарке поросятами и ягнятами, требовало пищи.

С тех пор, как удав удрал из зоопарка, он питался только мышами и лягушками. Этого ему было мало.

Охотился он ночью. Днем укрывался в яме около вывороченного огромного корневища столетней ели. Ему помогали быть незаметным его красновато-серый цвет и желтоватые яйцевидные пятна на спине.

Таился он и прятался от людей, конечно, не из-за застенчивости. Он с особым интересом глядел на окружающий мир. Но этот интерес его состоял целиком из одного: можно ли своего нового знакомого проглотить или нет?

Такой опасный хищник повстречался нашим путешественникам. И сейчас он искал себе новую добычу.

Его маленькая голова с тремя темными продольными полосами и противными глазками два раза приподнялась из травы, и взгляд устремился на тушканчика Тишу. Удав выбрал его.

...Почувствовав неладное, тушканчик спружинил на своих замечательных задних ногах и молниеносно ушел от опасности, оказавшись по другую сторону куста боярышника.

И бобр Боря не растерялся. Едва удав метнулся к нему, он схватил горящую головешку и бесстрашно ткнул её в пасть бандиту. Сам кубарем покатился по обрыву к воде.

Так миновали наши путешественники ещё одну опасность.

...Утром, когда они вернулись к потухшему огню, удава там не было.

— Я понял, почему жаба Жанна не вернулась к нам на плот, — сказал тушканчик Тиша.

— Почему? — спросил бобр Боря.

— Она не испугалась. На неё напал удав. Я видел: она поплыла от нас к этому дереву.

— Верно, — согласился скворушка. И горько вздохнул. Всем было очень жаль решительную жабу.

Путешественники забрали своё снаряжение и поплыли дальше. Погода стояла ясная.

Вода была не такой, как накануне, свинцово -тяжелой. Она была теплая и легкая! Казалось, что весь мир наполнен добрыми друзьями.

Скворушка Сережа сидел на мачте. Он — вперёдсмотрящий. Бобр Боря привычно управлял плотом с помощью большого весла, укрепленного сзади на самом толстом бревне.

Тушканчик отсыпался под навесом. Ему предстояло нести ночную вахту.

* * *

Удава обнаружил через неделю первоклассник Степка — внук учителя Степана Ивановича. Он побежал к деду в школу и рассказал ему о своей находке.

Степан Иванович позвонил куда надо, и вскоре приехали работники зоопарка.

Удава выманили из укрытия на приманку. Положили ему у входа несколько серых мышей.

Едва он выполз, набросили на него крепкую сетку.

— Так тебе и надо! — деловито сказал Степка.

Жаль, конечно, что наши путешественники не повстречались со Степкой. Хороший, видно, парень.

Может, это случится, когда они будут возвращаться назад?..

Ловкачка

Едва путешественники проплыли около мили, случилась неполадка.

Оказывается, от больших волн порвалась вязь, скрепляющая плот. И теперь бревна одно за другим стали отрываться от плота и уплывать.

Друзья успели причалить, когда осталось только три бревна. На них и удалось спасти снаряжение.

С вязовых и липовых стволов Боря надрал лыко и затем начал делать из них ровные заготовки.

За всем этим внимательно наблюдала с верхушки осокоря серая ворона.

С утра она смотрела, как чайки ловят рыбу. Долго так сидела на торчавшем из воды бревне и училась. Наконец решила попробовать. У неё получилось. Когда она поймала трех маленьких рыбок и съела их на берегу, ей захотелось отдохнуть.

И тут ворона увидела наших путешественников. Ей стало интересно смотреть, как ремонтируют плот.

Долго следила за ними, как и за чайками. Потом ей это наскучило. Она оживилась, когда заботливый скворушка вернул на плот с пищей для дрозда.

Он отыскал в лесу куст вишни и теперь кормил друга ягодами. Ворону это заинтересовало.

Когда скворушка в очередной раз прилетел к кусту вишни, на нем уже сидела нахальная ворона. Тонкие ветки не выдерживали тяжелого вороньего тела. Она взмахивала большими крыльями, пытаясь сохранить равновесие.

Ей удалось схватить одну ягоду. Но веточка обломилась, и ягода выпала из её клюва.

Ворона, недовольно каркая, взлетела. Потом села рядом на осиновый сук и стала недобро глядеть на скворушку.

А он ловко сорвал ягоду, освободил её на траве от ядра и полетел в очередной раз, неся добычу в клюве, к плоту. Там он складывал сочную ягоду в кузовок.

Ворона снялась с ветки и почти бесшумно, не спеша, последовала за ним.

Когда скворушка улетел снова за вишней, разбойница проникла под навес, схватила за ручку кузовок в клюв и удалилась.

Хорошо, что дрозда не тронула.

Так обидно всем было, что лишились кузовка. В нем были ещё подсолнечные семечки, ягоды боярышника и немало других запасов, взятых из дома.

— Не грусти, — покладисто сказал бобр Боря скворушке, — все вместе наберем ещё. Что с ней поделаешь, с воровкой? Такая ловкачка.

Он взял холщовый мешочек, и они направились в лес.

Когда вышли к вишне, в кустах метнулся лисий хвост. Потом они увидели в траве и свой кузовок. Он был пуст. Вокруг него разметаны вороныи перья. Видимо, замешкалась азартная разбойница-ворона, когда лакомилась ягодами из кузовка. И попала в лапы рыжухи.

— Умна ворона, а лисица — хитрей. Не зря говорят, что у неё тридцать три хитрости и уловки, — сделал вывод рассудительный капитан Боря и направился с кузовком к вишне.

Друзья последовали за ним.

Великодушный Граф

Граф был старый. Ему шел уже пятнадцатый год. Пес давно стал во дворе никому не нужен. Он часто уходил на берег реки и там лежал подолгу на теплом песке. Ему вспоминались его сыновья, которых уже нет и которые есть.

Вспоминая, он грустил.

Сегодня, когда хозяин вышел кормить собак, сын Графа, лохматый кобель Амур, пока сам не поел, не подпустил отца к еде.

Граф думал, что хозяин поможет ему, но тот сказал:

— Разбирайтесь сами. У вас свои законы.

И ушел.

«А что тут разбираться? Кто сильнее, тот и прав, — считают молодые. Что с этим поделаешь?» — с такими мыслями Граф провожал взглядом хозяина.

Когда Амур ушел к своей конуре, в миске ничего не осталось. Так было уже не в первый раз. Теперь Граф часто не доедал. Он стал слепнуть, и у него порой кружилась голова.

Он лежал и смотрел, прищуриив большие глаза, на серебристые речные волны.

Да, когда-то и он был сильным. Везде поспевал: караулил бахчи, склад, школу. Многим помогал.

Теперь оказался не у дел.

Так часто бывает: любят тебя и окружают друзья, когда ты сильный и красивый. Старый Граф это понимал. Он никому не жаловался на свою долю.

Все чаще чувствовал себя виноватым, что так долго живет.

Сейчас с высокого берега Граф видел, как Амур помчался к воде. Там внизу плыли шумные путешественники. Они что-то

пели забавное. Один из них, бобр, вздумал купаться. Он плюхнулся в воду и стал плавать. Амур, увидев плавающего бобра, с веселым лаем бросился в воду.

Бобр хлопнул своим плоским хвостом по воде и нырнул, обдав брызгами Амура.

Как только бобр вынырнул, Амур поплыл к нему, а тот вновь пропал в воде. Бобр забавлялся, дразня молодого шалопаю. Им было весело. Но старый Граф забеспокоился. Он замечал прежде, что в этом месте из толщи воды показывается большая рыба. Это был сом.

Он жил здесь в глубокой яме.

Один раз Граф видел сома совсем рядом. Тогда усатое чудище оказалось в грозу на мели. Сом чуть было не поймали рыбаки. Но он порвал огромный прочный бредень и ушел в глубину.

Обычно сомы подкарауливают свою добычу, спрятавшись за корягу или камни. Граф это знал.

Он встал и как мог поспешил туда, где барахтались Амур и бобр, где была огромная позеленевшая коряжина.

В это время Амур вышел из воды и стал шумно отряхиваться.

Бобр Боря продолжал беспечно плавать возле плота. Из воды сейчас у него торчали одни ноздри.

Чутье не подвело старого Графа. Сом в это время таился как раз у большой коряжины, дожидаясь добычи. Громадная его голова была облеплена пиявками. Он слегка шевелил своими червеобразными большими усами. Так он подманивал доверчивых рыб. Спина его и края плавников, окрашенные в черно-голубой цвет, зеленовато-черные с оливково — зелеными пятнами бока, сливались с дном реки.

Он только что проглотил двух неторопливых осторожных язей, принявших его усы за червей и опрометчиво подплывших совсем близко. Бросок — и язи пропали в бездонной сомовьей пасти.

Увидев бобра Борю, сом стал медленно приближаться к нему, готовясь схватить добычу.

В этот момент Граф что было сил метнулся с лаем к воде. Бобр Боря оглянулся. Увидел сома и, быстро сообразив, проворно нырнул. Обогнув плот, он выскочил на пологий берег.

Зловещая пасть со множеством острых зубов показалась над водой. Но было поздно. Бобр Борис сидел, укрывшись за старым пеньком.

Когда Граф подошел к нему, появились тушканчик и скворушка, которые обследовали ближайший лесок.

Дрозд, ничего не понимая, выглянул из-под навеса на плоту.

Сом ушел в глубину. Опасность миновала. Но вот беда: плот продолжал плыть по течению. Он был неуправляем. Дрозд не мог с ним справиться.

— Ничего! — воскликнул Граф. — Там за поворотом реки песчаная коса, туда сом не заплывет — мелко. Надо бежать быстрее вдоль берега, если успеем, на мели плот перехватим!

Все согласились с таким предложением.

— За мной! — помолодев от собственной решимости, командовал Граф.

И они помчались вдоль реки.

Скворушка Сережа летел над бегущими и как мог подбадривал. Один Амур побрел в свою конуру. Он был хотя и молодой, но ленивый.

И, кроме того, не понимал, как это важно: иметь в жизни друзей. И как бывает радостно, когда ты им нужен!

Необычный квартет

Дрозд лежал под навесом в тени и ждал, когда заживет крыло. Как это скучно — болеть. Другое дело, если бы взлететь на самую верхушку мачты и ранним утречком запеть. Вот бы новые друзья обрадовались. Они счастливые — у каждого из них есть своё дело. Дрозд начал шевелить клювом и что-то шептать. Тушканчик поинтересовался:

— Ты что бубнишь?

Вместо ответа дрозд спросил:

— Как мы, когда кончится Волга, попадем в Африку?

— Наш Боря думает над этим. Можно попасть по воздуху, а можно — пешком по песку.

— Тогда я правильную песенку сочинил про нас всех. Вот послушай!

Он начал торопливо вполголоса напевать. Тушканчик остановил его.

— Подожди немного! — Сказав так, он выскочил из-под навеса. Вернулся тушканчик с карандашом и бумагой.

И они начали трудиться.

Дрозд тихонечко напевал, а Тиша записывал.

Когда прилетел скворушка Сережа, они втроем продолжили своё таинственное занятие.

А тут появилась быстрая птичка варакушка. Она не нарушила обещания, данного ей дрозду, — прилетала на плот издалека. Что значит расстояния, если тебя ждут друзья. Она сразу подхватила слова песни и попыталась запеть во все своё звонкое горло. Скворушка вовремя её остановил. Они задумали подготовить сюрприз капитану Боре.

Друзья репетировали недолго.

Когда вышли из-под навеса, поддерживая крыло дрозду, сразу услышали голос уставшего за ночную вахту капитана, обращенный к тушканчику Тише.

— Почему ты с кастрюлей?

— Это теперь не кастрюля. Это у нас барабан, — ответил тушканчик.

Он сел на бревнышко и положил свои пухленькие коротенькие передние лапки на новоявленный инструмент.

Скворушка сел на перекладинку мачты около варакушки. Та нетерпеливо потряхивала головкой. Ей скорее хотелось начать петь.

Сережа торжественно тряхнул своими черными крыльями и стал похож на артиста в смокинге. Он набрал побольше воздуха в грудь и произнёс:

— В исполнении квартета для нашего капитана прозвучит песня. Слова и музыка дрозда!

Капитан Боря тихо удивился:

— У дрозда нет имени? У варакушки нет, но у всех членов команды должно быть имя!

— Нету, — ответил скворушка Сережа, — не успели...

— Непорядок, — шумнул капитан. — Будем звать его Данилой!

— Почему Данилой? — поинтересовался дрозд.

Бобр Боря поднял вверх лапу:

— Ты заметил, какие у нас имена? У тушканчика имя начинается с буквы «Т». У скворушки — на букву «С» и так далее... Мне так нравится.

— Ладно, — сказал дрозд, — согласен.

— Нет! — тут же воскликнула варакушка. — ему больше подходит имя Дима! Димочка! Так красивее. Я настаиваю.

Бобр два раза кашлянул.

— Согласен быть Димой? — спросил он дрозда.

Дрозд посмотрел на притихшую варакушку и утвердительно кивнул головой.

Варакушка победно посмотрела на бобра Борю и захлопала крыльшками.

Капитан ещё раз кашлянул. Но не сердито: так, для порядка.

— А теперь давайте вашу песню, — разрешил он.

Первой запела варакушка. Перышки на её груди зашевелились. Белая звездочка замерцала в такт мелодии:

*Пуškai порой вам кажется,
Что все у нас не свяжется,
Что в Африку не плавают
По Волге, по реке.*

Капитан Боря улыбался. Он забыл про усталость.

А тут вступили ещё два певца — скворушка Сергей и тушканчик Тиша.

У Сережи его черные крыльшки стали словно невесомые, а у Тиши чудно зашевелились усы.

*Нам не доплыть на плотике?
Но есть же самолетики!
Огромные верблюды есть,
И есть воздушный шар!*

Трио вдохновенно пело. Дрозд лежал возле тушканчика и блаженно улыбался.

Тушканчик Тиша своими маленькими передними лапками постукивал по кастрюле-барабану с таким удовольствием, что бобр Боря не заметил, как сам взял в лапы две ровненькие палочки и начал ими, будто на ксилофоне, отстукивать по бревнышкам. Получалось звонко и ловко.

Такой собрался удачный квартет!

— Маэстро, Дима, подпевайте, — сверкнув темными глазами, галантно предложил скворушка Сережа.

И Дима подчинился. Над рекой летело задорное:

*Плыть сами не решаетесь
И тихо в страхе маетесь?
Попросите вас взять с собой?
Быть может и возьмем!*

*И вовсе не зазнайки мы!
А просто твердо знайте вы:
Плывем мы прямо в Африку!
И трусов не берем!*

Из-за поворота появился большой белый пароход. Когда он поравнялся с путешественниками, нарядные пассажиры высъехали на палубу.

Все смотрели на необычных исполнителей. Такого раньше никто не видел.

Когда песенка закончилась, пассажиры на пароходе захлопали в ладоши и стали кричать: Браво! Бис!

На плотике не растерялись и повторили:

*И вовсе не зазнайки мы!
А просто твердо знайте вы:
Плывем мы прямо в Африку!
И трусов не берем!*

— Знай наших! — сказал капитан Боря. И довольный помахал лапой уплывающему вдалеке белому пароходу.

Артистка

— Почему ты так много работаешь? — спросила на следующий день оставшаяся ночевать на плоту варакунка бобра Бору. — То управляешь плотом, то в свои книжки глядишь, то на звезды ночью. Разве их все пересчитаешь? Звезд так много! Когда бы ни прилетела, ты всегда трудишься.

— А как по-другому? — сняв очки, произнёс бобр. — Каждый должен работать.

— Но ваш плотик сам по себе плывет по течению?!

Зачем ему мешать веслом? — она так говорила, а сама все смотрела на своё легкое крылышко. Любовалась его расцветкой.

— Когда по течению плывем и все нормально, тогда мало хлопот, нам предстоит возвращаться домой. Я готовлю чертежи воздушного шара.

— Когда ещё вам он понадобится? Пока-то можно веселиться! — щебетала варакушка.

И запела. Белая мигалка-звездочка на её поющей грудке за-мерцала в такт движению горла.

— Какая ты ещё глупенькая, — проворчал себе под нос бобр.

Варакушка услышала его слова и перестала петь.

— Почти как и все! — Она скосила веселую головку набок и добавила:

— Зато у меня талант.

Добрый Боря промолчал. Только подумал: «Она прилетает к нам потому, что ей у нас хорошо? Или выполняет обещание, данное дрозду Диме? В любом случае — молодец».

Варакушке показалось его молчание обидным, и она проявила свой характер. Спросила невинным голосом:

— Боря, когда вы доберетесь до Африки, там у тебя бородавка, которая торчит на носу, все равно останется или пропадет?

Бобр Борис сконфузился. Он стеснялся своей большой бородавки и ничего не ответил. Только запыхтел. Отвернувшись от варакушки, стал смотреть на воду.

«Верно, ты — артистка! Да ещё какая!», — подумал он, но ничего не сказал вслух. Проворно встал на задние ноги, растопырив на них пальцы, до самых когтей соединенные широкими плавательными перепонками. Передними лапами он начал молча поправлять узел, державший скрипучую мачту. Не ровен час мачта могла упасть и ушибить певунью.

А варакушка продолжала петь.

Таков характер у этой птицы. Неунывающий.

Тайна старой черепахи

Тянулись по берегам леса да леса, а теперь с обеих сторон — степи. Простор необъятный! Причаливай, выбегай и резвись вволю. И хотя труднее стало добывать провизию, но жить можно. Тем более, когда есть кое-что про запас. Только тушканчик Тиша выскочил на теплый песчаный ^ бережок, как сразу увидел в песке яичко. Белое такое и кругленькое. Поменьше куриного.

Пригляделся: яичко-то покачивается. Тронул лапкой, оно повернулось. Яичко было с трещинкой. Из этой трещинки показался чей-то нос.

— Вот чудеса! Первый раз такое вижу! — воскликнул Тиша. Не успел он позвать своих друзей, как скорлупка треснула, и на белый свет выползла черепашка. Ножки её, похожие на маленькие лопаточки, ловко заковыляли по песку к озеру, которое было рядом с рекой.

Тиша попятился, и у него под ногами зашевелился песок.

Из песка выползли шустрые черепашки. Одна, две, три, четыре... Каждая величиной с маленького лягушонка.

И тут будто что-то толкнуло тушканчика в спину. Он поднял голову: над ним завис хищный сарыч. Тушканчик хорошо знал этого разбойника. Сарыч нападал и уносил в своё гнездо мышей, сусликов, крыс, ящериц. Охотился он и на тушканчиков, если они выходили днем из своих земляных нор.

Сарыч только что отнес и положил на край гнезда на огромном осокоре добытую на болоте ондатру. Самка-мамаша, бесцеремонно схватив её, начала тут же кормить птенцов. Он полетел за новой добычей. Собственный голод не давал засиживаться.

...Но тушканчик не ондатра, которая задремала после завтрака на плавнях в болоте.

В тот момент, когда сарыч оказался метрах в трех, Тиша так сиганул в сторону, что хищник замешкался. Он забыл, что у тушканчика задние ноги, как пружины.

Сарыч взмыл вверх. Зорко взглянув на цепочку черепашек, устремившихся к воде, сделал круг и нацелился на последнюю из них.

Но время было упущено. Подросли скворушка, варакушка и дрозд, у которого уже окрепло крыло. И хотя каждая из этих птиц могла оказаться в когтях у сарыча, они вместе подняли такой шум, такой тарарам! Дрозд выдал целую руладу. Находчивая варакушка загалдела стаей болтливых птиц. Скворушка залаял щенком, потом лихо свистнул.

Такого сарыч прежде не слышал никогда.

А тут ещё поспешил к ним, делая тяжелые угрожающие прыжки, бобр Боря с рогатиной наперевес...

И сарыч отступил. Он набрал высоту и стал кружить высоко в небе.

Оттуда доносился его противный крик: кийе, кийе...

— Кийе, кийе... — передразнила его варакушка. — Кричит, будто канючит. Вот канюка навязался на нашу голову!

Она оказалась бесстрашной в команде друзей, эта маленькая птичка.

Все вспомнили про черепашек. Огляделись вокруг. Их уже не было на суше. Они ушли под воду.

Совсем было наши друзья собрались плыть дальше, как вдруг вода в озере у берега взбурлила, и появилась большая черепаха.

— Не торопитесь, — прошамкала она. — Я — бабушка этих черепашек. Я хочу отблагодарить вас за спасение внучат.

Путешественники остановились.

— Этот сарыч не один разбойничает здесь, — продолжила старая черепаха, — там дальше на вашем пути по левому берегу будет Черная гора. На ней живут беркуты. Остерегайтесь! Они ещё безжалостней, чем сарычи. Не пощадят вас. Беркуты — самые крупные и сильные из всех орлов, которых я видела.

— А где мать черепашек? — спросил тушканчик.

— Про это долго рассказывать...

Бобр Боря подошел поближе. Он любит слушать разные истории.

— Сразу же, как только она отложила яички в песок, попала в когти большому беркуту. Он живет на Черной горе, — начала свой рассказ неторопливая черепаха. — Орел притакивает черепах на эту высокую гору и оттуда сбрасывает их на огромные валуны, которые лежат внизу. Разбившихся черепах орлы поедают сразу. Моя дочка сильно поранилась при падении, но уцелела. Там кладбище черепах. Нагретые за день кости и панцири ночью светятся голубым светом. Она говорила, как ей страшно было там, особенно ночью. Дочка моя вернулась домой, но вскоре умерла.

Черепаха замолчала. Но ненадолго.

— Я хочу показать вам клад. Берите его. Не надо будет плыть в Африку! Возвращайтесь домой и живите богато. Вы ведь плывете искать клад?

Все молчали.

— Клад расположен в скале, которая на этом берегу. Но добираться до него надо под водой в реке. Кто умеет нырять? — черепаха ждала ответа.

— Это нам знакомо, — откликнулся бобр Боря. — Я готов! Через минуту черепаха и бобр Боря скрылись под водой.

— Черепахи и ежики одинаковые, — сделал вывод скворушка Сережа.

— Почему? — спросила варакушка.

— У обоих есть защита: у черепахи — панцирь, у ежика — иголки. Раз! И скрылись в них.

— Верно, — согласился тушканчик. — Надо об этом сказать Боре. Пусть запишет в свой дневник.

...Когда бобр Боря вслед за черепахой, проплыв по водному туннелю, попал в просторную пещеру, он увидел большую кучу золотых монет.

— Как они здесь оказались? — спросил Боря.

— Когда-то очень давно по реке плыла большая ладья с пиратами. Пираты награбили много разного добра на море и скрывались от погони. Они были пьяные. Поднялся ураган. Ладья разбилась о валуны и затонула. И пираты утонули. Живой осталась только огромная морская черепаха весом более трехсот килограммов. Её пираты взяли с собой, чтобы съесть, когда кончится провизия.

— Разве бывают такие большие черепахи? — удивился бобр Боря.

— Бывают и больше, — ответила хозяйка клада, — это была морская черепаха. Родилась она на юго-восточном побережье Северной Америки. Много повидала. Когда ладья опустилась на дно реки, черепаха нашла эту пещеру и стала в ней жить. Чтобы не скучно было, много вещей с ладьи перенесла к себе в своё гнездо. Перетаскала и золото. Но не знала, зачем оно ей? Перед смертью она открыла тайну пещеры черепахе, которая жила рядом в озере. Та рассказала обо всем моей дочке, когда умирала на кладбище. А дочка успела поведать мне.

Я решила проверить, правда ли это? Целое лето искала клад. Нашла. Но зачем мне золото?

Бобр Боря потрогал монету. Она оказалась тяжеленькой.

— Берите, сколько вам надо, мне не жалко. Но не плывите дальше. Пропадете около Черной горы. Эта гора — знак смерти.

— Надо посоветоваться с командой, — рассудительно сказал Борис. — Можно захватить с собой часть золота. Но оно тяжелое. Плот будет неповоротлив.

Они взяли по одной монете и отправились в обратный путь, на берег.

— Мне, например, не надо никаких монет, — сказала вараушка, когда капитан рассказал про то, что увидел. — Подумаешь, дорогой металл. Если бы были какие украшения, можно было бы сделать веселый наряд. Друзья бы позавидовали!

— И мне он не нужен, — поддержал её Сережа. — Если не поплывем дальше, когда ещё побываем в Африке? Там нас будет ждать слон Лорд. Мы же договорились! Договор — дороже денег!

— Дойдет ли Лорд до Африки? — произнёс задумчиво бобр. — Он такой большой и добрый.

— Разве это плохо? Наоборот, — прощепетал скворушка. — Хорошо, когда добрый.

— Хорошо-то хорошо! — вздохнул бобр, но у больших и добрых врагов бывает не меньше. А наш Лорд — громадный. Его отовсюду видно.

— Ничего, дойдет! — уверенно заявил Сережа. Он не только добрый, но ещё и смелый!

И тут нарушил своё молчание тушканчик Тиша:

— А мне надо! — заявил он звонко. — Нам всем пригодится золото!

Все разом оглянулись на него.

А он продолжал:

— Давайте соорудим на это золото большущий корабль. Пригласим в поход всех наших друзей и быстрым ходом — в Африку. Никакие беркуты не страшны будут. А там и в Австралию, может, махнём! К кенгуру в гости!

— Молодец, — похвалил Тишу бобр Боря. — Твоя мысль хороша! Но сделаем чуть по-другому: возьмем с десятков монет. Их нам хватит для того, чтобы соорудить в Африке воздушный шар.

На месте решим: возвращаться на нем домой или лететь в Австралию. А сейчас надо плыть своим ходом по течению. Так интереснее! Сколько будет разных встреч. Мы путешествуем, чтобы больше увидеть! Если поплывем на корабле, будем только пугать всех!

— Да, — согласился тушканчик, — я об этом не подумал. Ты прав! Слава нашему капитану! — воскликнул он.

— Слава! — повторили остальные.

Все согласились продолжить плавание немедленно.

— Вас на каждом шагу будет подстерегать опасность! — покачала головой старая черепаха, — если вы даже проскочите мимо Черной горы смерти.

Её слова никого не остановили.

Наши путешественники, как мы знаем, не робкого десятка.

Но что их ждет впереди?

2010 г.

Под старыми клёнами

Мои новые знакомые

Я жил спокойно в деревне у знакомых и писал в тишине книжку о взрослых. И, вдруг, приехали гости: Андрей Иванович — бывший лётчик, а теперь пенсионер и его внук перво-классник Алёшка. Пятилетняя Настя, внучка хозяина дома Сергея Ивановича, в тот же день перебралась к ним жить и у нас получилась большая компания.

...Самый весёлый и разноголосый в году месяц май уже прошёл. Наступил июнь, и стало меньше днём птичьих голосов и на затравевшей улице, и в подступившем к самому дому молоденьком леске.

Зато у Чураевых во дворе под клёнами загомонили ребячьи голоса, по-птичьи звонкие и призывные: гости приехали — и с гостями больше стало во дворе ребяташек.

Компания получилась у нас шумная и весёлая.

Июнь — самый мой любимый летний месяц. Ворота в лето!

Я всё меньше и меньше стал писать свою книгу о взрослых и начал ходить со всеми в лес, на рыбалку, и потихоньку записывать, что случалось с нами.

Мне было интересно это делать.

Мои дети давно выросли и разъехались кто куда. И стал я забывать, какие они были маленькими.

...Так я и провёл целый месяц с ребяташками в деревне.

А когда приехал в город и собрал свои листочки, на которых делал заметки, получилась книжечка с маленькими рассказами о моих новых знакомых Алёшке, Настеньке, Денисе и Ромке.

Двор Чураевых

Двор у Чураевых большой.

Когда два брата: Сергей Иванович и Андрей Иванович жили здесь вместе и были ещё школьниками, они со своими одноклассниками посадили в один ряд вдоль улицы вперемежку карагачи и берёзы.

Теперь берёз растёт в этом ряду всего пять, а карагачи сохранились все и стали большими деревьями. На них почему-то нравится больше чем где-либо шумным грачам сооружать свои гнёзда. Почти на каждом карагаче по два гнезда у них.

Карагачи все годы разбрасывали вокруг себя семена. Теперь везде: во дворе Чураевых, вокруг дома растут и взрослые деревья, и маленькие карагачата.

А клёны пришли во двор из леса.

Семена клёнов и карагачей прибывает к забору, завалинке, к любой изгороди и они, укореняясь, тянутся на свет дружно и настойчиво.

Три клёна — один перед окнами дома в палисаднике с почерневшим штакетником и два во дворе — стали такими старыми и огромными, что под ними всегда, в любой солнечный денёк, тень.

Солнечные лучи не проникают через живую зелёную завесу — и под деревьями всегда прохлада. Эти три клёна росли, когда дед Сергей и дед Андрей были ещё маленькими, а речка Ветлянка, которая под боком, была намного шире и глубже.

В этот прохладный уголок часто собираются ребяташки. Землица здесь вытоптана крепенько ногами не одного ребячьего поколения.

В верхушках деревьев птичий гомон и щебетня: а под деревьями — детский смех. Такой двор у Чураевых!

Даже речка Ветлянка к вечеру становится тише, будто прислушивается: что там во дворе?

А во дворе сегодня ребята уговорили деда Сергея поиграть с ними в школу. Они уже играли два дня назад, и всем понравилось. Двор Чураевых теперь — школа.

Поставили длинную скамеечку и на ней расселись ребята: Алёшка, Настя, соседский Денис и совсем маленький его брат, трёхлетний Ромка, которого я раньше не видел.

Ромка, Денис и их дед приехали в деревню отдохнуть на прошлой неделе.

— У меня сегодня много дел, — начал свой урок дед Сергей, усевшись на огромный пень около стола, — поэтому я задам только несколько вопросов, потом получите домашнее задание, хорошо?

— Хорошо! — сразу все ответили хором.

— Что мы изучали прошлый раз, кто напомним?

— Мы говорили о том, какие животные живут у нас в доме и в лесу, — ответил Денис.

— Молодец, — похвалил Сергей Иванович, — не забыл!

— А теперь напомним мне, кто из них как кричит?

Настя, как кричит петух?

Настя встала, деловито поправило светленькое своё платье, потом раскинула руки в стороны и тряхнула головкой:

— Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!

Глаза её были в это время закрыты, а веснушки на лице смешно шевелились.

— Молодец, — одобрил учитель, — а утка?

Настенька села на скамейку, склонила на бочёк головку:

— Кря-кря-кря!

— Отлично, Настя! Ставлю тебе пятёрку! Ты у нас, наверное, будешь артистка.

Учитель оглядел всех задорно и спросил:

— А кто скажет, как кричит волк?

Все притихли и стали глядеть на Алёшку, он самый старший из ребят — должен знать! Но он почему-то молчал.

Тогда встал радостный Дениска и сказал:

— Я знаю!

— Говори, — разрешил учитель.

Дениска набрал побольше воздуха в лёгкие и прокричал, смешно погрозив кулаком:

— Ну, заяц, погоди!

Все разом засмеялись, а учитель, сделавшись тоже весёлым, спросил:

— Ты где слышал, чтобы так волк кричал?

— В телевизоре. Кино же было, мультки. Когда он догонял зайца, так и кричал.

— Вот слушайте, как кричит волк, — Сергей Иванович сложил ладони рупором и поднёс к губам:

— У...у...у., — раздалось протяжно и тревожно.

— А теперь попробуйте вы сами.

Ученики сложили ладони, как это сделал учитель, и во дворе стал раздаваться разноголосый вой:

— У...у...у...у...

У кого получилось страшно, а у кого смешно.

— Вы у меня голодные, что ли, все? Завыли хором. Сейчас я вам пирожков с картошкой напеку, — выглянув на крыльцо, смеясь сказала бабушка Вера.

Когда ученики навьелись вдоволь, учитель объявил домашнее задание. Каждый должен был придумать стихотворение, о чём он сам захочет: «у кого к чему душа прилепилась», — так сказал Сергей Иванович.

Почему дед Андрей остался на земле

— Дедушка Андрей, почему ты летал-летал всю жизнь в небе на самолётах, а жить остался на Земле, в Москве? — спрашивает Настя.

Дед Андрей возится с удочками в тенёчке у клёнов.

Он посмотрел внимательно на Настю и сказал так:

— Керосина не хватило.

— Бензина, — поправил Алёшка.

— Нет, самолёты летают на керосине.

— Да..., — разочарованно произнёс Алёшка, а что это такое — керосин?

— Топливо, такое же, как бензин, из нефти.

— Вон у бабушки Веры коптиюшка в бане горит, она заправлена керосином.

— Баня и самолёт? — засмеялся Алёшка, — как-то не сходятся они вместе.

А Настю не интересует керосин.

— Деда, а если бы керосина хватило, ты бы улетел или остался?

— Конечно, Настя я полетал бы и потом вернулся. Вон птицы летают, а гнёзда у них на земле.

— Не у всех, — возражает Настя, — у некоторых птиц гнёзда на деревьях, ближе к небу. Вон, на том берегу, цапля живёт — птичище огромное. У неё гнездо на самом большом дереве, почти в небе.

— Я тоже хотел остаться поближе к небу — год проработал после выхода на пенсию в диспетчерской аэропорта. Но... сократили..., — как бы отвечая и на мой немой вопрос, сказал Андрей Иванович.

Насте не понятно о чём говорит дед Андрей, и она замолчала. Но не надолго. Взглянула на всех, проговорила, как будто сама себе:

— На небе места много и на земле много: всем места хватит, и птичкам и человекам!

Мы все заулыбались.

— Верно же?

— Верно-то верно, — сказал задумчиво Андрей Иванович, но вот я люблю ландыши весной и бересклёт осенью. А они только на земле растут.

— А кто такой бересклёт? — спросил Алёшка.

— Не кто, а что! Это кустарник. Мы с тобой его видели. Я показывал, в овражке у речки.

— Я его и не запомнил.

— Это оттого, что он летом неприметный, пояснил Андрей Иванович, — листья бледно-зелёные, цветочки махонькие. Но придёт осень, и он преобразится: куст становится лиловым и пурпурным и идёт от него особый золотистый свет. А в листве, словно кто-то развесит оранжево-красные фонарики. Жалко, что вас не будет здесь осенью, удивились бы!

— Я буду! — возразила Настя, — значит, увижу красоту!

— Ну, вот Настя, тебе больше повезло, чем нам, — порадовался за неё Андрей Иванович.

«Ты, Витю видел?»

Последней прилетает из далёкой Индии в наше лесостепное Заволжье красногрудая чечевица. Прилетела в свой срок и вот с верхушки вяза печально так спрашивает:

— Ты, Витю видел? — такая у неё песня.

Мы идём с Настей по лесной дороге, взявшись за руки, и я отвечаю почти машинально:

— Не видел, нет у нас таких.

— Ты с кем разговариваешь? — спрашивает моя спутница.

— А ты разве не слышишь, — говорю, — птаха уже в который раз спрашивает:

— Ты, Витю видел?

— Правда! — говорит Настя и повторяет вслед за птицей:

— Ты, Витю видел?

— Нет, — отвечаю теперь им обеим, — не видел. И невольно смеюсь.

Настя стоит серьёзная. Смотрит на меня в упор и говорит:

— А, вдруг, у неё сыночек Витя и они потеряли друг друга? Что теперь нам делать? Как помочь?

Когда подошли к затравевшему озеру, подала голос золотистая иволга. Печальный и нежный зов её как дуновение прошёл по тальнику и затих. Словно замолчала робкая флейта, пропав в листве огромной старинной ветлы.

Незнающий грусти бодрый дятел тут же заполнил наступившую паузу гулкими ударами клюва по сухому дереву.

И грусть прошла.

Деловитый дятел, не жалея себя, словно барабанщик готов был построить под свою дробную музыку весь птичий окрестный мир.

Чикалки-чирикалки

— Мой отец — молоковоз, — говорит важно Настя.

Они сидят с Алёшей на кухне и бабушка Вера, пока не готов завтрак, угощает их молозивом — молоком от недавно отелившейся коровы. Бабушка его томит в печке и ставит на стол в большой плоской чашке.

— Добавь «чик», — подсказывает бабушка.

— Бабуль, мне не понятно!

Бабушка Вера поясняет:

— Молоковоз — это машина, которая перевозит молоко. Если добавить к этому слову «чик» — получится «молоковозчик», почти как у Алёшки дедушка: «лётчик».

— Тогда самолёт, на котором летал мой дедушка, будет называться просто «лёт», да? — спрашивает внук, — если без «чик», он же летает не сам, а дедушка рулит.

Бабушка Вера молчит. Она не знает, что сказать. Чуть помолчав, произносит:

— Ну, вас, чикалки-чирикалки вы мои. Голову сломаешь с вами.

— Бабушка, — спрашивает Настя, — а почему у нашего дедушки Сергея такое большое тулбище. Он поэтому на само-

лётё не летал, а на машине ездил? Не умещается в самолётной кабинке?

— Не тулбище, а туловище, — смеясь, поправляет бабушка, — чудишь ты нарочно что ли?

Алёшка тоже недоумевает:

— Мой дед летал на самолётах и здоровый, не хромает. А дед Сергей работал шофёром, у него спина болит, и он два раза попадал в аварию. Он мне говорил. Значит шофёром работать опаснее, чем лётчиком? Машинам на земле тесно. Чтобы не сталкиваться, надо летать?

— Вот будет под клёнами ваш урок, там и спроси, — отвечает бабушка Вера.

Козочка Мариша и поролон

У бабушки Веры две козы. Одна большая и одна маленькая такая, а похожа на взрослую.

Бабушка Вера говорит, что коза Мариша хотя и маленькая, но старше своей сестры Ариши. А не выросла она оттого, что когда была совсем молоденькой и глупой, съела кусок поролона. Часть удалось у неё изо рта вынуть, а небольшой кусок она всё же проглотила. После этого козочка чуть не померла, но всё же её выходили. А рост прекратился.

— Отпоили козьим молоком — очень оно оказалось полезным, — сказала бабушка Вера и как-то особенно посмотрела на Алёшку.

Алёшка как услышал, что она сказала, сразу заволновался. Это все заметили, потому что он стал ходить около бабушки Веры и что-то думать так сильно, что лицо изменилось.

— Что с тобой случилось? — спросила бабушка Вера, и в её глазах засверкали искорки.

— Я вчера нечаянно жвачку проглотил, — с досадой проговорил Алёша.

— Жвачка не из поролона, — сказала Настя, — вырастишь, ты же не козлик. Она с надеждой посмотрела на бабушку.

Алёшка стоял молча. Лицо его покраснело

— Не беспокойся, вот сейчас принесу стакан козьего молока, выпьешь, и ничего не будет, — обнадёжила бабушка Вера.

Когда Алёшка выпил козье молоко, бабушка Вера и Сергей Иванович тихо друг другу незаметно улыбнулись: до этого Алёшка наотрез отказывался пить козье молоко. Все пили, а он не хотел: говорил, что оно чем-то пахнет непривычным.

«Сплю в оркестре»

Короткие июньские ночи украшены своими певцами. Самым первым недалеко от дома в леске, где-то во втором часу ночи, просыпается соловей. Он, видимо, раньше всех чувствует зарождение утренней зари. Ночь-то в июне не больше воробьиного носа.

Часто, в это же время, вслед за соловьём, подают голоса и жаворонки.

В четвёртом часу начинает греметь вёдрами во дворе бабушка Вера, готовясь доить корову и выгонять её в стадо.

К этому времени уже целый хор голосов: иволга, овсянка, зяблики и все остальные, кто только может подать голос — встречают песней новый летний день.

Я рассказал Алёшке о ночных певцах.

С первого дня ему определили спать в деревянных сенях, в отличие от Насти, которая спит в доме в спальне за лёгонькой занавеской с красивыми полевыми цветочками.

Стены у сеней сделаны из широченных деревянных плах, но они не очень толстые. Потолка у сеней нет — сразу тесовая крыша, поэтому всё, что творится во дворе, все звуки легко долетают в сени.

Но, оказывается, он многого не слышит. Устав за день от множества дел и впечатлений, сразу засыпает.

И даже петуха не слышит.

А сегодня заявил:

— Я сплю в оркестре!

— Как это? — спрашиваю.

— Ну, когда засыпаю, то курочки кому-то жалуются в сарае: -Ко-ко-ко...

Потом корова пыхтит.

Свинья хрюкнет, а поросята все повторяют за ней.

Кот любит под крышей лазить. Он обязательно мяукнет, когда я уже почти уснул.

А потом, во сне что ли, Цыган гавкнет и замолчит: сам не знает для чего. Цепью дёрнет, как будто проверяет её — цела или нет?

А ещё воробей утром: чик-чирик! Как на скрипке. Воробей самый маленький, а как бы самый главный — прямо под ухом зачирикает — и уж никого не слышно. Воробей — солист?

Корова Жданка

Корова Жданка блудливая — так говорит и Вера Михайловна, и пастух Иларион.

Со Жданкой часто что-нибудь случается. Прошлым летом она сломала себе правый рог. Засунула зачем-то голову в травокосу, которая стояла в дальнем углу двора. Железо оказалось крепче рога.

Жданка почти никогда не приходит домой из стада сама. Её надо обязательно искать и пригонять кому-нибудь домой. Когда её обнаруживают за чьим-либо сараем или банькой, она торопится скрыться в высокой траве или кустах. И её не сразу выгонишь оттуда. Её никогда не дождёшься — поэтому, наверное, и называли животину Жданкой.

Зачем её каждый вечер искать? — возмущается Алёшка, — мы уже знаем все её места, где она скрывается. Давайте капканы поставим, и она сама попадётся!?

В ответ на такое Алёшкино предложение бабушка Вера только укоризненно покачала головой. И непонятно: досадует она на свою вредную корову или на предложение внука.

И пастух не доволен коровой:

— Куда она — туда и всё стадо. Она всех заманивает за собой. Вожак!

Бабушка Вера слушает его и соглашается, что корова с характером. Она вздыхает, но куда деваться — корову бабушка любит.

Больше Жданки в стаде ни одна корова так много молока не даёт, хотя все о двух рогах — вот и приходится Чураевым терпеть её проказы.

У коровы Жданки и сынок её — пёстрый телёнок Ветерок — тоже проказник. Вчера он изжевал висевшую на верёвке синюю Алёшкину майку и она теперь совсем стала негодной.

— Яблоко от яблони недалеко падает, — сказала бабушка Вера, — какова мать таков и сыночек.

— Сыночек и правда весь в яблоках, — согласился Алёшка, поглаживая пятнистый бок Ветерка.

— Бабушка Вера, — говорит Алёшка, а, если бы телёнок проглотил целиком мою майку, он бы как Маришка не вырос, маленьким остался?

— Мог бы совсем подавиться и помереть, — отвечает бабушка Вера, — вовремя ты её у него отобрал.

Телёнок Ветерок стоит на своих слабых ещё ногах и доверчиво смотрит прямо на Алёшку, будто знает, что он его спас.

Его спаситель гладит ему морду и глядит прямо в глаза. Они у Ветерка большие и красивые.

Алёшка трогает пальцем толстые губы телёнку и обнимает за шею.

— И ты любишь этого губошлёпа? — говорит бабушка Вера, — что же мне с вами такими делать-то?!

Пескари клюют

В прохладной низине за подворьем Чураевых, где собрались в колок вперемежку берёзки, осинки и татарские клёны, ещё источают на смуглом песчаном теле овражка тонкий аромат светло-фарфоровые ожерелья ландышей. И рядом на полянке цветёт медуница. Нет теперь там уже сиреневых нежных колокольчиков. Ушла их пора. Незабудки отвоёвывают себе облюбванное местечко на полянке.

А дикий клевер и жёлтые лютики, по праву и в свой срок, заявляя о приходе лета, соткали дивный ковёр перед самыми окнами весёлого дома с клёнами.

Если пройти по этому большому летнему ковру совсем немного, не более пяти минут, то окажешься на берегу речки Ветлянки.

А когда войдёшь в речку и пошевелишь ступнями в песке, пескари сразу подплывают стайкой и начинают щекотать пальцы.

Их видно, этих бойких рыбёшек, они такие шустрые в воде. Алёшка стоит и смеётся, обе ноги его сразу атаквали быстрые стайки.

- Пескари как цыплята клюют мои пальцы! — удивляется он.
- Настя, попробуй и ты! — предлагает дед Сергей.
- Страшно мне, деда.
- Что ж страшного-то, — откликается дед Андрей, — вот раньше, рассказывают, на Волге нельзя было опустить ногу из лодки в воду — рыба хватала и отрывала её. Такая крупная водилась. Вот когда страшно было!
- А теперь такая рыба куда подевалась? — спрашивает Алёшка, — какой её хищник съел?
- Экология такая, — говорит дед Андрей.
- Экология — страшней акулы, она проглотила большие рыбы? — удивляется Настя, — она самая огромная получается?
- Экология это не рыба, — поясняет Сергей Иванович.
- А кто же тогда?
- Давай я расскажу про это на уроке. Хорошо?
- Я согласная, только скажи: пескари вырастают в огромных рыб?
- Нет, конечно. Они маленькие на всю жизнь.
- Тогда они скучные, потому что всегда одинаковые, — делает свой вывод Настя. И не торопится заходить в воду.

Черепаша и муравей

Черепашу принёс Андрей Иванович.

У неё был тёмно-оливковый панцирь с мелкими светло-жёлтыми пятнами. Нашёл он её у заросшего песчаного озера.

— Я еще, когда был маленьким, — по-детски улыбаясь, говорил бывалый лётчик, — находил двух черепах. Они там давно живут. И до сих пор не перевелись, удивительно!

Черепаша была важная и спокойная. Она совсем не боялась людей и, когда Настя сбегала и принесла капустный лист, черепаха начала его есть.

— А как она зиму переносит, она же любит жару? — думает вслух Алёшка.

— Это болотная черепаха, — поясняет Сергей Иванович. Она давно приспособилась жить в наших краях. Зиму она проводит под водой.

— А как дышит?

— С помощью специального мешка или пузыря, который у

неё в задней части тела. Это её лёгкие. Когда очень жарко или сильно холодно, черепахи впадают в оцепенение — спячку. Так они переживают плохую погоду. Она может несколько месяцев не есть, если нет пищи.

— А детки у черепахи бывают? — спросила притихшая Настенька.

— Я не видел, — ответил Сергей Иванович, но мне рассказывали, что в мае она роет задними лапками на берегу ямку и откладывает яички. Их у неё бывает от пяти до десяти штук. А к осени из яичек вылупляются черепашки. Они вырывают себе в земле ходы и в них зимуют.

— Знаете, что я придумал? — сказал Денис, — давайте черепахе положим на раму с колёсами от сломанной машины, она начнёт ногами отталкиваться от земли и быстро-быстро поедет.

Вот ей радость будет — а то она от скуки такая зелёная. Ей скучно так медленно двигаться.

Денис любит всё делать быстро. Он и на велосипеде гоняет быстрее всех, поэтому так и говорит.

— Ей скучно медленно жить, — продолжает он. Ему стало самому смешно, как сказал, и он весело засмеялся.

Около черепахи оказался коричневый большой муравей. Все сразу увидели его. Черепаха повернула вбок и накрыла муравья. Все замерли.

— Как танк наша черепаха, она его раздавит, — проговорил Алёшка.

Но не успел он это сказать, как муравьишка выскочил с другой стороны черепахи и быстро помчался к траве.

Мы начали смеяться над муравьём, а Алёшка задумчиво проговорил:

— У нас на уроке в школе Ирина Владимировна читала нам стихотворение, я запомнил:

— Я наступил на муравья —

А, вдруг, у него семья?

Алёшкины слова расстроили Настю:

— У муравья детки и у черепахи могут быть детки, а мы её не пускаем к ним? Давайте её отнесём туда, где взяли.

Черепаха словно догадалась, что решается её судьба, она остановилась, высунула ещё больше свою головку и стала смотреть на всех.

Денис молчал, поправляя руль своего красивого велосипеда. И непонятно было, как он относится к предложению Насти.

Я видел, что Алёшке не хочется отпускать черепаху: такая редкая находка. Но было и жалко её.

Вышла во двор бабушка Вера и поддержала Настю:

— Вам игрушки, а ей какво, поиграете и бросите.... У нас во дворе и так всякой живности хватает.

Андрей Иванович посмотрел на всех и сказал:

— Тогда давайте голосовать.

Все подняли на него глаза.

— Кто за то, чтобы отпустить черепаху? — поднимите руки!

Все подняли руки, кроме Алёшки. Он сидел на траве около черепахи, не двигаясь.

Настя посмотрела на него как взрослая: сверху вниз долго и ничего не сказала.

Алёшка под взглядом её синих больших глаз глубоко вздохнул и медленно поднял руку.

В тот же вечер мы отнесли черепаху на её озеро.

Радуга над речкой

Когда речка под боком, сразу за огородами, жизнь намного интереснее.

Ночью шёл дождь. Утром он ещё накрапывал, а к полудню появилось солнце. И всё вокруг ожило.

Река стала блестеть, и появилось много пчёл и шмелей.

Дед Андрей, Алёшка, Настя и я решили пойти порыбачить на речку. Всякий настоящий рыбак знает, что рыба после дождя клюёт лучше.

Когда мы шли, песок на тропинке был ещё сырой, и на траве блестели капли дождя, а в низинках стояли лужи.

Наша компания добралась до речки быстро: огороды не такие уж и длинные, а кончаются они на берегу Ветлянки.

Мы стояли на высоком берегу, а речка была внизу под нами. Она светлой лентой уходила слева направо от нас к горизонту и там пропадала из глаз.

Мы не спешили спускаться к воде — больно уж красивое место. Стояли, любовались. И тут поднялась радуга — высокая

и чистая. Радуга — как большая дуга перекинулась с одного берега на другой.

Все семь её цветов украшали теперь и речку Ветлянку, и дальний луг, и широкое, просторное небо. А над головами нашими зазвенели жаворонки.

— Ребята, сказал я, -смотрите: река как большая бело-се-ребристая лошадь, а радуга — дуга с колокольчиками — жаворонками. И всё это мчится далеко — далеко в степь и ещё куда — то дальше...

— А мы мчимся вместе с ними, так ведь! — воскликнул Алёшка, — в большой такой телеге из этой поляны! Нас мчит наша речка! Куда-то далеко-далеко!

— Туда, где вы с Настей будете взрослыми, — сказал Андрей Иванович.

— И где вы будете непременно счастливыми, — добавил я.

Настя рассматривала, присев, белоголовую ромашку в медово-пахнущей траве. Она не согласилась:

— Я не хочу уезжать, — спокойно возразила она.

— Я счастливая уже здесь, где папа, мама, дед, баба, Алёшка, — она посмотрела на меня мельком и улыбнулась: — и все остальные тоже...

Мы все разом заулыбались. И Настя добавила:

— Вот видите, как нам всем здесь хорошо! И весело!

И, правда: было так хорошо! Летний день был замечательный. И впереди у нас была ещё рыбалка!..

Настинo стихотворение

Под старыми тенистыми клёнами у Чураевых опять идут школьные уроки.

— Кто готов рассказать своё стихотворение — таково у нас было дамашнее задание, — говорит дед Сергей и смотрит на своих слушателей.

Все молчат, а Дениска начинает толкать Алёшку: — давай ты! Алёшка молчит. Тогда встаёт Настя.

— Стихотворение про маму, — говорит она.

Я смотрю на неё и тоже волнуясь. Настя отнеслась серьёзно к домашнему заданию. Пришла ко мне и всё допытывалась, как я пишу свою книгу, откуда в голове берутся мысли

такие? Где я беру слова, из которых можно делать настоящую книжку.

— Стихотворение про маму, — повторила она.

Ребята ещё больше притихли. И во дворе зазвучал голос Насти:

*Я у мамы в глазах,
Мама у меня в глазах,
Я у Алёшки в глазах,
Алёшка у меня в глазах,
Мама у нас в глазах,
А мы все у мамы в глазах.*

Все сначала удивлённо молчали. Когда Настя закончила, громко захлопали в ладоши. А Ромка свалился со скамейки и не заплакал, а тихонько снова залез на своё место и захлопал в ладоши, когда все уже перестали хлопать.

Дед Сергей подошёл и погладил по головам и Настю, и Ромку.

Когда игра в школу закончилась, я подошёл к Насте:

— Видишь, и у тебя получилось стихотворение, а говорила, не знаешь, откуда брать слова.

— Это потому, что я всех люблю, вот и получилось, — пояснила Настя. И весело засмеялась.

Меткий промах и кувалда

Настя, Алёшка, Денис, Ромка и я только что вернулись из леса. В молодом сосняке смотрели, не появились ли белые грибы, подосиновики, а на лугу — шампиньоны. Мы ничего не нашли. Очевидно, рано ещё, хотя три дня назад была шумная гроза и сплошной стеной хлынула на знойную землю живительная, несущая рост влага. Стоит, очевидно, ещё подождать денёчка два и повторить свой поход.

Мы, приморившись, сидим в тени наших друзей клёнов.

Большая бабочка капустница порхала-порхала по двору и села на край нашей скамейки. Денис снял свою адиддасовскую спортивную кепку и стал подкрадываться к бабочке. Она вспорхнула, но тут же села на другом краю доски. Мы все наблюдали за его охотой. Наконец-то он изловчился и совсем было накрыл бабочку кепкой. Но бабочка вылетела из-под неё

в самый последний миг и стала виться сначала над головами у нас, а потом поднялась совсем уж высоко. Напрасно Денис ладонями, сложенными лодочками, пытался всё же поймать её. Неуловистой оказалась кепка фирмы «Адидас».

— Какой меткий промах! Надо же! — то ли удивившись, то ли с досады воскликнул Денис.

Мы весело рассмеялись. Он помолчал немного и тоже начал смеяться.

Пока Денис охотился за бабочкой, я обнаружил на рукаве своей куртки клеща. Быстренько всех заставил осмотреть друг друга. Больше клещей не было. Даю пояснения:

— Ребята, клещ может быть очень опасным, он разносчик болезней. Его трудно чем-либо раздавить, даже ногой не получится.

Я ступаю на него пяткой своего тяжёлого ботинка, но клещ продолжает ползти по земле.

— Его даже, наверное, трактором не раздавишь, — продолжаю я, — а он очень вреден, потому что от него можно заразиться.

— Ерунда, — говорит Алёшка, — можно от него отделаться: надо положить его на ровное железное место и несколько раз ударить кувалдой, которая стоит в сенях.

— А почему несколько раз? — спрашивает Денис.

— А чтобы попасть, — деловито отвечает Алёша.

Ласточки и кот

В большой сельнице — сарае, в котором хранят сено, живут ласточки. Там у них два гнезда. Гнёзда они сделали из глины под листьями шифера на деревянной перекладине.

Ласточки залетают в сельницу через дверь, а, когда она закрыта, то через небольшое отверстие вверху двери.

Вот около этого отверстия и повадился лежать соседский кот. Устроится на длинном, выступающем конце перекладины и наблюдает за птицами.

И что у него на уме нетрудно догадаться.

Когда отважная ласточка пролетает мимо него в отверстие, он взмахивает лапой, словно примеривается, как ловчее схватить птицу. Но пока не решается на это.

Ласточки, когда кот сидит рядом, беспокойно кричат, прежде чем залететь в сарай, словно жалуются и просят о помощи: «Люди, разве вы не видите, помогите нам!» Но всё равно залетают: там же у них дети.

Я предложил снять дверь, чтобы она не закрывала вход. Алёшка сказал, что надо сделать отверстие побольше, а дверь не трогать. Но лучше всех сообразила Настя:

— Давайте эту деревяшку, на которой сидит кот, отпилим, и кот упадёт!

Мы так и сделали. Прогнали кота. Я взял ножовку, и хотя перекладина была из толстой, сухой берёзы, быстро отпилил выступающий её конец.

Кота мы больше около селяницы не видели, а ласточки спокойно стали летать к своим гнёздам.

И слышны были только крики маленьких птенцов в гнёздах, а взрослые ласточки жаловаться перестали.

Плоды просвещения

Из-под клёнов во дворе доносится смех, там сегодня идёт урок. Я вышел из своего подвальчика и потихоньку приблизился к клёнам. Урок в самом разгаре:

— А теперь, дорогие мои, — спрашивает учитель, — скажите, что представляет из себя наша планета Земля.

Отвечает Алёшка:

— Это такой круглый шар с деревьями, землёй, железом, это: как там ещё (он чешет затылок): с мухами, комарами, лягушками. И замолкает.

— Ещё с людьми, — вспоминает он.

— А ещё?

— Ну, это — шар, который крутится вокруг солнца и никогда не оторвётся никуда.

— А кто населяет из людей земной шар, кроме русских, знаешь?

— Да, знаю, — говорит Алёшка и начинает перечислять:

— Немцы, французы, иностранцы эти, турки...

— Иностранцы — это не национальность, — говорит учитель. — Я потом поясню разницу. А кто такие китайцы, знаешь?

Наступает пауза. Алёшка не знает как ответить. Тогда встаёт Денис и бодро говорит:

— Китайцы — это люди, которые едят китов!!!

Все начинают громко смеяться.

...Но не только учитель задаёт вопросы, на которые не сразу ответишь.

Под конец урока Денис недоумевает вслух:

— Деда Сергей, а почему слова бывают разнобокие?

— Не понял, например? — спрашивает учитель.

— Ну, вот пила, например: то она в мастерской — ей пилят дрова, а то говорят: пила молоко, пила воду?

— Ты ещё знаешь такие слова?

— Знаю.

— Какие?

— Вот когда мы ехали на автобусе из города в деревню сюда, по радио сказали: «Трупы артистов, этого, Большого театра готовятся к поездке за границу». И никто не смеялся?

Учитель таких вопросов не ожидал. Он сидит за столом и почёсывает затылок: — да... — произносит он и молчит.

А потом объявляет:

— К следующему уроку заготовьте все вот такие, как Дениска говорит, «разнобокие» слова. Будем разбираться: с какого бока их употреблять.

Птичка на ниточке

Жара наступила такая, что кажется, будто вода в реке так устала, что и не течёт совсем.

Всё отдыхает. Всё в ленивом полусне.

А пчёлы трудятся в луговых цветах и звенят на разные лады их голоса.

Над головой, прикрыв ладонью глаза, видишь странную птицу пустельгу — грозу мышей и насекомых. Она, еле подрагивая крыльями, зависла в воздухе на одном месте.

— Птичка на ниточке висит, глядите! — крикнула Настенька и стала махать руками.

Птичку и впрямь, будто кто вывесил в огромном душном помещении на показ как механическую игрушку. Она и на голос не реагирует:

*— Ниточка оборвётся и
птичка разобьётся...
Ниточка оборвётся и
птичка разобьётся... —*

кричит Настя.

Птичка повисела — повисела на ниточке на одном месте, потом резко и быстро заскользила вниз к реке и пропала в серебряных бликах над водой. Будто невидимую ниточку кто-то чикнул ножницами.

И остались на высоком берегу только звенящие пчёлы в цветах и мы с Настенькой.

— Зря я крикнула, — говорит Настя, — мы теперь с тобой без птички совсем одинокие. Она нас бросила. И скворцы улетели, и пустельга оторвалась от ниточки.

— Не горюй, Настя, — успокоил я, — ведь у нас с тобой есть ещё ласточки, которые живут в сельнице у Чураевых.

— И, правда, — обрадовалась Настя, — как же я забыла про них, они же совсем «наши».

Пахталка

Вчера бабушка Вера сказала при всех за ужином деду Сергею:

— Что же это мы, Сергей Иванович, так и будем теперь брать пахталку у Климановых, будто свою не можем починить, либо новую сделать? Не хочется просить каждый раз.

— Опять сливки накопились? — спросил Сергей Иванович.

— Накопились. Три вечера на сепараторе пропускала молоко.

— А что это такое, пахталка? — поинтересовался Алёшка.

— Мини-мини маслозавод, отозвался дед Сергей.

Потом он пожевал задумчиво вислый кончик усов и сказал решительно:

— Ладно, бабка, будет тебе пахталка, а ребятишкам масло.

...Сегодня утром мы с Алёшкой вслед за Сергеем Ивановичем пошли в его мастерскую. Сарайчик, в котором мастерская, всегда был закрыт на большой висячий замок.

Ни я, ни Алёшка никогда в нем не бывали. Нам было интересно.

То, что мы с Алёшкой увидели, когда Сергей Иванович открыл широкую и тяжёлую дверь, нас поразило.

Все полки в мастерской были наполнены инструментом. Здесь были и ножовки разной величины, и пассатижи. Были и рубанок, и большой внушительный фуганок. И долото, и коловорот.

Разных размеров буравчики лежали наготове в ровном ряду, будто ждали своего хозяина: когда же он их будет куда-нибудь вкручивать. На большом крючке висела почти новенькая дрель, а рядышком на крючке поменьше — паяльник.

На верстаке около точильного круга лежали большие ножницы, которыми стригут овец.

Но самое удивительное было то, что стояло в углу справа. Это был деревообрабатывающий станок. Старинный! Это видно было сразу. Привод у него был ножной: большое железное колесо, величиной с велосипедное, соединялось широким ремнём с маленьким валиком, укреплённым на верху станины.

Я позавидовал Сергею Ивановичу. Если у человека такой инструмент, значит, он много умеет делать сам. Таких людей я сильно уважал.

— Станок настоящий? Он работает?! — воскликнул Алёшка.

— Конечно, смотри!

— Сергей Иванович поставил ногу на полочку внизу, толкнул легонько левой рукой большое колесо, и оно закрутилось под нажимом его ноги.

Большое металлическое колесо вращалось степенно и медленно, а маленький деревянный валик быстро.

— Вот между этим валиком и стойкой зажимаем деревянную заготовку и обрабатываем её, — пояснил хозяин мастерской.

От моего деда ещё агрегат остался, а работает отлично.

— А что на нём можно делать? — не терпелось Алёшке.

— А что захочешь, всё можно и делать. Вот специальные резцы.

Он достал с полки похожие на стамески приспособления.

— Вот этими штукаами и вырезаешь. Заготовка лучше всего липовая или берёзовая. Она вращается, а ты только успевай. Рука должна быть твёрдой. Мой дед точил ножки к столам, диванам, стульям. Тогда любили резную мебель.

Он мастер был делать пряжи. Раньше они в каждом почти доме были.

...Пахталку мы сделали за один день.

Сергей Иванович быстро нашёл в своей чудесной мастерской две тонкие, но такие крепенькие дощечки и у нас на глазах по шаблону, сделанному из картона, начертил на них фигуры, похожие на большие кувшины. Затем острым топором ловко стесал всё лишнее.

— Вот вам боковинки для пахталки, а вот наждачная бумага — убирайте все заусенцы с дощечек.

Мы с Алёшкой с готовностью повиновались: задание важное и ответственное.

Пока мы трудились над порученным заданием, Сергей Иванович вытащил из-под стропилины, что под самой крышей, большой лист тонкой гибкой фанеры и начал вымерять нужные размеры. Потом пилить.

После того, как он закончил пилить, у него получились два ровных фанерных прямоугольника.

Мы поставили обе боковушки на верстаке и стали их с торцов огибать фанерой, а Сергей Иванович тут же ловко вколачивал блестящие гвоздочки.

Вскоре сооружение наше уже могло стоять само на верстаке.

— Ещё дно и крышу сделать и готово! — радовался Алёшка.

— Нет, — объяснял Сергей Иванович, — самое главное-то мы ещё не изготовили.

— А что самое главное в пахталке? — допытывался Алёшка.

— А чем пахтать, чем сбивать масло. Это мотовильце — мешалка из двух деревянных лёгких рамок. Их надо поместить в пахталку во внутрь, надев на металлический стержень, у которого на конце, выходящем наружу — рукоятка. Её будем вращать по кругу, как заводилку у машины.

Пока мы наждачной бумагой чистили сработанную конструкцию, Сергей Иванович изготовил мотовильце.

Всё спорилось в его руках. Только что трудно было представить, из чего сделать металлический стержень, а он взял толстую проволоку, выпрямил её — на одном конце сделал рукоятку, а на другом, зажав в тиски, быстро нарезал резьбу под две одинаковые гаечки.

— А почему две гаечки? — спрашивает Алёшка, зорко наблюдая за всеми действиями в мастерской.

— Голова, а для того, чтобы ими фиксировать стержень, на-вернув их с разных сторон боковушки, когда мы сделаем отверстие.

— Правильно как! — удивился Алёшка, — чтобы не про-скальзывал штырь?

— Конечно!

Когда сделали крышку пахталке и прибили дно, конструк-ция была готова.

Бабушка Вера тщательно помыла её горячей водой и про-сушила на солнце. После ужина все собрались на кухне испы-тывать агрегат в действии.

Опробовать пахталку доверили Алёшке, и он первый начал крутить рукоятку мотовильца.

Не быстрое это дело — превратить сливки в масло.

За вечер все поочерёдно попробовали крутить железную ру-коятку. В пахталке, куда Вера Ивановна залила две больших банки сливок, булькало, урчало, но, когда мы нетерпеливо от-крывали крышку: масла не было. Потом начали появляться маленькие комочки в сливках, и мы обрадовались — скоро что-то произойдёт! На улице уже было темно.

...Когда стало трудно поворачивать рукоятку у пахталки, Алёшка открыл крышку.

Большой масляный ком прилип к мотовильцу, и оттого тя-жело стало поворачивать рукоятку.

— Ура, — закричал Алёшка — получилось!

Мы все: и Настя, и Денис, и я тоже закричали «ура», как одна команда, у которой общая победа.

Пахтанье — творожистую сыворотку, которая осталась, ког-да были вынуты куски масла, бабушка Вера разлила по круж-кам. Все стали пить её и нахваливать. Было вкусно.

Масло поместили в стеклянные банки. Когда каждый по-пробовал свой бутерброд с маслом, все согласились, что вкус-нее никогда ничего не ели.

Я своему папе скажу, чтобы он тоже сделал пахталку, — за-горелся Денис, — он конструктором на заводе, где самолёты де-лают, работает. Пахталку сделает классную

— Не надо просить, — сказал Алёшка.

— Почему?

— Я, когда долго сегодня пахтал, то сильно устал и стал думать, и придумал: чтобы пахтать, надо хорошо перемешивать, правильно? — рассудительно проговорил Алёшка.

— Правильно, — согласился раньше всех и пристально стал смотреть на Алёшку Сергей Иванович.

— А, если так, давайте к красивому велосипеду Дениса приделаем бидончик со сливками, хорошо закроем его — и пусть он целый день гоняет на велосипеде. Будет такое же масло. Верно?

— Верно, — загорелся Денис, — можно на рамку, а можно на багажник.

— Только в бидончик надо положить две чистые деревяшки вместо мотовильца, чтобы перемешивали лучше сливки, — добавил Алёшка.

— Ты, Алёшка, головастый, молодец, — сказал Сергей Иванович.

— Здорово! — удивился Денис, — просто гоняешь по улице сам себе, а там как бы фабрика молочная работает!

— Не фабрика молочная, а маслозавод, — уточнил Алёшка.

— Повезло мне здорово, — сказал Алёшка, когда мы уже расходились спать.

— Повезло потому, что масло вдоволь теперь будешь есть? — спросил я.

— Нет, — сказал Алёшка, — потому что у нас есть Сергей Иванович — такой Мастер на все руки. Он немножко подумал и добавил:

— И потому, что я теперь тоже умею пахталки делать. Я всё запомнил!

Сорока-белобока

Алёшка долго смотрит на пролетающую над огородом сороку и делает вывод:

— Сорока неправильно сделанная птица.

— Почему? — спрашиваю.

— Она летает боком и трещит сильно. Всегда попадается на глаза и мешает видеть остальных.

— Если бы не было сорок, другие птицы страдали бы больше, — отвечаю я.

— Почему? — удивился Алёшка, — ей, когда ветер дует — длинный хвост мешает летать, а когда по земле ходит — она неуклюжая, ну — неуклюжая — какая от неё помощь?

— Зато, — говорю я, — она всегда первая оповещает лесных обитателей о приближении человека или хищника и они успевают укрыться в листве. Ты заметил, сам же говорил, что она всегда на глазах и всегда трещит при опасности. Лесные обитатели её недолюбливают, но знают: она всегда предупредит.

Однажды я наблюдал, как сорочья пара строила гнездо на рябине.

Они так слаженно и искусно укладывали клювами принесённые ими сухие палки, что я поразился.

Гнездо они смастерили за две недели.

И не осталось за ними никакого строительного мусора, внизу под деревом. Почти все палочки они подобрали и использовали в строительстве своего дома.

Они так поступали, будто знали, что на них смотрят люди и надо показать своё мастерство.

Алёшка смотрит удивлённо на меня и, кажется, не торопится поверить.

От сороки, похоже, он такого не ожидал.

Поговорить бы...

Школьные уроки под клёнами не только веселят ребятшек.

На последних двух уроках дед Сергей рассказывал про Миклухо-Маклая, Робинзона Крузо, Горького, царя Петра I. И вот результат:

Полдень. Все разбрелись спать, а Алёшка сидит в тенёчке на лавочке задумчивый.

Спрашиваю:

— Что, старина, грустишь?

— Я думаю.

— И о чём же ты думаешь?

— Я думаю: хорошо бы нам собраться всем вместе и поговорить!

— Ну, давайте, после сна поговорим.

— Нет, хорошо бы собраться нам всем: мне, Миклухе-Махлахе, царю Петру, Горькому, Гарри Поттеру и всем остальным, кого не помню уж... И поговорить.

Я уже понял, в чём дело, но по инерции продолжаю спрашивать:

— О чём же поговорить?

— Ну, как о чём? О жизни, конечно!...

Редкая птица — козодой

Коза Мариша обычно пасётся на обрыве у реки.

В сумеречье мы с Настей и дедом Сергеем пошли за ней. Мариша паслась не одна — там ещё были соседские козы и телята.

Вдруг из-под Мариши выпорхнула быстрая серая птичка, похожая на стрижа, и, перелетев в ту сторону, где были другие козы, пропала из глаз.

— Что за странная птица, — сказал я, — ни разу не видел.

— Это козодой, — ответил Сергей Иванович.

— Такое смешное название, — удивлялась Настенька.

— Это потому, что раньше люди думали, что она доит коз.

— Как это, дедуль?

— Эта птица кормится всегда около животных, которые привлекают к себе разных насекомых. У козодоя широкий как мешочек рот — вот он им и хватает то бабочку, то жучка какого из-под животных — и не разберёшь в сумерках, что он делает. А он уничтожает большое количество вредных насекомых.

— Получается, что люди неправду про неё думают? — допытывалась Настя.

— Я ни разу не видел, чтобы козодой доил скотину. Скорее всего, птица этого не делает. Люди ошибочно так думают о ней. Так и живёт она — без вины виноватая.

— А кто же всем скажет, что она не виноватая, — загоревала Настя.

— Трудно ответить, признался Сергей Иванович, — ты вот узнала.

— И я теперь знаю, — вырвалось у меня.

Жажда общения

Я заметил их, когда вышел по тропинке из зарослей краснотала на опушку, а нагнал на подъёме в гору.

Как не трудно было догадаться, два моих случайных попутчика — дед с внуком — возвращались с озера, куда они ходили скорее на прогулку, чем на рыбалку.

Кроме свежесрезанных двух удочек с короткими лесками, да ржавых крючков на них, больше у моих попутчиков ничего не было.

Деду — седому, грузному, то и дело громко и заразительно смеявшемуся, лет за шестьдесят, внуку — едва перевалило за три года.

В нём я запоздало узнал Ромку, брата Дениса, и мы поздоровались за руку.

Познакомились мы и с его дедом. Его зовут Альбертом Львовичем. Он первый раз приехал в эти места. Дед у Ромки большой и голова у него красивая и большая. Он профессор.

...Мы идём по просёлку теперь вместе, и вскоре я начинаю понимать и дедов весёлый смех, и их беспрестанные остановки на дороге. Идут два человека, открывающие мир. Один — вперые, другой — заново.

Впрочем, не только веселье озаряет их лица. Порой смех смолкает, и лицо мужчины становится задумчивым...

У околицы на обочине дороги нас встречает вечная беспокойная спутница просёлочных дорог — трясогузка.

Увидев её, внук тут же спрашивает:

— Деда, кто это?

— Птичка.

— Нет, кто это?

— Ну, как кто? Я же сказал: птичка. Такая же маленькая, как и ты.

— Нет, деда, ну нет! Кто? Как зовут её?

— Ах, вон что! Зовут птичку трясогузка.

Внук тут же выдёргивает свою ладошку из дедовой руки и бежит к кочке с трясогузкой.

Вскоре возвращается с плачем.

— Ну, что теперь?

— Трясогузка улетела быстро и далеко.

— И что же?

— А как же я?

— А что с тобой случилось?

Внук потерянно смотрит на деда. В глазах досада и обида на его непонятливость:

— Я не успел сказать ей, что меня зовут Ромка.

Цветочные часы

Сегодня под клёнами учитель Сергей Иванович рассказывал, как определять время, если кто заблудится, и у него нет часов.

— Деда, ты раньше часто блудил в лесу, поэтому и научился? — спрашивает Настя.

— Нет, мне мой дед ещё рассказывал, я и запомнил. И вам советую, запоминайте, пока жив. Будьте наблюдательны в лесу и в поле.

Ребята внимательно слушают.

— Вот, когда вы все сладко ещё спите, ровно в семь часов белая кувшинка раскрывает свои лепестки лицом к солнцу. И её красивая фарфоровая головка весь день поворачивается к дневному светилу.

Под вечер зелёный бутон её, как створки часов, закрывается, и он тонет в озёрной воде.

А теперь, посмотрите на поляну за нашими воротами, есть ли там одуванчики?

Ученики побежали к изгороди из длинных жердей. Искали глазами жёлтенькие головки цветков и не нашли. Ребячьи головки, как одуванчики, торчали над изгородью недолго.

— А утром были, — сказал Денис, когда все садились на скамейку.

— Верно, утром были, потому что одуванчик раскрывается в пять — шесть часов утра, а к двум — трём часам дня гаснет.

— Сколько, значит, сейчас времени? —

— Больше трёх часов, — ответил шустрый Денис.

— Молодец, быстро соображаешь! — похвалил учитель.

— А кто помнит, где у нас растёт большой куст шиповника?

— Прямо около обрыва у реки, где тропинка кончается, — вспомнил Алёшка, — он сейчас весь красный от цветов.

— Правильно, красный, потому что его цветки раскрываются в четыре часа утра, когда баба Вера встаёт сгонять корову в

стадо, — я несколько раз это проверял. А сворачиваются цветки в бутоны, не скажу когда, сами понаблюдайте и мне доложите. Хорошо?

— Хорошо, — согласились все разом.

— Деда, а я вчера смотрел, как осы мух ловят там, где норки у них около шиповника как раз, только выше. Так пахнет там сильно цветами жёлтыми. Как они называются?

— Или таволга цветёт, или это жёлтый донник. У него горьковатый запах

— Завтра покажешь? — спрашивает дед.

— Конечно, — соглашается Алёшка, — я ещё одно там гнездышко покажу вам всем. Оно в зарослях.

— Это которое у самой речки на ивовой тонкой ветке подвешено, как колыбелька? — спросил учитель.

— Да!

— Как же ты её углядел? И птичку видел?

— Видел! — ответил Алёшка, я долго высматривал, она рыжая.

— И на головке у неё чёрная косыночка, верно?

— Верно, — согласился Алёшка.

— Это очень редкая птичка, тебе повезло, а зовут её ремез, — говорит Сергей Иванович, — она искусный ткач, такое гнездо умеет делать — загляденье. Правда, певец из неё никакой.

— Деда, как ты всё успеваешь видеть и знать?! Непонятно мне.

— Долго живу здесь, что ж непонятного-то? — с улыбкой ответил Сергей Иванович, — не одни сапоги истоптал, а уж и ноги наполовину.

Я слышу их разговор и думаю:

«Надо и мне посидеть, покараулить у речной водицы. Может, и я увижу эту редкую птицу — ремеза.

Алёшка, вот, увидел!»

Про китов и их детёнышей

— А у китов детки бывают? — спрашивает Настя.

— Конечно, — отвечает Алёшка, — как у всех.

— Тогда я видела китёнышей в нашей рывтине. Их там ужас сколько!

— Это не китёньши, — смеётся Алёшка, — придумала! Это головостики, из них лягушки вырастают.

— Лягушки вырастают?! — удивляется Настя, — так неинтересно! Я думала по-другому.

— А как ты думала?

— Ну, я думала, что маленькие эти китёньши уплывают от нас далеко в океан. И пока плывут долго до своего океана, вырастают в китов больших.

Океан же далеко и большой — вот и киты становятся большие.

— Ты, Настя, фантазёрка у нас большая, — сказала подошедшая бабушка Вера, — как только в твоей головушке умещается всякая всячина.

Сказала так и ласково взяла светлую Настенькину косичку, как птичку, в свою большую ладонь

— Бабушка Вера, вы так с Настей похожи друг на друга бываете, — удивился Алёшка, — только одна большая, а другая — маленькая.

— Ага, — быстро проговорила Настя, тряхнув головой, — мы с бабушкой — как кит с китёньшем, выходит.

Она ещё раз тряхнула головой: так ей стало смешно! И весёлая её косичка выскочила из бабушкиной большой ласковой ладони и запрыгала, как трясогузка.

Жаворонки

Жаворонков в небе слышали многие, а вот какая эта птица на вид, мало кто знает.

Я тоже с детства знаю как поёт эта звонкая и радостная птица. Но ни разу не видел её близко на земле, только в небе — высоко над головой.

Наблюдательный Сергей Иванович заметил, где жаворонки иногда садятся, и мы решили понаблюдать за ними.

У него есть настоящая подзорная труба, она увеличивает в шестьдесят раз, сильнее, чем бинокль.

У этой трубы удобный чехол и тренога.

Напротив того места, куда прилетают жаворонки с просяного поля, Сергей Иванович установил на треноге эту подзорную трубу и позвал нас. Мы пришли втроем и стали ждать, укрывшись в траве.

Пролетали разные птицы.

Сорока потрещала — потрещала слева от нас на сухой ветке осины и улетела, успокоившись.

Совсем рядом от нас из-под жёлтых соцветий корзиночек пижмы — дикой рябинки — вылетела маленькая птичка, и мы даже не успели её узнать.

— Наверное, у неё там гнездо, — сказал Сергей Иванович, — вот она и таилась от нас. Не хотела, чтобы мы его обнаружили. Но не выдержала.

— Я пойду, проверю? — спросил Алёшка.

— Не надо, мы же жаворонков ждём, всё испортишь. Вот лучше обрати внимание: узорчатые листья пижмы всегда повернуты с севера на юг. Если запомнишь — не заблудишься в лесу.

— Здорово как! — отозвался Алёшка и стал глядеть в трубу.

— Смотрите, что я обнаружил, вдруг зашептал он, — целый муравейник, а раньше мы его не замечали.

Я припал к окуляру.

Там, за широко раскрытыми навстречу утреннему солнцу венчиками полевого вьюнка, посредине цветов красного клевера, под засохшим вязом возвышался муравейник, дом-бастион.

Ай да Алёшка, какой молодец. Обнаружил такое чудо. Рыжие муравьи!

Муравейник похож был на шлем богатыря Ильи Муромца.

Жара стоит несносная, а они трудятся вовсю, разбежавшись по своим тропинкам. Кто волочит за собой гусеницу, кто муху, либо совсем маленькую сухую палочку. Все заняты. Все куда-то торопятся. Некоторые, встретившись на секунду, постоят друг против друга, словно передают важные сведения. И вновь разбегаются: работы много.

А вокруг стрекочущий на все лады мир, состоящий из множества насекомых, и среди них милые сердцу кузнечики.

Тёплый воздух июня поднял с земли на опушке и в луговине герань, васильки, иван чай. В красно-белое и васильковое одевается земля.

И всё время, пока мы ждём жаворонков, за нами подглядывают анютины глазки.

Ещё в памяти стоят изысканные белоснежные ландыши, а здесь на просторе всё больше и больше с каждым днём становится красного и жёлтого цвета.

...Наступил краткий момент тишины: ни птичьего вскрика, ни мышиноного шороха — даже странно.

— Завтра будет, наверное, дождь, — говорит Сергей Иванович, — смотри какой большой паук неподвижно сидит среди паутины. Он чувствует ненастье.

И вдруг, смолкнув, подносит палец к губам:

— Ти-хо, — шепчет он, — смотрите!

Вот они! Жаворонки!..

Четыре пташки спланировали на маленький островочек песка.

— Алёшка, смотри в окуляр!

Алёшке не надо подсказывать. Он сам быстро повернул трубу куда надо и стал наблюдать.

Долго смотрит, потом делает вывод:

— Наш петух красивее, чем жаворонки.

— Ну, то петух, кто ж спорит, — соглашается тихо Сергей Иванович.

Когда подошла моя очередь смотреть в трубу, я был удивлён. Звонкая, радостная в воздухе птаха, дарящая чудесные трели, оказалась внешне не яркой. Но в её оперении была своя особая прелесть: крылья и хвостик у неё тёмно-бурые, со светлыми каёмками по наружным опахалам крыльев. Спинка у птицы охристо-буроватого цвета, а грудь — беловато-глиняного цвета с пестринками на горле и зобе.

Когда я всё это перечислил Алёшке, он ещё раз посмотрел в трубу и согласился, что птичка нарядная.

Жаворонки деловито копошились в песке, что-то выклёвывая.

— Что они делают? — спросил я.

— Наверное, клюют необходимые им минералы, — предположил Сергей Иванович.

— А питаются они чем?

— Просынными зёрнышками, семенами вики, коноплём. Да мало ли чем... ячменём... Мой приятель когда-то держал жаворонков у себя дома в клетке.

Услышав это, я вначале удивился, а потом опечалился. Стало жалко этих весёлых птичек. Зачем же их держать в неволе? Пускай они поют под небесами. Там песни звонче. И душе веселее от простора.

Мама всегда в детстве говорила нам, что жаворонки приносят детям и всем людям после долгой холодной зимы долгожданное лето красное. Она пекла из теста жаворонков и они у неё получались всегда красивые.

Мы весной забирались с братом на крышу нашего дома и звали жаворонков скорее прилететь, лето красное принести на крыльях. А мать стояла внизу и улыбалась — и была красивая такая!

И, вдруг — таких птиц в клетку! Это несправедливо.

Созрело лето

Во второй половине июня ночи становятся всё короче и короче.

Такие, что «заря заре руку подаёт» — только разгорится на небе вечерний закат, а уж глядишь, утренняя заря нарождается.

Дни длинные. И светлые — светлые!

Не наступил пока солнцеворот — 22 июня, после которого день начнёт убавляться, а ночь на прибыль пойдёт.

Тогда возврат солнца с лета на зиму начнётся.

Созрело лето.

В вечерние и утренние часы птицы ещё поют, но днём им уже не до этого: в лесу, в поле, у реки — везде пернатые добывают корм для птенцов.

Птицы все в заботах: надо быстрее своих деток на крыло поставить:

Опустела во дворе в листве клёнов скворечница. Скворчата к середине июня выпорхнули на волю. И улетели со своими родителями. И не слышно теперь их голосов.

И радостно за них, что всё вовремя успели сделать, и грустно: не услышишь теперь их пение до следующей весны.

И я подумал: вот уедут ребяташки все по домам, начнётся учебный год, и двор Чураевых опустеет как большая скворечница.

И грустно будет его хозяевам. И клёнам скучно будет. Привыкли они к весёлым голосам и птиц, и детворы...

Но, что ж теперь поделаешь? Так всё складывается.

Да и долго ещё до конца лета.

Зачем грустить раньше времени.

Перемирие

Вчера вечером Рома принёс свой красивый набор игрушек фирмы «Лего» и они с Настей долго на столе под клёнами собирали замысловатые конструкции.

К ним присоединился Алёшка. Но в чём-то он оплошал. Как так получилось, я не видел, но оказалось, что махнув рукой, он задел Насте по голове. Ей стало очень обидно и она начала плакать.

Алёшка успокаивал Настю. Видно было, что ему досадно.

— Настенька, ну я же не специально, Денис один раз мне тоже нечаянно в лоб залимонил мячиком — я не плакал и не обижался!

— Тебе он залимонил мячиком, а ты мне не мячиком, — не унималась Настя, — мне больнее.

Так она и ушла спать обиженной, когда позвала её бабушка Вера. Алёшка выглядел потерянным.

...А сегодня утром я вышел на шум во двор из своего маленького прохладного подвальчика, где ночую, и увидел необычную картину: Настенька сидит верхом на Алёшке и своими крохотными кулачками молотит ему по спине. Алёшка ни капельки не сопротивляется.

Возню их увидела и бабушка Вера. Она тоже вышла на шум:

— Настя, Настя, так нельзя, что же ты делаешь?

Настя деловито и весело поясняет:

— Я Алёшку апельсину!

Настя и Алёшка поворачивают к нам лица — они у них смеющиеся. Нам стало всё понятно: это они так мирятся и им обоим от этого весело.

Кто сильнее и кто дольше живёт?

Сегодня Сергей Иванович занят, у него много работы в лесу, поэтому урок под клёнами ведёт Андрей Иванович.

Учитель читает книжку про животных.

Кто дольше всех живёт? — этот вопрос интересуется всех сидящих на скамейке.

— Американская секвойя, или мамонтовое дерево, по утверждению различных учёных, — читает медленно Андрей

Иванович, — имеет предельный возраст 2500-4000 лет, при высоте ствола свыше ста метров и диаметре в десять метров.

— Ничего себе, деревце, — удивляется Денис, — как упадёт на землю, шишек всем наделает сколько?!

— Шишек? — громко начинает смеяться Алёшка, — ну каких шишек! Мокрое место останется от тебя, если упадёт.

Андрей Иванович поправляет очки, они у него плохо держатся. У них только левая дужка на месте, а правой нет. Вместо неё пока временно жёлтая верёвочка к уху привязана. Когда мы наблюдали за жаворонками на лугу, маленький винтик выскочил из очков и упал в траву. Мы его долго искали и не нашли. На нём держалась дужка. Такой важный маленький винтик — без него Андрею Ивановичу теперь неудобно.

Алёшка спросил:

— А из животных кто дольше живёт?

— На Галапагосских островах, где обитают гигантские черепахи и сейчас встречаются долгожителей, которым более ста лет.

— А как узнают, что черепахам столько лет, ведь они не говорящие? — сомневается Денис.

Андрей Иванович вновь подтягивает жёлтенькую верёвочку. Молча водит пальцем по странице и потом радостно говорит:

— Вот, в книжке ответ есть!

И поясняет:

— На панцире черепахи каждое лето откладывается роговое вещество в виде небольших валиков. Когда температура на улице падает, рост валиков прекращается.

Получается, что по роговым валикам можно подсчитать число прожитых черепахой лет. Как по кольцам роста в стволе деревьев.

В лондонском зоопарке живёт черепаха, которой больше трёхсот лет, — продолжает он.

— Эту старушку можно считать самым старым на Земле животным.

При слове «старушка» Настя хихихнула и уронила мячик.

— Иногда крокодилы тоже доживают до трёхсот лет.

— А слоники сколько живут? — интересуется, вылезая из-под скамейки, куда закатили красный мячик, Настя. — Они такие громадные бывают!

— А вот такие огромные животные как слоны живут всего до семидесяти лет, а киты — всего до пятидесяти лет.

— А дождевой червяк, сколько живёт? — этого в книжке нет? — Настя подошла к деду Андрею и пытается заглянуть в книжку, — он никому неинтересный, червяк, да?

— Ошибаешься, Настя, — вот написано, дождевой червь живёт до десяти лет, почти столько же, сколько собака и кошка, которые иногда доживают и до восемнадцати лет. Лошадь и верблюд живут не более 30 лет. Корова — до двадцати пяти лет.

Дикие хищники доживают до сорока — пятидесяти лет, например, тигр и медведь.

— А кто из них сильнее, медведь или тигр? — поинтересовался, давно молчавший, Денис.

— Конечно, медведь, у него ведь такие лапы! — ответил Алёшка.

— Зато у тигра больше пасть и огромные когти, — возразил Денис, — он его быстрее загрызёт. Он ещё и хитрее.

— Их, наверное, нельзя сравнивать, они разные, поэтому трудно сказать, кто сильнее, — говорит дед Андрей.

— А вот и нет, — возразила Настя, — я знаю, как узнать! Зачем мы спорим: надо поехать в город, в зоопарк, где мы были с папой. Там есть медведь и тигр. Вот у них и надо спросить, кто сильнее? И всё станет ясно!

Правильно я говорю?

Беда с козочкой Маришей

За домом Чураевых, в противоположной стороне от речки Ветлянки, есть переулок, а в переулке гать — место, куда все выбрасывают, валят в топкое место всякую всячину, ненужную в хозяйстве.

Сколько раз бабушка Вера говорила Насте:

— Не ходи по гати босиком, ноги поранишь.

Настя позабыла бабушкин наказ и чуть было не поплатилась за это.

Спасла её козочка Мариша.

Так Настя и Мариша подружились, что часто ходили вместе. Бабушка Вера радовалась всегда, глядя на них, и говорила:

— Ах, вы, мои козочки, обе — две одинаковые!

Она так говорила, наверное, потому, что обе они и весёлые, и шустрые такие. Или оттого, что они одной масти: Мариша вся коричневая и Настя загорелая такая. Светло-каштановые вихры её на голове веселят глаза.

То Мариша забежит вперёд, то Настя — так они и резвились вместе на дворе, на выгоне. Будто на резиночке друг к другу привязаны.

...На гати есть тропиночка. Около неё кто-то и высыпал золу из печки вместе с незатухшими углями.

Весёлая Мариша, когда они с Настей бежали наперегонки, наступила правой передней ногой в печной жар и спалила себе не только шерсть, но и кожу.

...Я принёс на руках Маришу во двор, и Вера Михайловна с Сергеем Ивановичем начали её лечить. А мы все помогали.

Сначала Козочка не понимала как надо себя вести и всё пыталась вырваться. Не давала как следует мазать ногу постным маслом и накладывать марлевую повязку.

Но потом поняла, что ей помогают и присмирела.

...Теперь вместо того, чтобы резво бегать, как она это часто делала прежде, Мариша перевязанная лежит у крылечка и грустно смотрит на всех, кто подходит к ней.

Ей положили большой пучок травы, Сергей Иванович принёс две больших ветки, которые она всегда любила глодать своими крепкими зубами. Но теперь ей это стало неинтересно.

Настя сидит возле Мариши на крылечке и тихо всхлипывает:

— Беденькая моя, — говорит она, заикаясь, — вместо меня ты наступила на угли.

Слёзы текут у неё по щекам. Она их даже не замечает. Так жалко Маришу.

Лист семижилника

Это растение имеет своё научное название, но мама моя звала всегда его семижилником.

Растёт семижилник обычно в тени, на влажных местах, чаще на лесных дорогах и вдоль них, где они проходят по оврагам и вблизи озёр. В степи семижилник встречается значительно реже.

Его везде безжалостно мнут копыта лошадей, колёса телег. По нему, обжигающему босые ноги прохладой, бегают ребятишки, забравшись вглубь леса.

До поры до времени его не замечают. Но, когда нога деревенского мальчишки наткнётся на битое стекло, либо гвоздь и рана начнёт гноиться, обязательно найдётся человек, который вспомнит об удивительных свойствах семижилника. И он, этот прохладный зелёный лист, своими семью жилочками, как добрыми щупальцами, накроет рану. Пройдёт время, и рана очистится. Опухоль спадёт, а он, ещё недавно зелёный, засохнет, пожелтеет и пропадёт совсем. И опять все забудут про это неприметное растение. Но забудут только до поры.

Завидная судьба у семижилника.

Коршун и цыплёнок

По улице бежит женщина. Она машет руками и кричит:

— Кшу, кшу!!! Кшу!!! Бандит проклятый!

А высоко в небе над домами не спеша летит большой коршун.

— Утащил цыплёнка! Какой бандит! — продолжает шуметь женщина.

Мы выбежали на середину двора, а Сергей Иванович, увидев в небе коршуна, быстро побежал в погребицу и вышел оттуда, уже не спеша, с ружьём.

Большая птица спокойно летела в небе, никого не боясь. Она верила в свою безопасность. У неё были крылья, а у людей только короткие руки и ноги. И как женщина на земле ни кричала, полететь за птицей никто не мог. Коршун это знал, поэтому и не торопился улетать в лес.

Как только коршун оказался над нашими головами, Сергей Иванович выстрелил. Ружьё так сильно стрельнуло, что заложило в ушах.

Стрелок оказался метким.

...Когда мы выбежали со двора и приблизились к лежавшей в траве птице, она ещё была живая и целое, не перебитое её правое крыло, как маленькое живое весло, загребало под себя воздух. Но вскоре затихло. Левое крыло совсем не двигалось.

А где же цыплёнок? Мы начали смотреть вокруг коршуна.

И вдруг из-под большой хищной птицы, похожей на маленький самолёт, выскочил жёлтенький комочек — это был цыплёнок — и присел рядом.

Он либо сильно напугался, либо ничего не понял. Сидел себе задумчиво и никуда не бежал.

— Свою хозяйку не узнаёшь!? — радостно проговорила женщина и взяла цыплёнка в руки.

— Тётка Клава, а может он не твой? — смеясь, сказал Сергей Иванович, — мало ли их тут хищников летает.

— Мой, мой, — отвечала женщина, — этот бандит два дня назад унёс уже одного его братика, прямо со двора, как и этого. Я выскочить из избы не успела.

Когда шли к дому, она дала Насте понести цыплёнка. Мы все шагали около Насти. Цыплёнок был совсем маленьким. У него не оказалось ни одной царапинки.

Как мы ловили раков

Утром, когда все позавтракали, Сергей Иванович предложил пойти на озеро ловить раков. Мы согласились. А тут Денис с Ромкой пришли и тоже присоединились к нам.

— А как мы их будем ловить? — спросил Денис.

— Вот придём, тогда увидишь, — отвечал опытный Сергей Иванович.

— А ты, ловил когда-нибудь раков? — спрашиваю я Алёшку.

— Нет.

— Ты сюда раньше не приезжал?

— Всего один раз, давно было. Дед Андрей летал на самолётах — некогда было, а папа всегда почти на работе.

А, если дома, то сидит около компьютера. Мы с мамой зовём его компьютерный ворон. Он, эту, как её — диссертацию пишет.

— Всё с вами понятно, — покачал я головой.

Когда мы пришли к озеру Лопушному, Сергей Иванович срезал в тальнике четыре короткие, чуть больше метра, удочки и привязал к каждой леску — белую нитку от обыкновенной катушки, которую он взял у бабушки Веры.

— Натё вам всем по удочке, — сказал он.

Роме он удочку делать не стал. А тот и не собирался рыбачить. Он уже возился в мокром песке, сооружал крепость — башню. Себе я сделал удочку сам.

Настя тоже взяла удочку и теперь стояла, наматывая нитку на палец.

— А где же крючки? — удивился Денис.

— А они нам не нужны, — поучал Сергей Иванович, — смотрите, что надо делать!

Он снял брюки и вошёл в воду. Чуть потоптавшись, нагнулся и достал сразу несколько ракушек. Ракушки были все в тине, но когда он их ополоснул хорошенько в воде и протёр рукой, они засверкали на солнце красивыми узорами.

Затем Сергей Иванович раскрыл ракушки большим ножом и извлёк мясо. Ловко привязав мясо ракушки на конец лески каждой из удочек, он воткнул снасть прямо в воду в метре от берега.

— Всё, рыбалка началась! — весело объявил он.

— Началась? — удивился Алёшка, — так просто? А как же он попадётся, рак, если крючка нет?

— А зачем крючки?

Рак клешнями захватывает мясо и натягивает леску. Как только увидишь, что нитка натянулась, тяни её потихоньку наверх, перебирая обеими руками. А увидишь в воде на ниточке сидящего рака с мясом в клешнях — хватай его снизу правой рукой — он твой!

— Такая разве бывает рыбалка? — засомневался Денис.

— Смотри, у тебя уже сидит, вынимай, давай!

— Давайте в первый раз хватайте Вы, — попросил Денис, а я потом уж...

Сергей Иванович подошёл к удочке и стал потихоньку вытаскивать леску.

— Хоп! — сказал он весело и выбросил большого рака на берег.

Рак плюхнулся на спину в траву и захлопал тугим хвостом. Потом перевернулся и тихо пополз к воде.

— В ведро его! — скомандовал Сергей Иванович.

— А как? — спросил Денис.

— Возьми сзади, со стороны хвоста за панцирь пальцами и все дела...

Денис подкрался к раку сзади, но потом замер: рак будто догадался, что его схватят сейчас, он начал поднимать свои клешни попеременно вверх. Они у него были похожи на ножицы.

Денис оказался парень не промах. Один миг — и рак в его руке. Теперь он в воздухе продолжал шевелить клешнями, но было уже не так страшно.

Когда натянулась леска у Алёшки, он начал подкрадываться к удочке.

— Да, иди спокойно, только не шуми и всё, — подсказывал Сергей Иванович.

— Сидит! — радостно зашептал Алёшка, — такой здоровенный!

— В воде они все большие, — отозвался Сергей Иванович.

— Эх, — удручённо произнёс Алёшка, — рак как пуля: сошёлся и задом в глубину — я моргнуть не успел.

— Не успел, а проморгал рака, — засмеялся Денис.

— А ты-то, совсем ещё не пробовал даже, — отозвался Алёшка.

Скоро лески натянулись на всех удочках. Надо было действовать.

Алёшка и Денис поймали каждый по раку, а Сергею Ивановичу повезло — на одну приманку вцепились два рака и оба оказались в ведре.

Настя попросила, чтобы на её удочку ловил я, что и было сделано.

Её удочка оказалась уловистой.

Когда ведро, больше чем наполовину, запомнилось раками, Алёшка предложил:

— А давайте их здесь и сварим!

Мы все согласились, похвалив Алёшку за предложение.

Я пошёл искать рогульки для костра, Алёшка, Настя и дед Сергей — собирать дрова.

Когда уже развели костёр, Сергей Иванович начал смеяться. Он подошёл к ведру, в котором шуршали, словно переговариваясь раки, и поднял его в руке перед собой:

— Ребята, у нас же ведро полиэтиленовое, оно расплавится. Промахнулись мы малость. Не получится. Да и соли у нас нет. Алёшка, сбегай за ведром и солью!

Алёшке предложил свой вариант:

— А давайте пойдём домой, в огороде около колодца возьмём железное ведро и сварим раков, соли возьмём дома. В огороде хорошо будет, там скамеечки, — добавил он для убедительности.

Мы снова согласились с Алёшкой и пошагали домой. Ведро с добычей нёс Алёшка, а Настя ему помогала.

Раков в огороде мы сварили удачно, а вот дальше у нас было происшествие.

Не сразу, но потихоньку, все научились есть раков. Даже Настя самостоятельно старалась очистить самый лакомый кусочек рака — хвостик, который почему-то называется шейкой.

Так всем было вкусно!

Когда все раки уже кончились, и мы посматривали на зелёный старенький чайник, который не торопился закипать, Денис произнёс:

— Смотрите что у меня на животе, чешется так!

Он задрал на животе свою сиреневую майку и все увидели красноватые пятна на коже и сыпь.

— У тебя и на лбу пупырышки красные, как ветрянка, — удивилась Настя.

Когда уже разливали чай, у Дениса кроме сыпи на животе и пятен появились три волдыря. И мы не на шутку забеспокоились.

— Ты по крапиве бегал? — спросил Сергей Иванович.

— Нет, кажется, не бегал, — ответил спокойно Денис.

— Тогда вот что, — сказал Сергей Иванович, — быстро идём к твоему деду, заберём его и стоняем в районную детскую больницу. Мало ли чего? Только бы мой дружок, Николай, с машиной дома был.

— А деда его зачем забирать, у него же нет волдырей? — удивилась Настя.

Сергей Иванович и Денис ушли, а мы остались в огороде.

Когда Сергей Иванович вернулся, он пояснил, что у Дениса оказалась аллергия на раков. Такая реакция организма. Денис никогда не ел раков, поэтому никто не знал, что ему нельзя.

Врач дал Денису таблетки, сейчас он сидит дома.

...Утром Денис пришёл к Чураевым. У него не было даже следов от вчерашнего происшествия. И выглядел Денис не пострадавшим, а даже наоборот, каким-то особенным.

Он важно заявил:

— Доктор сказал, что я держался молодцом и, когда вырасту, этой болезни у меня не будет.

Надо расти скорее, вот и всё!

Настина обида

Вчера вечером бабушка Вера и Алёшка о чём-то вдвоём на лавочке у дома тихо разговаривали.

Настя это видела и ей стало завидно.

Сегодня утром бабушка Вера рассказывала, как они когда-то с Алёшкой ели малину в саду у колодца, а в это время прибежал радостный сын её Саша и объявил, что родилась Настя.

— Было жарко, жарко, начало июля уже...

— А Алёшке сколько лет тогда было? — нетерпеливо спрашивает Настя.

— Три годика было, мы с ним везде уже ходили вместе. Хоть куда: в магазин ли, на речку...

— На лице Насти обида. Она даже всхлипнула и стала смотреть перед собой, не поднимая головы.

— Внушенька, что с тобой? — спрашивает ласково бабушка Вера.

— Что, что? — медленно говорит Настя.

Она поднимает голову, и глаза её очень грустные и большие смотрят на бабушку. Из них, кажется, вот-вот польются слёзы.

— Когда меня ещё даже не было, вы все Алёшку уже три года любили, — сказала так и мизинчиком левой руки стала тереть глаз у носа.

Но слезинка не успела выскочить.

Бабушка Вера погладила шершавой ладонью Настенькин лоб и успокоила:

— Вот придумщица. Я вас одинаково люблю обоих. Не бери в голову.

Глаза у Настеньки становятся после таких слов бабушки ещё больше и красивее, а веснушки на щеках — весёлыми. Она смотрит на неё и ничего не говорит: все и так понятно.

Сон под утро

— Почему в Москве у нас метро есть, а в деревне нет? — спрашивает Алёшка.

— На десять дворов метро? — бабе Вере сделалось смешно и она сказала сквозь смех:

— Сядешь в метро и выскочишь из деревни — не успеет вагон остановиться — деревня уже кончилась!

— Не-е-е, — возражает Алёшка, — между деревнями метро надо бы. То грязь, то пыль, а так — чик и готово! Все сухонькие.

— Метро делают там, где людям тесно, не разойтись — вот они и лезут под землю. Не от хорошей жизни это. Без свежего воздуха живут, бедняги, — убеждённо говорит бабушка Вера, — а у нас ходи и дыши сколько надо!

— Ни одного дома нет у нас двухэтажного, а в городе дома огромные и многоэтажные. Они лезут все вверх, — продолжал Алёшка.

— Оттого и лезут вверх, что воздуху и места мало.

— А зачем тогда они, если воздуху мало, как мыравьи, которых мы нашли, лезут в одну кучу, раз столько места много везде.

Алёшка показал на выгон перед домом, на широкий просторный Ильмень за рекой, уходящей далеко-далеко к горизонту.

— А шут их знает, — ответила бабушка Вера, — некогда им думать. Суетятся в делах. Вот ты приехал, перестал суетиться — огляделся, подумал и удивился: почему так? А они нет.

— Они не удивлённые ещё, — подытожил Алёшка услышанное. И покачал по-взрослому головой. И не понятно было: соглашается он с бабушкой Верой или сомневается...

— Вон, почему дядя Саша уезжает? — шутливо кивнула в мою сторону Вера Михайловна, — спроси его.

— Да, правда, дядя Саша, не надо уезжать, — проговорил Алёшка и тронул меня за руку, — тут интересно же. Каждый день что-нибудь новое. Мы так подружились отлично с Вами!

Мой отпуск, к сожалению, кончился и я не мог больше оставаться, поэтому только потрепал Алёшкин белокурый чуб и ничего не ответил.

А вечером в мой подвальчик пришли Алёшка и Настя.

— В саду у бабушки Веры так много сейчас спелой малины, зачем уезжать? — говорила Настя, — и уже огурчики первые, пушляточки в тепличке есть! Бабушка сказала: «Золотая пора идёт, скоро будут помидоры спелые».

...Мне не хотелось уезжать. И когда ребята ушли, я долго не мог успокоиться. И не работалось мне в ту ночь над рукописью, и заснуть не мог.

Взрослые заботы тянули меня в большой шумный город, а душе моей не хотелось отлепляться от тихой деревушки у реки Ветлянки. От моих старых и новых знакомых, вернувших меня на целый месяц в самое дорогое, что было у меня в жизни — в моё деревенское детство.

Уже засыпая, как маленький, загадал я: если знакомый соловей за палисадником в черёмухе запоёт и возьмёт голосом не менее семи коленец, то мне суждено приехать на следующее лето к Чураевым. И ничто меня не остановит. А, если не возьмёт — видимо не судьба.

Моя знакомая птаха не подвела меня. Соловей выдал семь коленец кряду.

Но я-то знал: он способен на большее. Соловей малость помолчал и рассыпал в листву фарфоровые колокольца словно в память о недавно ещё красовавшихся в ложбинке ландышах. Это восьмое колено было самое красивое!

...Когда заснул, приснилось будто иду я росным утром по просёлочной песчаной дороге.

Солнце едва начало золотить верхушки больших деревьев.

Иду я давно. Издалека, к Чураеву дому. И стоит окрест такая тишина, будто нагнулся я над тихим и чистым незащищённым родничком и не решаюсь тронуть его губами...

...А навстречу мне идёт Настя. И так она похожа, оказывается, на девочку из моего детства! Только звали ту девочку по-другому.

Девочка из моего детства, став взрослой, уехала далеко в большой город, и больше никогда мы не виделись.

Она, наверное, меня забыла давно.

А я, после того, как познакомился с Настей, часто вспоминаю её...

**Однажды
в зимние
каникулы**

Настины тайны

Я приехал к Чураевым в деревню в конце декабря. Мы не виделись целых полтора года. Самая младшая из Чураевых — внучка Настя — сильно подросла. Теперь ей почти семь лет.

Она такая же непоседа, какой была раньше. Когда появляется в горнице у Чураевых, светлые ее косички так и порхают перед глазами. Как птички в летнюю пору!

И комната тогда становится другой. Освещенная Настиньми лучистыми глазами, как летняя поляна с душистым разнотравьем, радует она душу. И будто нет за окошком зимних холодов. И бесприютно-печальные дни декабря уже не кажутся тусклыми и серыми. Все больше чувствуешь желанное обилие света. Вот грянет настоящий снегопад и словно в хрустальной ландышевой свежести ядреными листьями капусты захрустит под ногами снег...

— И смех, и грех, — говорит бабушка Настя — Вера Михайловна, — теперь-то страсти улеглись. А когда в прошлый раз летом все разъехались, Настя горевала сильно. Все письма писала, чаще Алешке.

Засмеялась весело и добавила:

— Не справлялась с буквами. Начинала, например, писать слово, а в нем буква «о». И доходило у нее до слез.

— Почему? — спрашиваю.

— Она никак не могла начало и конец буквы соединить в круг. Он у нее получался все больше и больше. Рукой вела по бумаге и выезжала с листка. Беда! А помогать писать не давала. Говорит: секрет. Читать написанное не позволяла. Слово с меня взяла, что не буду подглядывать. Какие уж у нее секреты с вами со всеми, не знаю? Она и вам писала?

— Да.

— И что там, в ее каракулях?

— Я храню эти письма отдельно, как очень дорогие.

— Беда с вами, — покачала головой Вера Михайловна, — и этот молчит! Кругом тайны.

Говорит и улыбается Настинкой улыбкой. И я невольно улыбаюсь.

Кто приносит зиму?

Нынешний декабрь особенный. Снега совсем мало. Жесткие струйки поземки, извиваясь, ползут за окнами чуряевского дома.

Березки, которые сбились в кучку совсем недалеко на высоком берегу речки, кажется, не выдержат напора ненастья.ломаются и их не станет. Или сбегут вниз по обрыву в реку туда, где слабее ветер. Там стоят деревья, более сильные, привыкшие переносить жесткое наступление зимы. С ними заодно легче.

Три клена над избой нависли могучими великанами. В такие дни своими оголенными ветвями они не укрывают, как летом, двор. Наоборот, стараются пропустить как можно больше теплых солнечных лучей.

Но откуда теплу взяться? Солнце в полдень поднялось багровым холодным кругом в серо-голубом воздухе над горизонтом, да так и повисло, скучая. Себе не нравится.

Декабрь — месяц-студень. Куда деваться, будет еще холоднее. Выпадет много снега — в нем спасенье живому. А пока все вокруг насторожилось, затаилось. И зверь, и птица, и деревья. Презимовать надо!

Мы с Настей стоим в комнате у окна. Нам тепло. Цветки крепенькой герани заглядывают за окно в лютую стужу. Лестки тихо колышутся.

— Переговариваются между собой, — шепчет Настя, — удивляются зиме, как и мы?

Оконное стекло все в сказочных узорах. Причудливые хризантемы, папоротники, пальмы нарисовал на стекле декабрь.

К Новому году Дед Мороз начал готовиться основательно. Он не только заузори́л стекла. И сосульки развесил, как гирлянды во дворе на кленовых ветках!

Неустойчивая промозглая погода скоро пройдет.

— Задача у декабря, — говорю Насте, — дать разбег зиме, поставить ее на ноги. Впереди солнцеворот — настоящее начало зимы. Тогда солнце начнет по небосводу тянуться выше и выше.

— Все сейчас боятся зимы, — отзывается Настя. — Вот герань! Откуда она взялась, если на морозе ей жить нельзя? А улететь, как птичка, на юг она не может... Ее бабушка Вера спасла, внесла в дом.

— Родина герани, кажется, в Африке, — отвечаю я.

— Семечко, как птичка, прилетело к нам из Африки? Или принесли птицы? — спрашивает Настя.

— Скорее всего, человек привез росток. Посадил. Он не пропал — выросло растение.

— Да... — призадумалась Настя. Чудно как! Человек специально ездил в Африку?

— Не знаю.

— И еще непонятно мне, — говорит она, — кто нам вообще зиму приносит? За ней же никто не ездил. Если лето приносят жаворонки, то, наверное, зиму — пингвины. Но они у нас не живут... Ветер приносит тогда?

Не дожидаясь ответа, рассуждает дальше:

— Вот принес ветер морозную снежинку. Она не пропала. Взяла и выросла! Нахолодила вокруг себя целые сугробы. Лед получился. Потом — целая зима вышла. Зима уходит, а лето приходит — они договорились так?

Вера Михайловна громко из кухни, второй раз уже, зовет нас обедать. некогда беседовать, потому отвечаю Насте:

— Давай, когда приедет Алешка из Москвы, попросим твоего дедушку Сергея Ивановича провести урок на эту тему. Как это делали летом. Алешке тоже будет интересно знать, откуда берется зима. Хорошо?

— Хорошо, — как эхо, отзывается Настя, — скорее бы все приехали. И Денис с Ромкой из Самары. Все, все наши!

Письмо от Алешки

К Чураевым кроме моих писем приходили и другие послания. Четыре — от Алешки, одно — от Дениса из Самары. Настя хранит их в особой шкатулке в доме деда. Сегодня пришло еще одно письмо от Алешки. Его принесла Настина мама, Любовь Васильевна.

Настя пришла из школы прямо к бабушке. Они втроем сидят за столом, я — на диванчике. Настя читает письмо:

«Дорогая Настя! Я очень соскучился. Одному без самых близких друзей грустно.

В Москве сейчас все нормально. Были выборы эти. Сейчас мама с папой говорят про них. Мне не интересно. Папа гово-

рит, что я не городской человек. У меня в голове лес да путешествия. Это не совсем так. В Москве есть очень красивые места. Например, Третьяковская галерея. Это такой музей, в который один человек Третьяков, представляешь, накупил на свои деньги для всех нас много картин. И подарил сразу всем!

Рядом с нашим домом есть поселок художников «Сокол». Там много деревьев, детская площадка, качели. А чуть дальше большое озеро, рядом в лесу — родники. Мы с папой набираем и пьем родниковую воду.

В этом поселке жили знаменитые художники. Есть даже улицы Репина, Поленова.

В Москве жить тоже можно. Только газа много. Крутом машины. Мне вспомнилась наша корова Жданка. Представляешь, если бы вместо машин было столько коров: Жданок, Зинок, Дочек, Красулей всяких... Сколько было бы молока!

Мое здоровье нормальное. Скоро мне купят мини-компьютер.

Напиши, как у тебя дела? Как дедушка Сергей и бабушка Вера живут? Как там козочка Мариша? Выросла за это время или нет? А у Жданки последний рог целый?»

У Насти затекла нога, на которой она сидела, поджав ее под себя. Она встала со стула, пододвинула его чуть ближе к окошку. Уселась, опустив обе беспокойные ноги под стол. И продолжала читать про Алешкину жизнь:

«Мы вчера с папой играли в шахматы, — писал Алешка. — Ну, да, конечно, папа выиграл. Но я сражался стойко. Напоследок папа предложил ничью. Я не взял такое предложение. Бился до конца! Потом проиграл.

Приеду, будем с тобой в шахматы резаться.

Настя, по-моему, я уже закончил письмо.

Пока, до свидания!

Вот еще! Моя мама говорит, что интересно, кто будет у Чураевых быстрее, мы или это письмо? Как только начнутся каникулы, через неделю с дедом поедem к вам. Наперегонки с письмом».

— Пока они на поезде будут мчаться к нам, мне надо, чтобы деда научил меня играть в шахматы, — забеспокоилась Настя. — Я не умею.

— Когда ж ему учить тебя, — говорит Вера Михайловна, — он торопится до приезда побольше дел переделать. Потом некогда будет.

— Попробуем научить, — говорю я. — Но времени мало.

— А вы умеете? — обрадовалась Настя.

— Да.

— Ой, как хорошо! А то я совсем не держала вас в голове. В ней Алешка за всех.

Куда уходит лето?

Вера Михайловна успела протопить с утра печку березовыми дровами. На кухне теперь тепло. А за окном в чистом поле разошлась пурга. Оголенные ветви кленов на фоне свинцового неба кажутся чужими и неприветливыми.

Настя смотрит в окошко и вздыхает:

— Бабушка Вера, а где все-таки зимует лето?

Вера Михайловна строго посмотрела на нее и спросила:

— Ты опять что-нибудь надумала?

— Ничего я не надумала, — отвечает Настя. — Просто так спрашиваю.

— Смотри у меня! Не натвори опять. Месяц декабрь не сродни августу. Замерзнешь...

Я вопросительно посмотрел на Настину бабушку. И она рассказала о летнем происшествии.

Оказывается, однажды после нашего отъезда Настя ушла за порхающей бабочкой в лес. Ее нашли на поляне за километр от дома в цветущем разнотравье, среди пчел и бабочек.

— Ей скучно было без вас, она и подалась в лес, — закончила Вера Михайловна свой рассказ.

— Бабочка за летом гналась, а я за бабочкой. Вот и вышло так, — деловито пояснила Настя.

— Вышло так, — уточняет Вера Михайловна, что искали мы ее всей улицей.

— Мне так хочется, чтобы лето вернулось... — не унимается Настя. — Ландышей собирать бы. Чтобы только от них прохладно было. Не от снега.

Пельмени с мороза

Гости приехали в субботу из райцентра в одном автобусе. Так получилось на радость всем. Морозное утро стало от веселых глаз еще искристей. Глядя на розовощеких и подросших Алешку и Дениса, Вера Михайловна приговаривала:

— Крепенькие-то какие! Словно пельмешки с мороза. Надо же, подросли как! Дайте я вас расцелую.

— Ага! — веселится Настя, — а если бы приехали летом, то были бы варениками с вишней, да?

Всем было и так весело, а тут еще такие Настины слова!

В полдень Чураевы пригласили всех на пельмени. Не зря Вера Михайловна говорила про них.

После обеда вместо того, чтобы утомониться и отдохнуть немного, Денис вспомнил о зарубках на дверном косяке. Их делал в последний раз Сергей Иванович. Пошли делать замеры и проверять, кто на сколько подрос. Сергей Иванович ставил каждого под желтую пластмассовую линейку. Ее он держал строго горизонтально, ткнув одним концом в косяк. Шариковой авторучкой делал жирную отметину. Таких отметин с цифрами, датами и именами от прошлых замеров там уже было с десяток.

Насте не терпелось узнать, кто больше всех вырос. Она то-ропила деда. А он, скосив глаза поверх новых очков, поглядел на нее строго и сказал:

— Погоди немножко. Пока я с ними вожусь, ты за это время еще подрастешь!

Настя на время успокоилась. Но потом недовольно посмотрела на Дениса и проговорила:

— Нечестно так, Денис в толстых шерстяных носках. А я почти в никаких, тонюсеньких. Он хитрый.

Когда Сергей Иванович все посчитал, оказалось, что больше всех вырос Денис. Аж на семь сантиметров, Алеша — на пять, а Настя — на четыре.

— Жаль, Ромка не приехал, может, он чемпион по росту, — улыбаясь, сказал Сергей Иванович.

Настю нисколько даже не расстроили такие результаты. У нее в голове было уже другое:

— Деда, ты летом учителем был у нас. Уроки вел. А теперь будешь?

— Больно времени мало. Неделя до нового года и неделя — после. Но если хотите, давайте завтра первый урок проведем о зиме. Интересно, кто больше знает о ней. Согласны?

Никто не возражал. А у Насти новое предложение:

— Я вам не сказала главную новость, — она поочередно посмотрела на Алешку и Дениса, — я про козу Маришу говорю. После того как она проглотила поролон и заболела, все думали, что не вырастет. А она стала большой красавицей! Пойдемте ее смотреть! Не коза, а козище какое-то! Посмотрим! И с горки покатаемся! Ее дядя Саша сделал. У меня не получается кататься. Я на половинке горы вылетаю из санок. Потом ищу их.

Денису и Алеше стало смешно от ее слов. Они стали толкаться. С охватившей их веселостью места в доме стало не хватать. Мы вышли во двор, в морозный ясный день. И направились к речке, которая, залубенев от холода, стала казаться намного меньше.

Неразлучницы

— В конце огорода стояли две красивые березы. Где они? — спохватился вечером Алешка.

И я заметил, что чего-то не хватает, но не догадался. Алешка опередил.

— У одной на белой коре было пятнышко такое особенное, как глаз, — говорит он, — мне всегда казалось, что она на меня смотрит, когда бабушка за луком посылала. Березе было интересно, что делаю на грядках.

— А я уж отпечалилась о них, — вздыхает Настя, по-взрослому подперев кулачком подбородок. — Теперь почти забыла.

— Деда, расскажи, что с ними? — просит Алешка.

И Сергей Иванович рассказал.

Прошлым летом застала его на реке непогода. Заметив, как быстро с севера надвигаются тучи, он собрал рыбацкие снасти и поплыл к берегу.

— Дождика большого не случилось — ураган прошел сильный, — говорит Сергей Иванович. — Я не видел, чтобы ломало деревья. А тут, утром пошел в огород: лежит березка на земле, одна. Вывернуло ее с корнем. Метрах в пяти от нее такая же березка — целехонькая. И ветельник кругом целехонький. Будто

ей одной только и судьба такая. С неделю я ее не трогал. Рука не поднималась. Так она и лежала поперек огорода. Зеленая и нарядная. Будто споткнулась девица. Сейчас подыметя, подберет сарафан...

Вера Михайловна, увидев, какие грустные стали лица Насти и Алешки, проронила:

— У каждого своя судьба, что ж теперь?.. Сам говоришь...

Я слушаю, не решаясь вставить слово. Такой разговор...

— И куда она делась? — спрашивает Алеша.

— Сучки обрубил и отнес за сарай, где оглобельник. В углу теперь стоит. Без дела.

— А вторая?

— Около нее.

— А почему и вторая там? Как получилось? — растерянно спрашивает Алеша.

— Сам не знаю, что произошло! Никогда такого не видел. И не слыхал, чтоб случалось... Такая же стройная. Около десяти метров высотой, вся обычно в золотистых сережках... А тут, смотрю, когда ее сестренки-подружки не стало, пожелтела в один день. Стоит, будто старушка. Я сам заболел, глядя на такое. Не трогал ее. Думал, обойдется. Может, она осень рано почувствовала и пожухла. Простояла зиму. На эту весну не зазеленела. Потемнела вся. Как и ее сестричку, убрал в оглобельник. Неразлучницы ...

— На них сороки любили сидеть и наблюдать, чтоб вовремя застрекотать своим всем, — шмыгнув носом, глухо сказал Алеша.

— А один раз я видела, птичка чечевица сидела, — говорит Настя.

— Может, скворец? — спросил я.

— Нет, это была чечевичка, — уверенно ответила Настя. — Вы же мне говорили, какая она. Как скворец, но головка и грудь красные-красные, остальное бурое.

— Это чечевица, — согласился Сергей Иванович, — Витю искала? Пела?

— Витю-тю видел? Витю-тю? — подхватила Настя.

Она, повеселев, взглянула на меня. Вспомнила нашу встречу с чечевицей в лесу летом. По этой песенке ее ни с кем не спутаешь!

Алешка сидит хмурый. У него, видно, свои воспоминания.

Зимние дары

Эту лощину с суховерхими осокорями в зимнем лесу я обнаружил еще до приезда ребят. Осенние вешенки — вот что я увидел на осокорях. Зимние грибы! Редкое дерево стояло здесь без неожиданных волнующих подарков.

Я рассказал о них ребятам. Денис и Алешка загорелись. Стали просить показать грибное место. Особенно настойчив Денис. Кажется, он из тех людей, которым постоянно необходимы приключения.

Что же! Охота пуще неволи!

Мне самому не терпелось поделиться с ребятами чудом. Вешенки в таком количестве сам впервые видел.

Мы решили идти на лыжах. Так легче в лесу. Известно, каким у нас в Среднем Поволжье бывает иногда декабрь. То колючая изморозь, то липкий снег идет. Продувной ветер тоже не лучший попутчик в таких походах.

Нам повезло. Выдался безветренный с легким морозцем день. Будто специально для нас приготовленный. Мы отправились на грибную охоту втроем. Настю уговорили остаться дома.

Что может быть красивее зимнего леса, покрытого свежим снегом и инеем! И пускай он не светит летним теплом. Не звенит от птичьих голосов, как летом. Но сколько в нем прелести! И как хороша лыжная прогулка!

После меня в лощине, похоже, никто не был. Я намеренно не торопился показывать грибы. Когда мы спустились в середину лощины, я попросил посмотреть вверх на деревья. Оба моих усердных спутника были поражены:

— Их так много! Грибное нашествие! Неужели они съедобные? — восторгается Денис.

Грибы нависали, как толстые козырьки кепок. По несколько штук на каждом дереве.

Мы сняли лыжи. Достали припасенные ножи и стали резать чудо-грибы.

— Они не могут быть червивыми, верно? — весело кричит Денис, — зима же?

Высунув кончик языка от усердия, он отделяет жестковатую нарость от дерева.

— Червяки все разбежались от мороза, — не унимается он.

— А как такие грибы варить? — интересуется обстоятельный Алешка.

— Очень просто, — отвечаю, — часа два надо покипятить, потом покрошить их на сковородку. Нарезать туда лучку, добавить подсолнечного масла и — на огонь!

— Получится блюдо под названием «Зимняя радость», — кричит Алешка, забравшись на дерево. Он срезает грибы и оттуда сверху бросает их в раскрытый рюкзак.

Скоро рюкзак становится полным. А грибов на деревьях будто не убавилось.

Не спеша тронулись в обратный путь. Рюкзак несли по очереди. Дорогой мы изрядно устали. Когда вышли к дому, на ребят напала веселость.

— Надо такие осокори посадить около дома, — начал фантазировать Денис. — Чтобы прямо с веранды резать грибы. Никуда не ходить.

— И посадить прямо над погребом, — добавляет Алеша, — открыл крышку у погреба, залез на дерево и срезай грибы. Они сами летят прямо в погреб. Только банки успевай подставлять.

Во дворе нас встретили Сергей Иванович и Андрей Иванович. Мы ушли за грибами без них. Они были по своим делам в райцентре.

— Что это у тебя в рюкзаке такое тяжелое? — спросил Андрей Иванович внука.

— Грибы, — с готовностью ответил Алеша, — зимние!

— У нас в погребе и маслята, и опята, и валуи. Соленьые. Готовые! — сказал Сергей Иванович. — Если хотите, достану. Пальчики оближете. Чудо!

— Там в погребе — грибы обыкновенные, — ответил солидно Алеша, — а здесь у нас — дары зимы! Правда, дядя Саша?

— Да, — соглашаюсь я, глядя на довольного Алешу.

А он, снимая рюкзак с плеч, поскользнулся на лыжах и упал под тяжестью грибов. Лежа на рюкзаке, произнес звонко:

— Жадность подвела. Много набрали.

Мы поспешили ему на помощь.

Настин подарок

Я подарил каждому из ребят по новой моей книжке «Под старыми кленами». Написал в ней про наши летние каникулы у Чураевых. Книжка получилась красочной. Отдельные рассказы были напечатаны в газетах еще до выхода книги. Ребята, прочитав, начали рисовать к ним картинки. Присылали их мне. Набралось более пятидесяти рисунков. Я передал их в издательство. Осенью книжка вышла.

Всем у Чураевых понравились яркие ромашки на обложке книжки. Может, оттого, что теперь зима. Говорили, что корова Жданка и теленок Ветерок в книжке как живые. А козочка Мариша и Настя в красном платье всех рассмешили.

— И я хочу написать такую книжку, — загорелась Настя. — Но не знаю, как!

— А просто, — подсказала Вера Михайловна, — пиши всем, кого любишь, письма, а потом собери их вместе — вот тебе и книга.

Она не выдержала, рассмеялась:

— Букву «о» ты, слава Богу, писать научилась.

Настя не обиделась на последние слова про букву «о». Ей не до этого.

— А можно так? — она посмотрела вопросительно на меня.

— Конечно, — согласился я.

— Тогда я буду писать всем: козе Марише, Арише, корове Жданке! И... вам, конечно... Я всех люблю.

Через год получится подарок.

— Денис будет отвечать за поросенка Борьку в письмах, а я — за Маришу, и картинки будем рисовать за них и за себя, — сказал весело Алешка.

Насте показалось, что над ней шутят, и она было нахмурилась. Но все приветливо улыбались и кивали головами.

Она радостно объявила:

— Тогда я буду думать, как назвать мою книжку. Надо, что-то особенное.

Сибич

Вчера вечером Вера Михайловна принесла новость. Оказывается, у Пети Лобачева живет с осени в избе чибис. Позавтракав, мы отправились посмотреть птицу.

Нас подзадоривает Настя:

— Живем и ничего не знаем, а тут такое!..

Она шагает впереди нас с Алешкой. Мы у нее будто на веревочке. Когда пришли, чибис был в самодельной большой клетке, которая стояла у окна на лавке. Тонконогий, в белой манишке и черном передничке, величиной с небольшого голубя, он вышагивал в клетке будто журавль.

— Прямо как начальник, — говорит Петя и смеется довольный. — Смотрите, — шепчет он и начинает слегка дуть на черную, тонкокловую головку птицы. Чибис прикрывает крупные карие глазки в колечках светлых перышек и горделиво поворачивает головой.

— Правда, начальник, — радуется Настя, — хотя и с косичкой на затылке. А ты его как-нибудь зовешь? — спрашивает она.

— Сибич, — произносит Петя, и птаха поворачивает к нему голову.

— Я не поняла, — говорит Настя.

— Что ж тут не понимать? — поясняет, чуть важничая, Петя. — Слово «чибис» надо прочесть наоборот.

Настя немного молчит, шевеля губами. Потом радуется:

— И правда! Получается, если наоборот: сибич! Какой ты молодец, придумал!

— Это не я, — весело говорит хозяин такой необычной птицы, — мой папа так назвал.

— А почему? — не понимает Настя.

— Посмотри на птицу! Вроде красивая, а хочется назвать пигалицей. Важная такая, ходит как! А от этого только смешно. Вот и Сибич поэтому, — рассуждает Петя, — все наоборот.

— А как ты его поймал? — интересуется Алеша.

— Подобрал на лугу в сентябре. Его сородичи уже улетели на юг. Он один жил. У него крыло было раненое. Я летом видел, как часто ястреб налетал на чибисов. Наверное, Сибич в бою пострадал. Чибисы храбрые. Сначала один, который об-

наруживает врага, бросается на ястреба. А потом все вместе. Вороны всегда помогают чибисам отбиться от ястреба. Я часто наблюдал это. Под ольхой спрячусь... У чибисов много врагов: собаки, кошки, сороки. И поэтому, когда человек подойдет близко к его гнезду, он кричит: «Чьи-вы, чьи-ви?» Хочет узнать: свои или чужие? Чего ожидать?

Сибич, будто догадываясь, что его хвалят, важно так переступил полусогнутыми красноватыми ножками. Потом прошелся из угла в угол в клетке. С лентой плеснул черными, неожиданно большими крыльями.

— Видите? — обрадовано сказал Петя. — Крыло работает, зажило. Он по комнате уже летал немного.

— А кормишь чем? — допытывается Алеша.

— Он любит жучков всяких, личинки. Но теперь зима. Я навозных и дождевых червей запас. В погребе держу в большом тазике с землей.

— А можно, я чего-нибудь вкусенького ему буду принести, — загорелась Настя. — Например, семечки? Или сушеную рябину, у нас есть.

— У нас тоже все это есть, — сказал Петя. Подумав, добавил: — Если хочется, приноси.

— Как хорошо! — обрадовалась Настя. Мы с Алешкой будем приходить, ладно?

— Ладно, — согласился Петя.

Свиристели

Мы с Алешкой заметили Дениса, когда поднялись от реки и направились домой вдоль огородов.

— Он, кажется, с воздушкой, — сказал мой спутник, — ворон пугает. Они хитрые. Не подпустят близко.

Когда мы подошли к Денису, он стоял неподвижно около рябины. Той самой, около которой недавно мы любовались с Алешкой необыкновенными птицами — свиристями. Этих серо-дымчатых доверчивых красавиц с бурыми хохолками мы с ним обнаружили два дня назад.

Они дружной стайкой два раза прилетали к рябине. И каждый раз после шумной кормежки рассаживались на ветвях, уже медлительные и спокойные. У птиц начинались спевки.

Как у девчат, в хоре или у ворот на лавочке. Нам с Алешкой казались забавными в морозный солнечный денек их «три-ли-ли-ли», «три-ли-ли-ли».

Сейчас певучих хохлаток на рябине не было. А Денис молча смотрел на неживую, величиной со скворца, птицу, которая лежала возле его ног. Птица и мертвая была красивой. Малиновые перышки на крыльях ее словно горели в снегу.

— Хотел попробовать, возьмет воздушка или нет, — не поднимая головы, сказал Денис.

Он сам не ожидал того, что случилось.

— Ружье есть, ума не надо, — Алешка остановился около него, — обалдел, да? Это же безобидная свиристель!

— Ладно тебе, — вскинулся нервно Денис, — сам, умник, говорил, что ружье не возьмет, слабое. Завидуешь! У тебя такого нет.

— Я говорил, когда ты хотел стрелять в ворону, а тут — свиристель. Большая разница.

— Какая разница? — возбужденно произнес Денис. — Я даже не знал, как она называется. Такая красивая!

— К вороне подкрадываться надо. И все равно не получится. А эти доверчивые совсем...

— Верно, — возбужденно согласился Денис, — сели прямо перед моим носом. Не знаю сам, как на курок нажал. Сначала только прицелиться хотел...

Я смотрел на Дениса и мне вспомнилось, как всего два дня назад Денис приходил к Чураевым с подарком деда. Воздушное ружье всем понравилось. Все, кроме Насти, из него по очереди стреляли. То в спичечный коробок, то в бумажную мишень, которую принес Денис. В тот день и договорились, что в птиц стрелять нельзя. Денис согласился с нами. Но потом несколько раз пытался подобраться к стайке ворон.

А вот сегодня...

Я поднял птицу.

— Что теперь с ней делать? — досадуя и переживая за Дениса, спросил я.

— Не знаю, — чуть слышно ответил стрелок. — Может, деду отнести, чучело сделает. Не пропадать же просто так?..

Я провел пальцем по оперенью на груди птицы. Ранка от выстрела была еле заметна.

— На, — протянул свиристель Денису.

Он неловко, едва не уронив в снег, взял птицу. Мы с Алешкой молча повернулись и направились домой.

— Алешка! — прозвучал за спиной неуверенный голос Дениса.

Мы остановились.

— Чего тебе? — спросил коротко, по-взрослому мой спутник.

— Не говори Насте о том, что я наделал.

— Ладно, — буркнул Алеша.

Я вспомнил, что мы собирались показать свиристелей Насте. Прилетят ли теперь?

Рыбачка Настя

На рыбалке часто происходит что-нибудь необычное. Потому и интересна она. Сегодня мы ловили окуней на речке.

Хорошо! Только спустился от дома под косогор, и ты на льду. Наконец-то холод превозмог надоевшую оттепель. Воздух сухой. Не стало сырого снега. Легко и свежо дышится. Речка залубенела накрепко.

Особая прелесть быть на природе в солнечный морозный денек! Выпавший снег отражает небесный свет, оттого все вокруг отдает легкой искрометной голубизной. В такой день и Насте не сидится дома. Как ни отговаривали ее, пошла с нами.

Когда бурили лунки и готовили снасть, пришла Вера Михайловна.

— Вот, принесла палатку для Насти.

Она погрозила с напускной строгостью внучке пальцем:

— А ты, чтобы как только почувствуешь, что мерзнешь — беги домой. Анчутка! Отогреешься — вернешься. Поняла?

— Да, поняла! Только я не Анчутка, я — Настя...

Полиэтиленовую палатку мы установили быстро. В нее заставили забраться Алешку и Настю. У них на двоих там одна удочка и одна лунка. Хотя ветра нет, но все-таки около десяти градусов холода. Под пленкой теплее.

Вскоре услышали, как Алешка поймал небольшого окунька, и Настя стала просить у него удочку. Ей хотелось самой порыбачить. Но Алешка не уступал удочку, и они начали сердито переговариваться. Обоим не терпелось рыбачить самостоятельно.

Мы с Сергеем Ивановичем насадили на крючки маленьких красных червячков-мотылей, и у нас пошел хороший клев. Уже вытащили больше десятка окунишек.

У Алешки привязана на леске небольшая желтенькая блесна. На блесну у него не клюет. Было слышно, что он, уступив удочку Насте, поясняет, как рыбачить, и немного нервничает.

И вдруг в палатке началась возня. Загремело ведро, на котором сидел Алешка. Потом закричала Настя:

— У нас в лунке китеньш!

Она выскочила наружу, оступилась и упала в рыхлый снег. Сергей Иванович шагнул к палатке и, высоко приподняв ее, убрал в сторону.

Алешка маялся с рыбиной. Мы потом, вспоминая этот момент, подивились его хладнокровию. Если бы он действовал упрямо и резко потянул леску на себя, она бы, верно, порвалась. Голова рыбы была размером почти с лунку и никак сходу не попадала в нее.

Когда опытный Сергей Иванович все-таки извлек добычу и она забилась в пухлом снегу, Алешка восторженно определил:

— Сом! Мы поймали сома! С мою руку!

В искрящемся снегу лежало ленивое существо с темной спиной, большой продолговатой головой и длинным светлым низу животом.

— Чумазый какой, — отряхиваясь от снега, удивилась Настя. — Китеньш!

— Не чумазый, — поправил Сергей Иванович, — это налиим. Он такой. Сейчас сом, карась, карп — в зимней спячке, их не разбудить. Зарылись в ил и недвижимы. А налиима холод бодрит — он выходит на охоту. Речная хрюшка.

— Почему? — наклонившись над добычей, спросила Настя.

— Сама говоришь, что он чумазый. И питается чем попало. Лишь бы проглотить. Такого большого я еще не ловил!

— Мировой рекорд! Да, дедуля? — воскликнула Настя.

— Не мировой, а мировецкий, — поправил по-своему Алешка.

А Насте интересно свое:

— Деда, а киты, когда спят, зарываются в ил? Им надо целую траншею тогда копать! Они же огромные! У них трактора нет.

— Что это ты все про китов, Настя? — не удержался я.

Настя горячо пояснила:

— Мне их так хочется увидеть! Такая моя мечта! Дельфины и киты — самые красивые животные в мире!

— А что же ты так закричала и вывалилась из палатки, когда увидела своего китеньша? — рассмеялся дед.

— Я не ожидала такой встречи!

Случай на речке

Река всегда живая. Даже в лютые морозы она иногда вырывается из ледового плена.

Чуть ниже от того места, где мы вчера поймали налима, на перекате поблескивает тонкой извилистой полоской темная вода. Мы знаем про эту промоину и не подходим близко. А вот Денис оплошал. Он потом рассказывал, что съехал с крутого обрыва на лыжах и не понял, как враз оказался в воде. Обнаружил его Петя и поспешил на помощь. Мы с Алешкой увидели возню в промоине издалека, с высокого берега. Алешка бросился к ним, а я метнулся к сараю за шестом.

Когда я подбежал, шест уже не понадобился. Денису удалось снять лыжи. И с помощью одной из них Алешка и Петя тащили бедолагу из полыньи.

Они лежали на толстом льду, покрытом белыми шишаками. Денис полз к ним по тонкому прозрачному льду, под которым разбегались в разные стороны белые пузыри.

На глазах лед проломился, и опять Денис оказался в ледяном крошewe. Но было уже неглубоко. Он по пояс в воде пошел нам навстречу. Мы подхватили его и, быстро взяв палки и лыжу, трусцой побежали домой. Вторая лыжа ушла под лед.

Денис молодец, нисколько не испугался. Жалел только, что пропала лыжа. Пока мы бежали, одежда на нем стала от мороза, как жестяная. Я слышал, как он дрожащим от холода голосом, обращаясь к Алешке, сказал:

— Ты сильно огорчился, что я свиристель застрелил. Извини. Алешка промолчал.

Дома Дениса быстро раздели, и бабушка стала натирать его снегом. Все вокруг него, всполошившись, хлопотали. Он молча повиновался.

Когда мы вышли на улицу и направились по своим домам, Алешка сказал Пете:

— Передавай привет Сибичу!

— Ладно, — отозвался уныло Петя.

Деловой и шустрый Петя выглядел вялым.

— Почему такой кислый? — не удержался я. — Ты же сегодня герой. Вовремя подоспел к Денису, мы только помогали.

— Сибич болеет, — отозвался Петя.

— А что с ним?

— Не знаем. Сидит в клетке, не двигается. Ни на кого не смотрит. Я его выпускал. Даже не летает, как раньше, по комнате. Все ему неинтересно, нерадостно. Отец говорит, что надо в еду попробовать добавлять соль, мел. Никто чибисов не держит дома, не знают, что с ним...

— Я вчера набрал в огороде ягод черноплодной рябины. Такие крупнющие! Они теперь в избе отогрелись. И тыквенных семечек начистил. Все для него готовил, — волновался Алешка, — надо попробовать дать, вдруг понравятся!

— Приходите, — согласился Петя.

Сибич умер

Мы с Алешей понесли Сибичу ягоды черноплодной рябины и тыквенные семечки. Интересно: будет он их клевать или нет?

Но случилась беда.

— Проснулась я рано. Прошла на кухню. Чувствую, что-то не так, — рассказывает мать Пети, Анна Ивановна. — Гляжу, а он неживехонький. Начальничек наш. А, батюшки! Первая мысль, что кошка придушила. Но клетка цела. Не может быть, чтобы кошка.

Мы подошли к клетке. Сибич сидел, будто живой, как в гнезде, подобрал под себя ноги. Головка его с чубатым затылком уткнута в самый угол клетки. Казалось, он своим клювиком сейчас найдет то, что ему нужно там, а потом, почуяв нас, спохватится. И как обычно это делают чибисы, сорвется заполошно с места. Вихляя, взлетит! Причем тут клетка! Зачем она ему?

Анна Михайловна просунула черенок деревянного половника через прутья. Подтолкнула Сибича снизу. Он завалился на бок. Красные его ножки, так недавно важно и потешно ступавшие по деревянному полу клетки, повисли нелепо над животом. Тонкий клнов, застряв в проволочках, потянул за со-

бой головку на белой шейке. Шейка неловко вытянулась. Ярко-палевое подхвостье и отороченный черною полосою белоснежный хвост — все было и теперь франтовато. Не верилось, что Сибич неживой.

Ведь он родился, чтобы в луговом раздолье в июле, когда подрастут бойкие чибисята, вместе с ними гомонить веселыми стайками. Недалеко от своего гнездовья, делая нарядным и пестрым все в луговой округе. А уже в августе, сбившись в стаи покрупнее, высоко подняться в синее небо и полететь в дальние теплые страны...

— В неволе жизнь коротка — известное дело, — вздохнула мать Пети, — отгоревал свое. С тоски, видать, и помер. Последние два дня невеселый был. Голову под крылышко прятал.

Она хотела было положить Сибича в ведро и отнести за огород на гать. Алеша с Настей в один голос запротестовали. Петя молчал. Он не мог говорить. Лицо его было бледным. Молча, держа на коленях, гладил присмирившего дворняжку Жульку.

* * *

Мы похоронили Сибича в палисаднике, под кустом сирени. Земля была мерзлая. Петя и Алешка молча разгребли снег и ломом сделали небольшую ямку. Настя сбегала домой и принесла коробку из-под торта. В нее и положили Сибича.

Домой возвращались молча. Настя уже не плакала вслух. Только варежкой прикрывала глаза.

Дикущка

Какая это радость: оказаться на лыжной прогулке в зимнем лесу! Да еще вместе с Сергеем Ивановичем, который так много знает и умеет.

На этот раз день выдался замечательный. Прибавка света и январский морозец по-своему оживили все вокруг. Тусклые и серые дни декабря остались позади. Коренная зима потеснила глухозимье. За речкой Ветлянкой на широкой ослепительной равнине под нарастающим солнечным потоком вовсю заискрились снега. И хотя вокруг стоит тишина, чувствуешь во всем потаенную жизнь. Стоит только внимательнее взглянуть.

На лесной поляне этому помогают белоснежные ее страницы. Они как протоколы. Строчки различных следов разбегаются вкривь и вкось.

Неутомимый Сергей Иванович поясняет:

— Глядите, — он показывает на т-образные знаки — четверки заячьих следов, — в сторону дикой яблони пошел. Я его однажды около нее заставал. Корой питался, косою. Пойдемте по его следу. Покажу вам красавицу дикушку. Глубоко проваливаясь в снег, он первый прокладывает лыжню. Мы с Алешкой следуем за ним.

А слева в лесу уже отчетливо слышна работа дятла. Где-то совсем рядом выводит свои трели синица-лазоревка. И начинает казаться, что до весны рукой подать.

По рыхлому снегу и мелким зарослям непросто спуститься в тихую низину поросшую ветельником. Когда спустились — обомлели. Как сказать об увиденном?! Разве же словами Голя:

«И одним цветом белым рисует зима. Бедный цвет, но... Какая изобретательность... Эти роскошные завесы, снеговые глыбы, покрывающие от корней до верха большие и малые дерева; это множество жемчугу и брильянтов, сверкающих при свете солнца, как будто выточенных из слоновой кости, это многозначительное безмолвие и тишина, этот полумрак днем и полусвет ночью».

Много раз останавливаясь, очарованные увиденным, мы на силу пересекли низину со сказочными деревьями и выбрались на край ее. И тут на выходе прямо перед нами взлетели куцехвостые куропатки. Целая стайка!

Не успели мы прийти в себя, как увидели яблоню. Она стояла в сторонке от лесной чащи, из которой только что выбрались.

— Вот оно как! — обронил Сергей Иванович, — ни одного яблочка не осталось. Все подчистую склевали.

И верно, яблоня стояла совершенно голая: ни листика, ни яблока.

— Дед! Голод не тетка! — озорно сказал Алешка. — Всем есть хочется!

— Ты прав, конечно, — тоже весело отозвался дед, — вон, гляди! Зайчишка кору глодал.

— Тот самый, по следу которого мы на поляне шли?

— Возможно, — отозвался Сергей Иванович, — спроси!

— Кого? — удивился внук.

— Зайца, коль догонишь... Ты у нас шустрый...

— А-а-а... — отозвался Алешка и, смеясь, нарочно упал в снег.

Ему стало весело. То ли от дедовых слов, то ли от обилия света на этой солнечной полянке, лицо его сияло. Когда встал, тронул лыжной палкой сосновую дремучую ветвь и враз обрушилась сверху снежная лавина.

— Не балуй, — сдержанно осадил его Сергей Иванович, — намокнет одежда, а до дома далеко...

Взглянув на меня, Алешка провозглашает:

— А в январе солнце поворачивает на лето! Так дядя Саша мне сказал.

— Поворачивает, — соглашается Сергей Иванович, — да не сразу это будет. Январь — самый зимний месяц. Лютень!

Отряхиваясь от снега, Алешка удивляется:

— Кто же такую стройную яблоню посадил здесь?

— Может, дятел, а может, снегири.

— Как так?

— А очень просто. Поедают птицы плоды, а потом семечки разносят с пометом. Где какое укоренится, там и вырастает дерево. Семена, которые заносят птицы, лучше всходят. Так птицы становятся лесоводами.

— Ничего себе, — удивляется Алеша, — никогда не знал, что такое бывает.

— А сейчас кто съел яблоки?

— Те же снегири, а может, свиристели налетели. Они стаями кочуют.

— Понесли в другие места семечки? — уточняет Алешка.

— Выходит так.

...Домой мы возвращались уставшие. Этого не скрывал и Сергей Иванович. Быстро наступивший вечер подарил нам, когда мы вышли из леса, багровое солнце, готовое вот-вот исчезнуть за горизонтом. Сугробы стали отдавать синевой и сделалось намного холоднее.

...Во дворе Чураевых нас радостно встречала Настя. Снимаемая лыжи, Алеша тут же начал сбивчиво рассказывать ей о нашем походе, и самое главное — о яблоне.

Настя быстро сделала свои выводы:

— Значит, деда, если бы ты летом не убил коршуна, который нес цыпленка в когтях, он мог вырваться от него в лесу и вырасти во взрослую курицу. А потом снести яички и получились бы дикие куры, да? Как с яблоней было бы?

— Придумщица ты, Настя! Да еще какая! — Бабушка Вера шутя потянула Настю к себе.

Она, ойкнув, оступилась и черпанула в валенок снег. Дед тут же помог ей снять валенок. Вытряхнул сыпучий снег и скомандовал идти в дом. Настя стала возражать, но мы с Алешкой поддержали такую команду.

Сначала она насупилась, потом спохватилась:

— А что же вы не набрали домой диких яблок? Вот здорово было бы! Как тогда грибов зимних насобирали...

— Я набрал, — посмеиваясь, ответил дед, — а баба Вера вареньев наварила. Стоят в погребе с осени.

— Какой ты, деда! — Настя, кажется, немного обиделась. — Знал про яблоню. Все сделал и молчал? А Алешка приехал — и сразу рассказал?!

* * *

Уже вечером я записывал в свою потертую записную книжечку впечатления прожитого дня. И невольно отметил для себя, что какие бы события ни случались здесь со мной, все же самые близкие сердцу из них те, которые связаны с Настенькой. Всегда интересно, что она сказала, как засмеялась...

И ничего тут не поделаешь...

И зима бывает красной

Встреча Нового года получилась у нас необычной. Сергей Иванович открыл нам свой секрет. Оказывается, осенью, после того как мы уехали, он принес из дальнего леса небольшую сосенку и посадил ее за огородом, в низинке недалеко от березок.

— Не лучше ли поближе к дому? — засомневался я.

— Среди деревьев ей веселее будет, — авторитетно заявил Чураев.

Все загорелись встречать Новый год у пушистой маленькой красавицы.

— Правильно, — улыбался в усы Сергей Иванович, — зачем превращать елки в палки. Около живого дерева праздник веселее.

И начались наши предновогодние хлопоты. Сначала мы хотели протянуть провод и зажечь на новогодней елочке, так мы стали называть нашу стройную сосенку, электрические лампочки. Алешка запротестовал:

— Я знаю, как сделать бумажные цилиндры, внутри их поставить свечки — получатся фонарики!

— Не загорятся бумажные-то? — засомневался Сергей Иванович.

— Бумагу надо пропитать воском. Мы такие клеили в школе, — убеждал Алешка так деловито, что становился похож на Сергея Ивановича.

Нам пришлось согласиться. И закипела работа.

Мы изготовили десять фонариков. Работали дружно: Алешка клеил из альбомных листов небольшие бумажные цилиндрики с доньшком. Мы с Настей пропитывали их воском, растапливая свечи, которые принесла нам Вера Михайловна. Потом Насте захотелось повесить на елку орешки, конфеты, печенье. Все это надо было завернуть в цветную бумагу. Но зато как сосенка преобразилась!

Нам помогали приехавшие Ромка и Альберт Львович. Ромка выздоровел и выглядел сейчас молодцом. Они привезли петарды и установили их со всех четырех сторон от сосенки.

Сергей Иванович и Андрей Иванович взялись переделывать снежную горку. Она теперь стала намного круче. Чтобы заледенела, мы полили ее на ночь водой.

Маслянка, сработанная заранее, как конь, стояла во дворе под навесом. Дожидалась, когда на ней будут кататься.

На речке Ветлянке гулко ухал трескавшийся лед. Мороз набирал силушку, а нам было нипочем. Совсем неожиданно порадовали нас в предновогодний день снегири. Первой их увидела Настя.

— Смотрите! Фонарики к нам прилетели. Сами!

Мы украсили сосенку, а они — березы. Степенные птицы сидели недалеко на березах. Под лучами солнца они выглядели празднично.

— Давно их тут не было, — удивился Сергей Иванович, — не иначе как тебе подарок.

— Это подарок для всех! — воскликнула Настя.

Она хотела было побежать к березкам с красными и дымчатыми фонариками на ветках, но Алешка ухватил ее за рукав:

— Куда?! Улетят твои фонарики! Давай за ними наблюдение устроим! Деда, помнишь, летом за жаворонками наблюдали. Теперь — за снегирями!

Мы стали во все глаза смотреть на важных чудо-птиц. Будто кто-то развесил ярко-розовые и дымчато-серые роскошные бутоны. И эти бутоны были живые.

Вера Михайловна забеспокоилась:

— Вот непутевые, без ушей останетесь! Морозище такой! Бегайте почаще в избу греться. Не хватало мне больных на Новый год!

— Они разные! И тихие такие! — продолжала удивляться Настя.

— Розовые — это самцы, а дымчатые — самочки, — негромко пояснил Сергей Иванович, — степенные. Это тебе не сорока-болтушка.

— Самчики, как матрешки, румяные, — определила Настя.

Не успела она так сказать, как в морозном синем воздухе еле уловимо зазвучал мягкий и нежный напев. Пели и розовые, и дымчатые птахи. И стало так нежно на душе.

— Откуда они такие прилетают? — зашептал Алешка. — И когда? Летом их не было.

— Снегири — северяне, — отвечал Андрей Иванович. — Прилетают к нам, я заметил, либо вот-вот перед самым снегом, либо с первой порохей. Кормятся рябиной, сережками ясеня. Сейчас, гляди, перебирают березовые сережки. Их вон сколько! Не пропадут, кругом сорная трава с семечками.

А у Насти свое на уме, об этом и сказала:

— лето красное жаворонки приносят, а зиму, получается, снегири. Они красные, значит и зима красная?!

— Ага, — откликнулась баба Вера, — красная! Как твои щеки. — Я когда за свечками ходила в магазин, снегири на дороге кучкой сидели, в двух-трех шагах. В другой раз пойдешь со мной, налюбуйешься. А сейчас: марш в избу!

До птиц было совсем недалеко. Видны были их пышное оперение, толстые коротенькие ножки. Черный хвост у снегирей длинный, а крылья — небольшие и тоже черные.

Когда птицы враз поднялись и улетели, Насте стало скучно. Денис предложил вместо птиц развесить на березе гирлянды с большими красными шарами. Стало повеселее.

Вечером мы дружно собрались все вместе и под огромным куполом бархатного иссиня-черного завораживающего неба начали зажигать наши самодельные бумажные фонарики. И тут удивил нас Альберт Львович. Он тайно нарядился Дедом Морозом и неожиданно лихо спустился к нам с самой верхотуры заледенелой горки, прямо к разнаряженной сосенке.

Настя стала у нас Снегурочкой. Дед Мороз положил большой мешок на снег и объявил начало праздника. Забавно было видеть Деда Мороза в больших валенках и в красном халате, надетом поверх полушубка. Белая ватная борода у него сбивалась постоянно набок, но он успевал поправлять ее рукой. Альберт Львович устроил такую викторину, что мы много смеялись. И много узнали!

Оказывается, стихи про елочку, которые начинаются словами «В лесу родилась елочка», написала школьная учительница Раиса Кудашова еще в 1903 году, более ста лет назад, когда нас никого не было. А агроном Леонид Бекман потом написал мелодию песни.

И еще мы узнали, что есть самая-самая высокая ель в мире. Она растет в горах, недалеко от иранского города Абаде. Этому дереву-гиганту будто более четырех тысяч лет. Услышав такое, мы начали сомневаться. Но ученый дед Дениса и Ромки стал нас убеждать. Мы поверили.

Когда водили хоровод, пришел Петя со своим неразлучным Жулькой. Петя зовет так своего четвероногого друга за его привычку все, что понравится, тащить к себе в конуру. Черным лохматым комочком, мелькая на снегу, пес начал весело и неутомомно лаять. А потом проявил свой характер: сорвал с ветки висевшую на длинной нитке пачку печенья в цветной упаковке и убежал с ней. Рассмешил нас.

В половине двенадцатого по московскому времени мы были все в доме Чураевых за праздничным столом. Взрослые ждали новогоднее поздравление Президента, а дети — пирог с ябло-

ками. С теми самыми дикушками, которые так давно хотела попробовать Настя.

...Настя после чая с пирогами уснула на диване. Я перенес ее туда, где она обычно спит, в маленькую спальню за голландкой.

Проснулась она уже в новом году.

Звездочка родилась

— Отец, кажется, Жданка нас вот-вот обрадует! — сказала Вера Михайловна, вернувшись со двора в избу.

— А по моим подсчетам, ей еще дней десять ходить, — Сергей Иванович сказал так и пошел уточнять свои заметки в записной книжке. Она лежит у него в старенькой тумбочке в спальне.

В этой книжке чего только нет! Не только все наши дни рождения записаны, но и дни рождения коровы Жданки, козы Мариши и Ариши. Я видел в ней запись о смерти его любимой собаки Цыгана.

А рядом даты рождения писателя Даниэля Дефо, написавшего о Робинзоне Крузо и Алексея Толстого, который рассказал о детстве Никиты. Забавная записная книжка.

— Ну вот, — говорит он, вернувшись на кухню, — сегодня только 279-й день. Еще, наверное, неделку подождем.

— Недельку? Сходи-ка в хлев, посмотри на нее. Не прозевать бы с твоей бухгалтерией!

Сергей Иванович, не спеша одев полушубок, выходит на морозный воздух.

Алешка продолжает вслух читать книжку про Робинзона Крузо. Мы с Настей слушаем:

«...Наступил декабрь, когда должны были взойти ячмень и рис. Возделанный мною участок был невелик...»

— Ничего себе: в декабре растет ячмень и рис? — недоумевает Настя.

— Робинзон живет недалеко от Гвинеи, почти на экваторе. Там всегда тепло! — поясняет Алеша.

— И там никогда не бывает снега? — спрашивает Настя.

— Конечно.

— Как скучно, — заключает она, — не повезло ему.

Дверь открылась, и крепко дохнуло холодом. Снимая большие рукавицы, Сергей Иванович сообщил:

— Жданка обнюхивает постель и мычит. Похоже, сегодня ночью отелится. Будет всем новогодний подарок. Хорошо год начинается! Надо дежурить теперь.

Мы дружно заявили о своей готовности вести ночную вахту.

— Да куда вам? Ложитесь спать. Мы сами с дедом управимся, — успокаивает Вера Михайловна.

* * *

Как можно спать, когда вот-вот должно случиться такое!

— Бабушка, — спрашивает внук, — вы хотели поменять Жданку на молоденькую корову? Не получилось?

— Уж больно привыкла я к ней. И деда уговорила не менять. Да и не очень Жданка старая. Ей девять лет. Вон у Гришаевых — Зорьке двенадцатый исполнился, а она такого крепенького бычка принесла. Правда, телилась с трудом...

— Пойду посмотрю еще. Непокойно что-то, — сказав так, Сергей Иванович вышел.

* * *

Настя, не выдержав, уснула в полночь. И хорошо. Ибо мы с Алешкой дочитали до того места, где на остров приплывают дикари. Робинзон приходит в ужас, от того, что людоеды съели у костра своих пленников.

До двух часов ночи мы с Алешкой еще держались. Потом и он заснул. Я потихоньку вызволил из-под него книжку и пошел одеваться. Решил посмотреть, как творится в хлеву.

* * *

Самое главное случилось утром, когда Алешка и Настя были уже на ногах. Вера Михайловна широко распахнула входную дверь, и из сеней с новорожденным на руках в избу шагнул Сергей Иванович. Лицо его по-детски сияло. Он бережно опустил на пол около печки мокрого теленка. Не убирая из-под него мешковину, отошел к вешалке. Теленок был еще слабенький. Он даже не пытался встать на ноги.

— Как ты, мать, желала, так и случилось? Телочка родилась, — раздеваясь, объявил хозяин.

— Вы тут посмотрите, а мне к Жданке надо, — отозвалась Вера Михайловна, — корову подоить надо. А то вымя огрубеет, и Жданка не будет давать молоко.

Мы стали рассматривать телочку. Она была коричневая, а на боках, ногах и на лбу красовались белые отметины.

— Будто ее кто сметаной облил, — подивился Алешка.

— Звать-то как будем Жданкину дочку, а? — произнес, убирая мешковину, Сергей Иванович.

— На лбу у нее белая звездочка. Давайте тогда Звездочкой и назовем, — предложила Настя.

— А ты что думаешь? — спросил дед внука.

— Я сначала подумал назвать Пестравкой, но Звездочкой лучше!

— Так тому и быть, — согласился Сергей Иванович, — бабушке понравится.

А Звездочке не терпелось. Она начала вставать. Ноги у нее как на льду разъезжались в разные стороны. Наконец ей удалось подняться. Пошатываясь, стояла и смотрела на нас. Изучала, кто мы такие.

— Мы ей тоже понравились, — определила Настя, — не убегает от нас.

Алешке стало смешно:

— Куда ей бежать-то? Во двор, на мороз? Ноги, смотри, как спички, вот-вот поломаются.

* * *

Сергей Иванович извлек из чулана легкое дверце и отгородил им от кухни закуток между стеной и печкой. Теперь эта территория принадлежала Звездочке.

Вера Михайловна собралась доить Жданку ровно через каждые два часа.

А Звездочку положено кормить три раза в день. Сначала телочка не умела сама пить молоко из посуды. Вера Михайловна начала ее учить. Клала ей в рот палец и Звездочка принималась, смешно чмокая, сосать его. Потихоньку Вера Михайловна, не убирая изо рта Звездочки пальца, приближала его к миске с молоком. Звездочка тянулась за пальцем.

Когда хозяйка убирала палец, телочка делала хватательное движение губами, чтобы поймать его и... попадала мордочкой

в молоко. После таких занятий на третий день Звездочка научилась пить молоко самостоятельно.

— Отец, помни: Жданке утром, в полдень и вечером пока только по одному ведру воды давай, не больше! А то как бы мастит не случился. Загрубеет вымя — намучимся.

— Помню, не волнуйся. Она уже хочет больше. Языком мне лицо лижет — просит. Я не поддаюсь.

— И хлебного пока не давай, только сено...

— Ладно, ладно...

— А ты, Алешка, — важно говорит Настя, становясь похожей на свою бабушку, — не разбрасывай, как в летние каникулы, свои майки. Звездочка может сжевать их и умереть. Или плохо будет расти, как козочка Мариша.

У Насти свой опыт. Она помнит, как летом теленок Ветерок зажевал Алешкину майку. Еле отобрали. А козочка Мариша проглотила поролон.

Алешка хотел что-то сказать в ответ Насте, недовольно глянув на нее, но не решился. Наверное, побоялся помешать ей. Настя несла для Звездочки миску с молоком и та, смешно чмокая большими губами, от нетерпения стучалась головой в загородку.

Необычный урок

Хорошо на уроки Сергея Ивановича собираться летом под развесистыми кленами во дворе. А зимой — отлично в доме. В горнице и светло, и натоплено. Дождавшись, когда все рассядутся, Сергей Иванович начал свой урок.

— В прошлый раз мы читали про то, как Робинзон Крузо на необитаемом острове выращивал ячмень и рис. И возник вопрос: а если не окажется семян, что делать? Где и как добывать провизию? Допустим, кто-то из вас оказался один в лесу без запасов еды?

— В лесу можно кору есть, — быстро нашелся Алешка.

— Верно, — похвалил учитель, — мой дед рассказывал, что в голодные годы в нашей деревне ели заболонь.

— Заболонь — это лыко? — спросил Денис.

— Заболонь — наружные молодые слои древесины, — уточнил учитель.

И добавил:

— Известно, что в блокадном Ленинграде люди ели древесные опилки. Бросали их в воду, потом эту перебродившую кашеобразную массу ели. Заболонь можно есть в сыром виде, а если подольше поварить ее, то высушивают потом кашу на камнях, раскаленных на костре. Из такой муки можно печь лепешки. Высушив и свернув в трубочки, заболонь заготавливают впрок.

Деревья дают разнообразную пищу. Сосна, например, имеет пять годных в пищу частей: нераспустившиеся цветочные почки, молодые побеги, заболонь, шишки и хвою для чая.

— Это деревья, а травы? — не терпится Насте.

— Вот всем известный лопух! Чем при случае не спасение?! — ответил учитель. — Его корни можно есть в сыром виде. Лопухи пекут вместо картошки. Молодые листья и стебли, пожалуйста, можете использовать в винегретах, борщах, бульонах... Если пожарить, пойдет для приготовления напитка, подобного кофейному. Мелко изрубленные корни лопуха и щавель выдерживают два часа в небольшом количестве воды и получается кисло-сладкое повидло. Хороший салат получится, если листья сырой крапивы помоее и опустите минут на пять в кипяток. Потом ее надо измельчить и смешать с нарезанными листочками щавеля, лесного лука.

Крапива по питательности не уступает бобам и гороху. Она вполне заменяет морковь, зеленый лук, щавель, смородину, вместе взятые. У нее много замечательных свойств.

— Деда, мама говорит, что вы с ней одуванчики ели, правда?

— Мы пробовали варить суп. Нам понравилось. Одуванчик считается жизненным эликсиром. Из его поджаренных корней можно готовить кофейный напиток. А из листьев — хорошие салаты.

— У нас весь двор в одуванчиках. Мы такие богатые, да? — удивился громко Ромка.

— Не бедные, — согласился Сергей Иванович. — Очень вкусный кисель получается из плодов боярышника, черемухи. А сколько в лесу камыша, Иван-чая, борщевика! Все это съедобное. Только надо уметь пользоваться лесными дарами. Еще можно употреблять в пищу подорожник, желуди, листья берез...

— А мне жалко бедненьких одуванчиков. Они веселые всегда. Так солныце любят! — вздохнув, пожаловалась Настя.

Ее перебил Ромка:

— А животные? — вспомнил он. — Тоже?!

— Во всем мире около четырех тысяч видов млекопитающих. Все, что бегаёт, ползает, летает и плавает, за редким исключением может служить пищей, — ответил учитель.

Настя не выдержала, грустно спросила:

— Деда, человек живет, чтобы только есть? Ему кто разрешил это? Когда-нибудь вокруг все кончится. Что делать?

Учитель явно не ожидал такого вопроса. Он даже закашлялся.

— Человек ест, чтобы жить, — ответил он раздумчиво. — И трудом оправдывать свою жизнь. Вот таков мой ответ.

Сказал и молча, внимательно посмотрел на всех.

— Получил, голова? — спросил негромко Альберт Львович. — Внучка-то твоя грандиозно мыслит...

— Да уж... — неопределенно произнес Сергей Иванович.

И уже в следующую минуту уверенным голосом произнес:

— Эту тему мы продолжим в следующий раз. А сейчас речь про чай. Заваривать в чай можно душицу, землянику, крапиву, цветки и листья липы, малину, мать-и-мачеху, медуницу, рябину, черную смородину, шиповник, зверобой, мяту, ежевику, жасмин... Это все растет вокруг нас!

— А что же мы такой заварки не пробовали? — спохватился Алешка, водя пальцем по оконному стеклу с морозными узорами. — Такое лето было у нас ароматное...

— Вернется лето и попробуем, — пообещал Сергей Иванович.

Его поддержала деловитая Настя:

— Лето чайное придет и... почаевичаем тогда!..

Трактир «Жили-были»

Утром за завтраком Алешка, взглянув в окно, сказал важно, как взрослый:

— Ночью сильно похолодало.

— А назавтра ожидается понижение температуры до минус двадцати градусов, — произнес Сергей Иванович.

— Так резко! Птицы померзнут, — забеспокоился внук.

— Зимой птицы гибнут обычно не от холода, а от голода, — Сергей Иванович зорко посмотрел на ребят, — вы готовы помочь им? А то вчера синичка в окно стучалась. Просила о помощи.

Настя и Алешка закивали головами.

Сергей Иванович продолжил:

— Давайте сделаем кормушку, и вы будете следить, чтобы она была с кормом.

— Деда, мы сами сделаем кормилку? — удивилась Настя.

— Кормушку, — поправил Алешка, — помнишь, нашу пахтонку? Как мы ее делали?

— Да, — подтвердила Настя, — помню.

* * *

Во дворе работать холодно, поэтому материалы и инструмент дед принес на кухню. И стал раскладывать их на полу.

— Мы сделаем кормушку, похожую на деревянный домик, — пояснил Сергей Иванович, перебирая желтые пролаченные ровные дощечки. — А крышу соорудим коньком. Кормушку прибьем к тому пеньку, который остался от нашей березы? Он в метр высотой, в самый раз. Не занесет снегом. Согласны?

Никто не возражал.

— И назовем наш домик: трактир «Жили-были», — обрадовался Алешка. — У нас в Москве есть такой. Там вкусно все!

Всем понравилось название. Пришедший Денис уточнил:

— У нас в городе тоже есть, не только в Москве.

...И началось строительство.

— Может, и кречконосые клесты прилетят к кормушке. Не только синицы с воробушками. Ни разу клестов не кормил, — признался Алешка.

— Наверяд ли прилетят. Клесты в сосняке обитают. Это далеко отсюда, — засомневался я, — на севере.

— Если очень ждать, могут прилететь! — уверяет Настя.

Я не стал ей возражать.

— Птицы похожи на людей, — сказал уверенно Денис. — Я часто с дедом кормлю их в нашем парке. Там одна синица есть. Она сразу садится мне на руку и берет семечко. Другая — сходу хватает и — шмыг на ветку! А есть синица, тол-

стая такая. Она как Ирка в нашем классе. Ничего и никогда не берет. Сидит в сторонке обиженная на всех. Все в чем-то виноваты у нее.

— Осторожная, — определил Алешка, усердно надраивая наждачной бумагой напильные дедом заготовки.

— Есть и синицы с разным характером. Все, как у людей, — согласился Сергей Иванович.

Мне интересен разговор. Слушаю себе, выбирая ровные гвозди для фанерного днища кормушки. Строительство идет! И урок идет. На этот раз он получается о птицах.

— Каждая порода интересна, — продолжает Сергей Иванович, — вы заметили, как свехосторожен воробей? Попробуй, поймай его! Если воробей родился на свободе и прошел воспитание в своей среде — он навечно дикий. Не приручить! Это вам не синица или чирик! В неволе воробей чаще всего погибает. Живет около человека, а — сам по себе.

— А где у синиц и воробушек дом? — спрашивает Настя. Она одна не участвует в строительстве кормушки. Сидит за широким столом и спокойно наблюдает. Дед с охотой пояснил:

— Гнезда они устраивают в дуплах деревьев, за карнизом домов, в разных нишах построек. Используют для этого стебли трав, корешки разные, пух, шерсть, перья. С наступлением зимы стараются быть ближе к жилью человека.

Синицы — многодетные родители. У них в гнездах я видел до десятка яиц. А воробьи за лето выводят птенцов не один раз. Великие труженики! Один раз я попробовал посчитать, сколько за час синица прилетает с добычей к гнезду. До пятнадцати раз в час — каждая! Представляется, сколько получается за день? И сколько они уничтожают насекомых — вредителей садов и огородов! Огромная работа!

Я по молодости интересовался: в наших краях обитают шесть или семь видов синиц. Самая известная — большая синица. Ее зовут большак. Она доверчивая и шустрая. У нее желтая грудка и черная шапочка на веселой головке. Она меньше всех боится людей.

Есть лазоревка. Эта поосторожнее. Водится белая лазоревка-князек, иногда появляется черная синица-московка. Шустрые гаички с непременно черной шапочкой на голове всем известны, потом гренадерки...

— Деда, а про воробушков расскажи еще, — попросила Настя, — жалко их, сереньких...

Сергей Иванович живо откликается:

— Воробьев я особенно уважаю за бесстрашие, с каким они охраняют свой дом. Они смело дают отпор разбойным стрижам, упорно отбиваются от скворцов. Если даже крепко получают, не покоряются сильному противнику. Сильная духом птица! Нет среди них серьезных драк из-за корма. Когда кусок воробью по силам, схватив его, он улетает. И за ним никто не гонится, как это бывает у ворон.

— Без синиц и воробьев вообще жить скучно, — веско произносит Настя.

Дед Сергей аж привстал, отложив ножовку на стул.

— Умница моя! Не ты одна это заметила. Когда-то в Америке не было воробьев. Ее жители страшно горевали по этому поводу. Потом привезли несколько пар птиц из Европы и выпустили на волю. Воробьи прижились. Теперь их там много, и американцы с тех пор меньше стали скучать. А потом в знак благодарности за помощь в борьбе с прожорливыми гусеницами местные фермеры в городе Бостон поставили воробью памятник.

Едва Сергей Иванович замолчал, как в окошко постучали. Потом послышалось: «Пинь-пинь-чэрж-чэрж, пинь...»

Все обернулись на звуки. За окном гомонили синицы. Одна постукивала клювом по карнизу, другая, издавая трескучий звук, билась в стекло.

— Ну вот, красавицы! — рассмеялся дед Сергей. — Ждут — не дождутся. Голодно! А мы тут закалякались.

Примеряя ровную нарядную дощечку для крыши, скомандовал:

— Иди, Алешка, в чулане из чиляка черпани в чашку подсолнечных семечек. Дай им, пока наш трактир не открылся!

— И я с ним! — забеспокоилась Настя.

Она соскочила с широкой лавки, задев локтем угол стола. Я заметил, что ей больно, но она смолчала. Не хотела отставать от Алешки.

Голубь и вороны

Тяжелая, сработанная из толстых широких досок входная дверь нехотя приоткрылась, и в избу скользнула Настенька. На порозовевших от мороза и возбуждения щеках слезы.

Голос ее дрожит:

— Вы сидите тут, а на дереве голубь погибает. Его вороны собираются склевать.

Мы с Алешкой быстро оделись и втроем поспешили во двор.

Как такое могло случиться, никто из нас не мог понять. На самой длинной изогнутой ветке вниз головой висел голубь. Похоже было, что он одной ногой попал в обрывок сетки, занесенной ветром на дерево. Либо вырвался от ребятишек, которые держали его в неволе, и обрывок привязи, который остался на ноге, зацепился за сучок. Видно было, что голубь устал бороться за жизнь. Временами он отчаянно взмахивал крыльями, и тогда каждый раз казалось, что птица вырвется из неволи. Но бесполезно. Вскоре он вновь повисал вниз головой, казалось, без признаков жизни.

Серые хитрые вороны рядком сидели на соседнем клене и спокойно наблюдали за голубем. Они поняли: жертве от них никуда не деться. На дворе мороз, голубь долго не протянет.

Настя плакала. Я сходил в дом за ружьем.

— Ничего не получится, — проговорил подошедший Сергей Иванович, — ветку дробью не перешибешь, а голубя можно погубить. Грех будет. И Алешке залезть нельзя, ветка тонкая, обломится. Надо установить дежурство, чтобы вороны не набросились. Может голубь сам освободится от плена.

Алешка стал, размахивая руками, кричать на ворон. Они спокойно продолжали сидеть рядком. Знали, что в безопасности.

Голубь в который уже раз опять судорожно замахал крыльями. Мы, затаив дыхание, следили за его неловкой попыткой. Все бесполезно. Птица скоро истратила запас сил и в очередной раз затихла.

— Он замерзнет и умрет, — в отчаянии вскрикнула Настя.

— Пока борется за жизнь, машет крыльями — не замерзнет, — как мог, успокоил Сергей Иванович. — Что-нибудь придумаем, только бы не перестал двигаться. Мы должны ему

помочь, эта птица особенная. Мне еще мой дед говорил, что у кого плодятся домашние голуби, у того не будет пожара. Этот голубь наш. У него гнездо под коньком дома.

— Если он оторвется и упадет без сил на снег, то ушибется, и его все равно вороны заклюют! — глухо сказал Алешка.

— Идите в дом, — обратился он ко мне и Насте, — сейчас мы покараулим с дедом, а потом вы нас смените.

— Нет, — запротестовала Настя, — я не мерзну.

Так мы все и стояли. Никто не хотел уходить. Сергей Иванович поднял ружье, намереваясь выстрелить по воронам. Они все не спеша поднялись и уселись на дальнем дереве, недосыгаемые для выстрела. Сидели все также рядком. Терпеливо наблюдали и ждали, когда мы уйдем, и они займутся добычей.

— Серые каналы, — совсем не удивившись поведению ворон, усмехнулся Сергей Иванович. — Умные. Мой одногодок Семен Коныч держал в доме ворону. Так она у него говорить, как человек, научилась. Калякала с ним.

— Как попугай? — спросила Настя.

— Попугай повторяет слова. Не понимает, что говорит. А она с понятием.

В следующий момент голубь вновь захлопал крыльями, да так сильно, что ветка вся заколыхалась. Показалось, что сейчас она отпустит птицу. Одна из ворон, самая крайняя, передвинулась, не взлетая, по ветке поближе, стала зорче, чем другие, смотреть на голубя. Ей не терпелось больше всех. У нее клюв, горло, голова, крылья, хвост и ноги были чернее, чем у ее подружек. С металлическим блеском. Остальное: грудь, бока, спина, хотя и были серые, но чистые. Такая чистюля! Она оказалась нам противней всех.

Чуда не произошло. Голубь вновь затих. Его тельце с опущенными крыльями казалось совсем беззащитным.

— Вот она, зачинщица. Всех своих заводит. Они нашего Цыгана дразнили... Любит поиграть, — проговорил Сергей Иванович, показывая на ту ворону, которая приблизилась к голубю ближе всех.

— Как это? — удивился Алешка.

— Хитрые. Подпускали его на земле к себе близко. Он бросался, глупый. Они взлетали. И так продолжалось, пока им не надоело. Они улетели, а охрипший Цыган ушел в конуру ни с

чем. Разок я ей кинул твердый, как железо, сухарь. Нарочно. Посмотреть, что будет делать?

— И что? — не отводя мокрых глаз от голубя, спрашивает Настя.

— А ничего! Подхватила клювом сухарь, размочила его в луже у колодца и пообедала. А потом каркала, да так звонко. По-моему, надо мной смеялась.

— Ой! — от радости вскрикнула Настя и присела на снег, — победил, победил!

Голубь, особенно резко замахав крыльями, оторвался от ветки и, не планируя, комом упал в снег. Не успели Настя с Алешкой к нему подбежать, он, подобрав крылья, засеменял ото всех в сторонку. Алешка догнал его, осторожно взял в руки. У птицы не было ран. И крылья были целы.

— Он замерз, пошли в дом, — скомандовал Сергей Иванович.

Было спешно решено огромного рыжего кота Дормидонта для безопасности переселить в отапливаемый предбанник. Что мы и сделали с Алешей.

Голубя поместили на кухне.

Сначала он забился под стол. Там прижался к стене и не глядел ни на кого. Хлебные крошки и молоко словно не замечал.

Утром мы его не узнали. Он бодро бегал. Хлебные крошки, которые мы набросали на пол, исчезли. Мы радовались.

А в полдень, когда Вера Михайловна, войдя с улицы на кухню, не сразу прикрыла входную дверь, голубь мелкими шажками засеменял к порогу. И не успели мы что-либо сделать, как он оказался в сенях, где дверь обычно открыта. Алешка метнулся за птицей. Послышалось хлопанье крыльев и чуть позже радостный голос:

— Полетел! Он полетел!

— Что же вы хотели? Это птица! Ей вольный свет нужен, а вы ей кухню уготовили. Всех обхитрил — и ворон, и вас. Опытный, видать! — сделала вывод Вера Михайловна. Мы молчали, вполне согласные с ней. А она скомандовала:

— Идите, несите из бани назад бездельника кота Дормидонта. Пускай молоко, которое от голубя осталось, допивает.

Нечаянная радость

Сегодня, когда мы собрались за широким столом на кухне, Настя вспомнила:

— Деда, ты обещал рассказать нам про журавлей.

— Раз обещал, куда деваться, — отзывается Сергей Иванович.

И пока Вера Михайловна хлопочет у печи, он начал свой рассказ. У нас ушки на макушке.

— Мне было тогда, наверное, столько же лет, как Алешке. Родители держали гусей, штук пятьдесят. Моя забота была пасти это неугомонное стадо. Вот однажды сторожу я их. Был уже, кажется, конец сентября. День серый, скучный. Я забрался на омет. Гуси — на поляне. Гусята уже совсем большие. Гусак ходит среди них важный такой, неприступный. Я звал его Спиридоном.

— Почему? — спросила Настя.

— Дядька такой жил тогда на нашей улице, важный.

Я все пел от скуки, а потом не заметил, как задремал в соломе. И вдруг зашумели крыльями над головой большие птицы. Я приподнялся на омете — надо мной со стороны севера летели журавли. Они были так близко от меня, что я видел их умные глаза. Я не испугался, нет. Возрадовался сверх мочи. Радостное курлыкание заполнило все вокруг. Птицы сели на поляну прямо к моим гусям. Я разволновался еще больше: что сейчас будет?! Наш гусак такой свирепый! Эдакая красота против его злобы не устоит... Но странно. Гуси мои присмирели. Гусак стоял как бы в оцепенении, не двигаясь. Гусята робко жались ко взрослым. Всем им будто стало стыдно за свои неуклюжие тела. Стыдно, что не умеют летать. Поляна подо мной наполнилась клетотом и шелестом крыльев.

Красивые стройные птицы радостно пустились в хоровод. Журавли, взмахивая грациозно большущими крыльями, вышагивали по поляне на длинных тонких ногах. Особенно выделялась одна пара, одетая словно в костюмы из заморского шелка. Так слаженно они вытанцовывали по кругу, словно стоворились! Танцую, они подпрыгивали, будто состязались: кто выше? Что это было? Я не знаю! То ли им очень понравилась полянка. То ли они давали прощальный какой концерт. Или

учили гусей?! Показывая, какими можно быть красивыми, если у тебя есть крылья и ты не зажирел.

Гуси мои продолжали растерянно и молча стоять в стороне, словно посрамленные. А я был в восторге. Вершину счастья — вот что я тогда испытал, глядя с омета на журавлей! Но такого мимолетного счастья, неизъяснимого словами... Ничего подобного в моей жизни потом не было. Все будто во сне. Сердечко мое колотилось от восторга как никогда. Танец длился недолго. Слаженно пробежав по поляне, журавушки взлетели.

Наверное, они сначала спутали направление, кружась в танце, потому полетели на север. Затем сделали круг над поляной, будто прощались. И, вытянувшись клином, подались на юг. Щемящее «кру-у-у-уу» неслось сверху. Они тоже, как и я, расставаясь, грустили.

Потом в другие годы журавли пролетали несколько раз, может, те самые... Но всегда высоко.

Где зимуют ежики?

— Деда, жаворонки, чечевичцы, утки улетают в теплые страны зимовать. Их зимой здесь нет. А куда деваются ежики, ящерицы? Они тоже уходят от холода на юг? Пешком?

У Алешки при таких словах Насти глаза сделались круглыми. Он выронил ложку из рук и весело рассмеялся.

— Совсем не смешно, — серьезно сказала Настя.

— Ага, не смешно! Представь себе, как они перебираются через железные дороги, через реки. Гурьбой на юг!

Он сказал так и начал опять смеяться.

— Железные дороги потом люди понаделали, их раньше не было, — возразила Настя.

— А реки? Волга, например? Она, может, еще раньше ежиков была! — смеясь, рассуждал Алеша.

— Реку можно переплыть, — уверенно сказала Настя.

— Ежик переплывет Волгу! — подивился Настиной фантазии Алешка. — Никогда!

— Деда, скажи, куда деваются ежики? — обращается Настя к Сергею Ивановичу.

— Ты только сейчас спохватилась, а раньше?

— Я не думала о них. Некогда было.

— Ну тогда слушай...

И наш завтрак превращается в беседу. Вера Михайловна присаживается к столу. Тоже слушает.

— Очень трудно добыть пропитание зимой птицам и зверям, которые остаются с нами зимовать. Они страдают от голода. И каждый выживает по-своему. Кое-кто приспособился на самое голодное время засыпать, — говорит Сергей Иванович. — Ящерицы и лягушки, как только похолодает, зарываются в ил, в норы. Там они замирают до весны.

— Деда, а ежики? — нетерпеливо спрашивает Настя.

— Ежики, тушканчики, суслики спят в норах всю зиму.

— Выходит, они никогда не видели зиму?

— Получается так, — соглашается Сергей Иванович.

— Бедненькие какие, — сказав так, Настя горестно вздыхает.

Нам тоже становится жалко зверюшек, которые не видели зиму.

— А кто их будит ото сна? — спохватывается Настя. — Они же могут проспять лето? И опять оказаться в зиме. Я один раз проспала. И в школу не пошла. Мама не разбудила, пожалела после болезни. А они как?

— Не проспят, — успокоил Сергей Иванович, — голод не даст.

— Молодцы! Придумали, как выжить, — не удержался от похвалы Алеша.

— Не они одни спят, и не только от холода, — продолжает Сергей Иванович. — Я читал, что в пустыне в невероятную жару черепахи зарываются в землю на метровую глубину. Без пищи живут более полугода. Спят летом. На глубине — прохладно. Даже крокодилы в Африке и Южной Америке впадают в летнюю спячку.

— Деда, а есть птицы, которые спят? — спрашивает Алеша. Ему тоже, как Насте, оказался интересным рассказ деда.

— Есть, — отвечает Сергей Иванович, — но водятся такие, которые не спят, не улетают на юг. Да еще и птенцов выводят!

— В морозы выводят птенцов? — громко удивилась Настя.

— Да! Это клесты. Они обитают севернее от нас, в хвойных лесах. Клеста не спутаешь ни с кем. Чуть побольше воробья. Хлопотун. Постоянно семечки из шишек добывает. Клюв у него примечательный. С загнутыми концами. Они торчат

крест-накрест. Клест рождается с нормальными клювом, но потом при добывании семян из шишек он у него искривляется.

— У дятлов от добывания корма бывает сотрясение мозга, а у клестов кривым становится клюв. Так непросто всем, — делает вывод Алеша.

— Я видел гнезда клестов с птенцами и летом, и зимой. В гнезде самка сидит в мороз, не слетая. Чтобы не остудить яички, самец кормит ее. Корм есть — мороз не страшен, — продолжает Сергей Иванович, — если клест умирает, то очень долго тело его не гниет. И даже оперенье остается целым. Говорят, это оттого, что едят они семена хвойных деревьев, а в них — смола.

— И сейчас клесты есть в том лесу? — спрашивает Настя.

— Конечно, есть!

— Тогда пойдёмте посмотреть их!

— Ну, прямо и загорелась, — не удержалась Вера Михайловна, — чай-то кто пить будет? Ежики, что ли?

— Клесты живут страшно далеко, — сказал Сергей Иванович.

— А мне не страшно, — не унимается Настя. — Хочу увидеть загадочную птицу-клеста! Никогда не видела и не слышала про такую. А мы сидим!?

Серая озорница

Мне запомнился рассказ Сергея Ивановича о проделках с Цыганом умных ворон. Теперь стараюсь наблюдать за ними. И вчера был вознагражден за это.

Из окна мне хорошо видна покатая крыша сельницы-сарая для хранения сена. Крыша у сельницы покрыта листовым железом. Уплотнившийся снег иногда большими кусками сползает по крыше. И шумно падает вниз.

Я заметил, что стайка ворон усаживается на самый конек крыши и наблюдает за происходящим. Так длился не один день. А вчера на моих глазах одна из ворон явно начала играть. Вернее, проказничать.

Вытянув шею, она с самого конька, усевшись на оторвавшийся островок снега, скатилась вниз по крыше, как заправский наездник. Около самого края крыши взмахнула большу-

щими крыльями и взлетела. Потом села и... пошла, не спеша, наверх к коньку, осматривая снег.

Там она клювом подолбила деловито, на самой верхотуре: небольшой ком слежавшегося снега оторвался и пополз вместе с ней вниз. У самого края она вновь взлетела. Остальные три вороны спокойно наблюдали за ее проделками.

Так ворона скатывалась по крыше не менее пяти раз. Она была, очевидно, самая азартная.

Этого не видели Настя и Алеша. Они были в гостях у Дениса.

...Сегодня я вновь увидел проказы вороны, и позвал ребят. Теперь-то уж мы посмеялись вместе, наблюдая за любительницей острых ощущений.

Мы тут же нашли имя для озорницы. Стали звать ее Катьюшкой.

Урок профессора

Сергей Иванович многое видел сам и немало слышал от своих родителей. Вот и знает теперь о разных растениях, птицах и животных столько, что удивляешься.

А дед Дениса, Альберт Львович, профессор. Он прочитал много книг.

Ребята попросили его провести урок. И то, что он рассказал, меня ошеломило, кажется, больше, чем ребят.

— Я расскажу вам о том, что не написано пока в учебниках, — начал профессор. — Может, кое-что не совсем достоверно, но... Кто-нибудь слышал об ученом Николе Тесле?

Мы все молчим.

— Я так и думал. Никола Тесла делал то, что никто и сейчас не может. Это был великий ученый. Он изобрел первые электронные часы и двигатель, работающий на солнечной энергии.

На окраине Нью-Йорка в самом начале прошлого века по заказу Теслы была построена деревянная башня высотой с двадцатиэтажный дом. Ее называли Ворденклиф. В летнюю ночь 1903 года она чуть не свела с ума жителей Нью-Йорка. От ее вершины на сотни миль вокруг сверкали гигантские искусственные молнии. Сделалось светло, почти как днем.

Мы слушаем профессора, стараясь не пропустить мимо ушей ни одного его слова. В необычной тишине он продолжает:

— А за десять лет до этого Тесла пропустил через свое тело электрический ток сверхвысокой частоты и огромного напряжения. В его руках невключенные в сеть лампочки ярко горели.

— Мальчики! — профессор посмотрел на Алешу и Дениса, — вам понятно, о чем я говорю? Как это необычно!

— Конечно, — ответил за обоих Денис, — здорово! Он мог сгореть. Смелый!

— И мне понятно, — заявила Настя, — это был волшебник.

— Вот именно: волшебник, — согласился профессор. — Ты сказала великолепно. Великий сербский ученый был волшебником.

Перед Второй мировой войной и в годы войны он вместе с другими учеными разрабатывал особо важный проект. Целью его было достижение невидимости американских кораблей. Никола Тесла умер в 1943 году. Но через полгода опыт провели. Под влиянием мощного магнитного поля, которое создавали генераторы, эсминец «Элдридж» исчез. Его вообще не стало, если верить публикациям в газетах. Он оказался в 350 километрах от того места, где стоял до того. Выключили генераторы — он вновь оказался на старом месте.

— А люди? — не удержался Алешка.

— В газетах писали, что одни расплавились, другие пропали. Тесла верил, что с помощью электромагнитного поля можно перемещаться в пространстве и управлять временем.

— Как это управлять временем? — удивился Алеша.

— Это значит, что можно дни и годы перелистать назад, как листки календаря. И оказаться в прошлом. Поговорить, например, с Пушкиным, представляете?!

— С Робинзоном Крузо еще? — подсказал Денис.

— С ним нельзя, — возразил профессор, — его писатель придумал. С тем человеком, который, как Робинзон, жил на острове, но носил другое имя, получается, можно.

— Сказка какая-то, — засомневался Денис. — Почему же после Теслы никто этого не сделал?

— Тесла знал тайну и унес ее с собой. В последние годы он занимался изучением космоса. И там у него были необычайные успехи. Он много оставил после себя интересного. Среди них гравитационный мотор, который включается раз в год при определенном расположении планет. Его автомобиль, который,

получая энергию движения из вакуума, гонял со скоростью 150 километров в час.

При этих словах Алеша и Денис переглянулись и покачали головами.

— Энергию из ничего! Опять сказки! — произнес Денис.

Рассказчик спокойно продолжал:

— В Белграде есть музей Николы Теслы. Можно убедиться. Дело за вами, подрастайте быстрее. Я давно хочу туда попасть.

* * *

Весь следующий день прошел у нас под впечатлением рассказа профессора. Мы обсуждали с Алешкой услышанное на все лады. Вечером перед сном, когда Настя уже спала, он фантазировал:

— Представляете, если бы Тесла сейчас жил? Он помог бы нам невидимками стать! На время. Сколько бы мы узнали о животных разных, птицах. Побывали бы среди них незамеченными. И в прошлые века бы могли вернуться. Все изучить, со всеми поговорить! И написать самим точную историю всего! Как было!

Он переходит на шепот:

— Или разведчиком-невидимкой быть — здорово! Любые планы врага узнать можно!

— Конечно, — соглашаюсь я, — заманчиво!

Вера Михайловна слышит наш разговор:

— Ну совсем как маленькие, что с вас взять? На ночь глядя напридумали. Не заснете. Вон берите пример с Насти.

— Бабушка Вера не слышала рассказ профессора, потому так и говорит, — шепчет мне Алеша, — не верит!

— Ага, — соглашаюсь я, — не верит.

Домашнее задание

Январь — месяц суровый, а все равно, как и ожидали, с его приходом стало уютнее, чем раньше. Чаще выглядывает солнце из-за туч.

Метелица сегодня утихла к полудню, и небо явилось чистым. Оттого и в горнице Чураевых светло.

Идет последний урок. Завтра гости разъедутся. Каникулы кончаются.

— Кто сегодня начнет первый, — спрашивает Сергей Иванович и внимательно смотрит на нас — своих учеников, — домашнее задание приготовили?

— Я прочитаю, — тихо говорит Алешка, — у меня стихи! Лицо его серьезное. Он встал и произнес:

— Стихотворение «Пуля».

Начал читать, не глядя в раскрытую тетрадь. Ладонь левой руки его скользит по клеенке, на которой нарисованы большие ромашки.

*— Пуля нервная такая,
Полетит, всех убивая.
Всех убьет и пришибет.
Только боль ее берет:
Как же ей всегда такой
Жить убийцей удалой?*

Алешка замолчал. И ладонь его присмирела. Наступила пауза.

— У меня спине холодно стало от твоих стихов. Никогда таких не слышал, — первым не выдержал Денис.

Настя смотрит, не отрываясь, внимательно Алешке в глаза. Молчит.

Сергей Иванович, потрогав большим и указательным пальцами усы, обронил:

— Ну, брат, даешь!? Не ожидал... Что это ты вдруг про пулю?

— Не знаю. Так вышло, — отозвался Алешка.

Он больше ничего не сказал. Но мне, кажется, кое-что понятно. Я привез с собой и подарил Алешке книгу «Всадник без головы». Видно, он ее прочитал и теперь переживает.

— Стихотворение хорошее, — сказал задумчиво Альберт Львович. Он сидел на диване и внимательно слушал Алешку. — Я бы так не смог написать.

— Хорошее, — согласился Сергей Иванович, — но только мы договаривались о радостном писать. Садись. Молодец!

— Можно я прочту? — попросил Денис. — Только сидя, потому что у меня — повесть!

— Можно, — ответил Сергей Иванович.

— Повесть для маленьких ребят, — начал резво Денис. — Называется она «О чести и подвиге». Глава первая: «Тайный побег».

Денис горделиво посмотрел на Настю и продолжал:

— Как-то днем Рой — друг Сильвио — гулял у подножья горы с острыми пиками в колчане. Он мечтал о славе, то есть хотел совершить подвиг. Но Сильвио — его верный друг, был против этого. Он — Сильвио, не хотел, чтобы его друг Рой попал в беду. Но Рой отстаивал свое. Он не боялся опасности!

Денис так увлеченно и уверенно читает, что все внимательно слушают. Даже бабушка Вера вошла в комнату и остановилась у голландки. Хотела что-то спросить у Сергея Ивановича, но не решилась.

— И Рой однажды придумал вот что! Когда друг отправился на охоту на львов, он ушел.

— А, батюшки, куда же он, Сильвио, на львов, глупенький, один-то? Пропадет ведь! Ушел... Видать, парень-то хороший... — не выдержала бабушка Вера. — И Рой — тоже один?!

— У мужчин этого племени была обязанность, — важно продолжал Денис, — ходить на охоту. Они добывали зверей и всякую дичь. И было правило: без добычи не возвращаться, иначе позор.

При этих его словах Вера Михайловна горестно покачала головой и, непонятно, всерьез или так, спросила:

— Жены, что ли, такие строгие были?

Один Сергей Иванович улыбнулся при этих ее словах, остальные терпеливо слушали:

— Рой ушел далеко — в город Рич. Там, в этом городе, слабый вождь не мог спасти свою страну от набегов сильных врагов. Этой стране совсем бы конец пришел, если б не Рой! Рой стал просить у вождя чести защитить его город. Вождь дал согласие. И рой, отважный Рой, пошел на битву вместе со своими друзьями-рыцарями. С ними он познакомился в городе Рич. Этих молодых людей звали Антонио, Мигель и Родригос.

Денис перевел дух и, чуть помедлив, продолжил:

— Глава вторая. Называется «Мигель», — но, перевернув страницу, забеспокоился: — Эх, ты! Не те листы взял. То ли выронил, то ли дома оставил какие надо было...

— Как же теперь, если потерял? — забеспокоилась Настя. — Мне так интересно!

— Не переживай, — успокоил ее Денис. — У меня все в компьютере. Я могу сбежать сейчас, — сказал так и посмотрел на Сергея Ивановича.

— Не надо, Денис. У тебя сколько в повести осталось глав? — спросил учитель.

— Две написаны, — ответил Денис, — и три в голове еще.

— Вот как? Прямо писатель Жюль Верн. Вот и давайте завтра перед отъездом прочитаем обе главы. Принимается предложение?

— Правильно, — подал голос Альберт Львович.

— Что же будет с Роем? Он мне так понравился, — не терпелось Насте.

— Он сначала попадет в плен, потом его спасут Сильвио и его друг Мигель, который придумает секретное оружие, — загорелся вновь Денис. — А потом... Они всех...

— Дениска, — вмешалась Вера Михайловна, — лучше все по порядку, не торопясь, а то потом не интересно будет читать.

— Ладно, — сдался Денис.

И снова посмотрел на Настю:

— Настя, твоя очередь. Что приготовила ты? — спросил Сергей Иванович.

— Я свой рассказ не закончила. Он получается длиннющий такой...

— И когда же ты его завершишь?

— Не знаю, — ответила Настя. И добавила, сверкнув глазами: — Не хочу, чтобы он кончался. Это целая повесть обо всех нас. Как у дяди Саши в книжке «Под старыми кленами».

— Такая длинная, — удивился Денис.

— Да. Приезжайте обязательно летом, тогда я вам прочитаю.

— И как твоя повесть называется, — спросил Алешка.

— «Однажды в зимние каникулы», — ответила Настя.

— Ты не хочешь, чтобы кончались наши каникулы, — догадался Денис, — хитрая, поэтому не пишешь повесть до конца!

— Не хочу, — призналась Настя. — Не хочу, чтобы все разъехались, а я осталась без вас.

Денис сначала засмеялся, но, увидев серьезное лицо Насти, примолк. Ему тоже не хочется расставаться. Это видно. Только он не готов признаться в этом.

И мне не хотелось уезжать.

Интересно, что Настя про всех нас напишет?

2005 г.

Хромоножка

Глава 1.

БОЛЬШАК И МУРА

У неё ещё только начали резаться зубки, а она уже была необычно подвижна и среди окружавших её котят выделялась своей резвостью.

Её сверстники котята, как и она, вначале были все голубоглазы. Но вскоре у окружавших её малышкой цвет глаз поменялся. Она же, одна из всех, сохранив белый окрас и первородный цвет глаз, продолжала смотреть на мир голубыми глазами.

Её резвость и подвела её. Она играла вместе со всеми недалеко от большой поленницы нагретых весенним солнышком берёзовых дров.

Старая соседская кошка любила подолгу лежать на теплых дровах. Грелась на солнце. Она-то и столкнула ненароком сверху увесистое полено. Удар краем полена, когда малышка пробегала уж больно рядом от лежанки старой кошки, пришёлся по левой передней её ноге.

Андрей Большаков, возвращаясь из деповских мастерских домой после работы, обнаружил её ткнувшейся носом в поленницу.

Она молча плакала.

У неё оказался закрытый перелом ноги.

Большак принёс котёнка домой.

Из толстого картона неторопливый мастеровой человек вырезал по форме ноги шину и, как мог осторожно, шевеля своими большущими умелыми руками, с помощью бинта приладил её.

...Всё обошлось, кости ноги срослись. Но под неверным углом. Теперь она косолапила. Нога её стала похожа на маленькую хоккейную клюшку.

Время шло, и вскоре хромоногое энергичное существо превратилось в бодрую активную кошку.

Голубые глаза её без следов выделения в уголках, как бывает у некоторых, искрились. Не красавица. Но такая трогательная!

Хромота не мешала кошке забираться на деревья и ловко с них прыгать. Иногда безо всякой цели. Заражая азартом ребятшек, безудержно носилась она по двору, что было явным признаком её здоровья.

Все во дворе привыкли к ней такой. С лёгкой руки Петьки Захарьева звали её Хромоножкой. Один Андрей Большаков да его жена Анна называли её Мурой. Андрей сердился на Петра за эту его не то кличку, не то прозвище.

А кошке было всё равно. Что Мура, что Хромоножка... Какая разница! Главное: её любили во дворе дома на улице Прибрежной. С Андрея Большакова, когда он бывал рядом, она не сводила своих круглых восхищённых глаз. Когда она так на него смотрела, он будто попадал под гипноз...

Большак часто сажал её в большой карман своей брезентовой куртки (так повелось ещё с тех пор, когда она была с забинтованной ногой) и шагал на работу в свои шумные мастерские на железнодорожную станцию.

Большаковы жили в полуподвальной комнате с единственным продолговатым почти под потолком окошком. В это оконце мало попадало света. А в дневное время суток особенно надоедливо доносилось шарканье ног прохожих. Она давно уже к этому привыкла и не обращала внимания. Да и мало Мура бывала в доме. Ей нравились двор и улица!

Верность, преданность хозяину и независимость основательно сидели в ней с рождения.

Крепко сбитое её тело с широкой грудью, круглыми лапами, с пропорциональным длине хвостом так и мелькало то во дворе, то на затравевшей улице.

В бесчисленных поколениях её прародителей, скорее всего живших большей частью не в комнатных условиях, и уж наверняка безо всякой заботы хозяев о целенаправленной селекции, утерялись явные черты определённой кошачьей породы. Во всяком случае теперь, глядя на Муру, её нелегко было определить...

...Мура не печалилась и не думала о том, что когда-то у неё было всё нормально с ногой, а теперь она как бы инвалид. Она жила обычной жизнью. Нежного отношения её хромота к ней от окружающих не добавила, а насмешки на этот счёт Мура не воспринимала. Она же не понимала человеческий язык. Интонация — дело другое...

...В бригаде Большака, как и во дворе, её знали все. Иногда упрекали, что долго не появляется у них.

К машинным запахам Большака, к пыхтящим огромным паровозам, к вагонам с их скрежетом и уханьем она привыкла так, как если бы родилась не в тихом небольшом дворе под крыльчком дома с окнами, заставленными горшками с геранью, а под вагоном между шпал. И всё это из-за Большака. Такого уравновешенного, надёжного, всегда собранного и деловитого, как станция.

Эта железнодорожная станция и Большак для Муры одно целое.

И вдруг Большака не стало.

Всё так же шумели вагоны, урчали паровозы, когда она прибежала в мастерские, а Большака не было. Не стало многих из тех, кто с ним работал. Это случилось после того, как все вокруг стали говорить слово: война.

В тот горький день, когда Мура обнаружила отсутствие Большака, она метнулась знакомой дорогой на станцию, но поезд вильнул хвостом как раз в тот момент, когда она выскочила на перрон. Мура бросилась за поездом, однако он ускорил ход, и она поняла, что его ей не догнать. У поезда было много колёс. Больше, чем у неё ног. Когда остановилась, увидела, что окружающие люди смотрят на неё... Много людей...

...Ей не хотелось уходить со станции вместе со всеми провожающими. Когда перрон опустел, она побрела в переулок. Пошатываясь, пошла вдоль большой стены из осьшающегося красного кирпича. Эта стена отделяла сейчас её от станции. Тут Муре стало легче, но не надолго...

Она догадывалась, что с этого дня, без Большака, у неё начинается другая жизнь.

...Вытянувшись вдоль стены, она притихла. Перед глазами всё продолжали мелькать вагоны уходящего на непонятную войну поезда. В каком-то из них был Большак. Если бы знать заранее...

Одно к одному... Всего лишь неделя прошла после того как распорядительная Матвеевна, живущая над Большаковыми, забрала всех её пятерых котят и никто их во дворе больше с тех пор не видел.

Матвеевна говорила, что отвезла их сёстрам в деревню. Но уж больно поспешно, котятка были ещё слепые. Сосед Матвеевны по этажу Гордей Фомич видел её с шевелящимся мешком около канавы, пропахшей тухлой водой, но разговора об этом не затевал.

Обе женщины, и Анна, и Матвеевна не очень-то жаловали кошек.

Мало ли чего видел Фомич... Он давно научился помалкивать когда надо...

* * *

— Гляди-ка, кошка плачет. Надо же! — удивился прохожий и остановился.

— Это колченожка Большака нашего, — сказал низкорослый седой человек. И Мура признала в нём одного из тех, кто иногда возвращался с ними после работы домой.

— Не горюй, Мура. Хозяин скоро вернётся. Большак не может сгнуть. На таких свет держится. Да и война-то долго не будет длиться. Делов-то сколько на станции... Пойдём с нами домой, чего ж теперь?..

Она даже не пошевелилась, только начала выть...

И тут её подхватили чьи-то цепкие руки. Прижали к куртке со знакомым запахом мастерских.

Петька Захарьев — друг Большака, держа Муру на согнутой левой руке, понёс её домой.

Глава 2. ПЕТЬКИНЫ ПРОВОДЫ

Мура ещё несколько раз бегала в мастерскую, где работал Большак. Но там всё меньше и меньше становилось тех, кто трудился совсем недавно рядом с Большаком.

...Настало время, когда из старых знакомых в мастерских остался один Захарьев Пётр.

Она теперь часто бывала около него. Он для неё как бы частица Большака. Был Петька низкорослый, с подпрыгивающей лёгкой походкой. Он часто улыбался, даже когда шёл один.

— Мелюзга, какой от него на большой войне толк? — говорила дородная Матвеевна.

Но и его проводы приближались.

Алексей Большаков отбыл на фронт спокойно, по-деловому, будто в обычную командировку уехал.

С Петькой дело иначе.

Белозубо улыбаясь, он объявил Муре:

— Ну что, Хромоножка, тебя в армию не возьмут с твоей клюшкой! А я — вот он! Доброволец! Понятно тебе!? Не отпустили на станции, а я не могу иначе! Немчуря столько моей родни покрошила ещё в Первую, теперь опять? А мне в тылу?.. Через два дня прощаться будем!

* * *

Провожали Петра всем двором. С музыкой!

Жена его — Люська, повиснув на плече мужа, не давала ему играть на гармошке. Как пожилая баба, раскинув пухлые свои руки на Петькиной голубой рубашке, плакала навзрыд:

— Петенька, Петенька! Не увижу я тебя больша таким. Чует моё сердечко, на погибель уходишь...

А Петька, беззаботно вырываясь из ее рук, потряхнув русым чубчиком и весело ощерив туго набитый крепкими белыми зубами рот, рвал меха гармони и собственное горло:

— *Когда б имел златые горы
И реки, полные вина,
Всё отдал бы за ласки, взоры,
Лишь ты б владела мной одна...*

Увидев весёлого Петра, Мура тоже было повеселела, но, заметив какие у всех грустные глаза, притихла.

— Петенька?.. Родненький, — только и успевала вставлять Люська одиночные слова в мужнину песню.

Мура отошла подальше от крыльца к калитке. Она не выносила ни громкую музыку, ни крики.

Матвеевна стояла рядом и молча крестилась. Старик Фомич, облокотясь о дверной косяк, шамкал неведомо кому:

— Вот так же и мы с брательником моим Петрухой уходили. Тожа молодые были и веселье, ой да ну... Судьба своё каждому приготовит. Я вот живой до сей поры...

— Рази так мыслимо горланить на проводах-то! — говорила Матвеевна, не слыша Фомича. Всё перекрывал разгульный голос Захарьева:

— Ты правишь в открытое море,
Где волны бушуют вдали...

Мгновенно прекратив пение, гармонист выкрикнул задорно, обращаясь к Фомичу:

— Вынимай, дед, своего Георгия, хватит прятать крест! Драй до блеска — и на грудь! Когда я привезу свой орден, что будешь делать?!

Низкорослый, на полголовы ниже своей жены Люси, вёрткий — он сейчас в центре двора был самый главный и самый заметный. С таким-то норовом!..

Люся отошла от него в сторонку. Стояла, прижавшись к забору. А он, усевшись на вынесенную кем-то табуретку, продолжал надирать гармонь...

Фомич подошёл к играющему. Положил руку на плечо. Всего-то и сказал:

— Петруха, тебе пора.

И музыка прекратилась.

Пошли провожать Петра на станцию всем двором: Люська, Матвеевна и её две приехавшие из села притихшие племянницы, жена Большака Анна со своими ребятами Валькой и Миной да кошка Мура. Вот и всё. Фомич не пошёл. Куда с его-то ногами?

Когда выходили за калитку, где на лавочке успела присесть Мура, Фомич протянул руку Петру с чем-то тускло блеснувшим.

— На вот!

На его ладони лежал крохотный крестик.

— Ваше благородие, я решил на фронте в комсомол вступить! Мне нельзя!

— Возьми, таратора эдакий. Какой я тебе благородие?.. Там разберёшься...

Пётр, невольно подчинившись, протянул руку.

— Больно ты порох. Запомни, на войне первым гибнет молодняк, потому как не в меру горячий. Брательник мой Петруха тоже зуйливый¹ был, — сказал так старик и отошёл в сторонку. Прямой и сумрачный.

¹ Зуйливый — здесь: вертлявый.

Глава 3. ОДНА

И осталась Мура опять одна. Она по-своему любила свой небольшой двор и его обитателей. Но разве можно его теперь сравнивать с тем, каким он был до отъезда на войну Большака и Петьки Захарьева? Во дворе никто так заразительно не смеялся, как это делал Петька. Она не любила шум, но без Петьки стало уж совсем тихо. Во дворе никто не носил такой рабочей куртки, какая была у Большака, с просторным карманом...

За то время, пока он её лечил и носил с перевязанной ногой в кармане этой своей брезентовой куртки на станцию, она так привыкла к этому, что, когда нога зажила, стала ходить с ним на шумную его станцию. И когда по дороге, жалея, он брал её в карман куртки, она была счастлива. Если ей уж больно надоедал шум в мастерской, она убегала домой. Но каждое утро вновь норовила своего хозяина провредить. А он иногда щадил её и уходил на работу тайком, без неё.

Скучно без Большака! И без Петьки скучно!

Из мужчин остался во дворе один Фомич. Но он молча подолгу курит, сидит на лавочке да кашляет. Это его курение совсем отвало её от широкой лавочки у калитки. Она не выносила запаха дыма.

Матвеевна куда-то всё надолго уезжает. То в деревню за Волгу, то в Сызрань.

Жёны Большака и Захарьева — Анна и Люся — стали тихими и неразговорчивыми. У обеих глаза на бледных лицах, как мерцающие угольки в затишке...

Теперь везде звучали новые слова: фронт, Германия, похоронка. И лица у людей стали другими: сосредоточенные, не улыбочивые. Она не знала, что значат эти новые слова, но чувствовала в них большую тревогу.

...Потянулись через станцию, где работали раньше Большак и Петька, вереницы составов с необычным до того грузом.

Мура бегала к поездам в надежде, что увидит по какой-то случайности Большака или Петьку. Но увы... Такого не случилось. Унылой она возвращалась домой, во двор мимо пропахшей у калитки куревом лавочки...

Мура стала часто видеть сны. И сегодня под утро ей приснился сон. Да такой хороший! Будто они всем двором встречают Большака с ненавистной войны. Лица у всех необычно весёлые. Много вокруг зелёного и голубого... В толпе встречающих она заметила высокого и худого учителя, живущего в соседнем дворе, Льва Петровича. Ему Захарьев, по своему разумению, дал имя «Рыхлый». Оно крепко прилипло к учителю.

Рыхлый несколько раз ходил в военкомат, но его не берут на фронт. Зрение у него такое, что он и Муру-то вряд ли отчётливо видит...

Она проснулась на самом интересном и важном месте в её сне, когда поезд остановился...

От хорошего сна у неё поднялось настроение. Она вспомнила, что давно не занималась собой.

Ещё немного полежав на дощатом полу в сарайчике, она вскоре вышла во двор, освещённый ласковым солнцем бабьего лета.

Переживания последних недель так повлияли на Муру, что она, раньше очень внимательная к себе, совсем перестала следить за чистотой своего тела. Обычно она умывалась после еды. Сейчас же сразу после сна она уселась на широкую доску у сарайчика и с удовольствием вначале облизала рот, потом начала вылизывать все те места своего тела, до которых могла достать языком. Затем, увлажнив облизыванием лапку правой ноги, она принялась чистить там, куда не могла добраться языком. Усердно и забавно начала тереть лапкой голову, уши.

К ней вернулось забытое желание быть опрятной и красивой.

Когда она привела себя в порядок, ей захотелось общения. Можно было бы пойти к Вальке с Минькой. Муре нравилось играть с ними. Но они в последние дни всю игру с ней сводили к попытке наклеить ей узкие чёрные полоски поперёк туловища.

Им страшно хочется побыстрее посмотреть на кого она будет больше похожа полосатая: на зебру или на невиданного белого тигра.

Ей такие игры неприятны. Она вырывалась и убегала.

...Мура направилась к учителю Льву Петровичу. Посмотреть: как он там? Нет ли около него Большака или Петьки Захарьева? Всякое может быть!..

Когда она вошла в соседний двор, учитель в сиреновой майке брился около жестяного рукомоЙника, подвешенного на покосившийся столбик.

Хвост Муры был жёстко поднят вверх, спина слегка выгнута. Послышалось лёгкое мурлыканье. Так она приветствовала учителя. Затем она подошла и стала тереться о его ноги.

Близоруко глядя сверху вниз, учитель спрашивал участливо:

— Ну, что тебе, Мура? Проголодалась?

Он топтался перед осколком зеркала, разглядывая свою бритую щёку, и, неуклюже попятившись, наступил огромным своим жёлтым ботинком со стоптанным запятником Муры на левую переднюю лапу.

Страшная боль пронзила всю её ногу. Зарычав, она отскочила в сторону. Хвост у Муры опустился между задних лап, голубые глаза мгновенно округлились. Затем хвост оцетинился. Испуг, гнев, негодование испытала она в этот злосчастный момент.

Откуда ей было знать, что такое случилось только лишь по неловкости Льва Петровича?

Больше Мура к учителю не ходила. Обида засела в ней крепко.

Глава 4. **ПЕТЬКА ЗАХАРЬЕВ ВЕРНУЛСЯ**

Вернулся с войны Петька быстро. С одной медалью на гимнастёрке и без обеих ног выше колен. Как в воду глядел Фомич, говоря: «С таким-то характером...»

Теперь Петька не ходил, а передвигался на тележке, отталкиваясь руками о землю. Для этого он зажимал в цепких кулаках деревянные колодки. Маленький такой. А теперь стал ещё меньше. Наполовину.

— Что, Мура, непривычно тебе видеть меня таким? Многим не в обычай, — говорил он, притулившись в тенёчке во дворе под старой рябиной. — Прости, Мура, не буду больше звать тебя Хромоножкой. Зарок даю. Это неправильно. Любил я да-

вать прозвища, а теперь разлюбил. Но «Мура»... это, как если бы меня назвали Человеком?.. Немножко как-то не того...

Он разговаривал теперь с кошкой не насмешливо и свысока, как раньше, а по-другому. Она это чувствовала. И улыбка у него теперь была другая. И зубы не сверкали при разговоре.

— Я теперь не Захарьев, а Половинкин — так можно считать, — говорил он вроде и не ей, а кому-то, не глядя на неё. Переехала меня война пополам. Половина меня осталась. И здесь, — он махнул пятернёй по груди, задев медаль, — половина осталась... Всего на четвертушки разделало... У тебя все четыре при тебе. Преимущество передо мной. И ещё какое! Четырёхкратное!

Он начинал кашлять, и медаль на его груди трепетала, будто синица на ветке, за которой Мура сегодня утром наблюдала во дворе. Она видела, какие изменения произошли с ним и потихоньку начинала привыкать. Зато Петька — не учитель Лев Петрович со своими длинными ногами, на лапу не наступит. Нога у Муры продолжала болеть. Вот только дым от едких папирос ей был невыносим. Когда Петька закуривал, она вставала и уходила.

Он заметил эту её нелюбовь к дыму, и тонкие губы его покривились в лёгкой усмешке. Было похоже, что думал он сейчас не о кошке. Люся — жена его — тоже не любила, когда он курил.

Глядя перед собой когда-то дерзкими, а теперь потухшими глазами, Петька говорил:

— Была ты Хромоножкой, а теперь — Мура! А я кто? Кем стал? Без ног-то?

И, трогая маленькие колёсики у своей тележки, добавлял:

— Половинкин на тачанке! Да? Чапай!

Увидев, как строго и внимательно Мура на него смотрит, осёкся:

— Ты это... Я принял с утра немножко. Извините, мадам! Мы же свои люди...

* * *

Через улицу, в сторону от станции, около парикмахерской стояла деревянная сапожная будка. В ней окружённый запахами мыла, вара, дратвы, кожи, крепко пропитанной потом обувки, работал Захар Синицын. Петька звал его Стелькиным.

Петька и Мура часто бывали у Стелькина. Как когда-то Большака, она теперь провожала Захарьева. Только не на работу в мастерские, а к Стелькину. Захар не был таким разговорчивым, как Петька. И у него была одна нога. А вместо второй — тяжеленный деревянный протез. Этот протез он отстёгивал, когда сидя работал. Протез тогда стоял рядом в будке. Как бы отдыхал. Стелькин звал эту свою деревянную ногу ступой.

Пока они добирались до Стелькина, Петька разговаривал с Мурой:

— Ты бессловесная, тебе можно довериться, не проболтаешься. Любил я Люсю! Ну было дело: бил... Всего-то раза три. И за дело! ...Уехала в свою Муранку. Только чтоб меня не видеть, такого! Конечно, это её право. А я слабак! Сам не знаю, зачем такой домой приехал. Дружок безрукий ещё в госпитале предлагал к нему махнуть под Винницу. Я и хотел попервоначально у него сгинуть. Но без Волги как? Вырос на ней жа! Всё своё...

Мура сидела в тележке около него и слушала.

А Петька спрашивал:

— Разве можно такого меня терпеть. Я сам себя не выношу. Её право...

Замолчал, а потом почти выкрикнул:

— Люся, Люся! Судить не беруся!

И тихо так добавил:

— Но, если вдруг решуся...

Тут, словно отгоняя кого-то или чего-то от себя, помахал он правой рукой перед самым своим лицом и сказал, словно оправдывал за пьянку того, к кому они ехали сейчас:

— Это хорошо, что Стелькин есть! Он, как второй я, без слов понимает меня. Те, которые с ногами, они — другие. А ты? — он встряхивал свой светлый вихор на беспокойной головушке, — ты чего привязалась ко мне! Только что я тебя не бил, а так, хорошего-то ничего тебе не сделал...

Он или не догадывался, или не показывал виду, что понимает, почему Мура к нему привязалась. Он же был как бы честица Большака, из того времени! Ей с ним важно быть. Так верилось, что вот-вот около Половинкина появится Большак. И начнётся прежняя жизнь, довоенная...

Они оба так тосковали по той жизни, в которой у него была его Люся, а у неё — Большак...

...Уже когда они возвращались от Стелькина, он продолжил прерванный разговор:

— Почему мне с тобой легче? А потому, что ты добрая. Да, добрая! Это немало!.. С человеком труднее... Вот Стелька? Он хоть и свой, но обозлённый... Я долго с ним не могу... Ему если автомат в руки... Но без него?.. И выпить не с кем. Ты же не пьёшь? И не куришь! Как с тобой?.. С такой интеллигенткой...

Глава 5. **ПРИ БОЛЬШАКЕ БЫЛО СПОКОЙНЕЕ**

Она терпела эти его длинные разговоры, сидя в тележке впереди него. Запах водки, лука её раздражал больше, чем разговоры.

— Ты знаешь, что Стелька сказал про тебя? Не знаешь! Я, говорит, при ней стесняюсь глупости говорить, ругаться через раз стал... Смотрит в упор на меня синими своими брызгами... Сегодня, когда выпивали, предложил:

— Ты на свой тачанке, как на паровозе пыхтишь.

— Да уж, — соглашаюсь.

А он своё:

— Муркины голубые глаза — как фары! Она ими всех встречных просвечивает, когда с тобой едет. Ты научи её, советует, повороты указывать. Влево сворачиваешь — пусть левым глазом моргает, вправо — правым. Вот только как со стоп-сигналом?

— Тебе, Стелька, того, говорю, кто-то по колпаку крепко дал... и не лечишься...

Лыбится во все щёки и только-то.

Когда уже въезжали во двор, Захарьев посетовал:

— Мура, Мура, смотришь ты на мир своими голубыми глазами... и он у тебя — голубой, наверное, и ясный. Тебе можно позавидовать!

...Мура попробовала однажды остаться ночевать у Захарьева. Он не возражал.

Но что это была за ночь?! Несколько раз Петька во сне принимался кричать. Да так громко, что ей стало страшно. Она начинала метаться по комнате. Не знала, что делать?

Смалодушничала, и под утро вышмыгнула из комнаты. Больше ни разу к нему ночевать не ходила.

Как всё же при Большаке было спокойнее. Он не ругался, не кричал.

Тогда она была хоть и хромая, но здоровая. А теперь, после того, как учитель наступил ей на ногу, её часто донимала боль.

Петька перестал, как говорила Матвеевна, рвать душу на гармошке во дворе, а спокойствия не прибавилось.

...Как всё поменялось?..

Сегодня, когда прибыли к будке, Стелька, разливая по стаканам денатурку, говорил Петьке:

— А ты знаешь, что Чапай не любил, даже боялся лошадей?

— Кто тебе сказал? — удивился Захарьев.

— Мой дядька Егор, он — чапаевец. — Говорит, у него автомобиль был. Не скакал он...

— А как же кино?

— Кино — это другое...

— Ты это к чему? Про мою тачанку? Так я тоже безлошадный. Мотор: одна моя половинкина сила, куда до лошадиной?..

— Говорю к тому, что вранья на свете больно много...

— Это точно, — согласился Петька. — Вот Мура! Она не соврёт. Если, к примеру, надоели мы ей своей болтовнёй, так она морщится. А то возьмёт и уйдёт. Я люблю таких.

И тут Стелькин сказал вроде бы ни с того ни с сего:

— Тебе, Петруха, пообвыкнуть надо. Не казись. Смирись. Зачем домой приехал? — жёстко произнёс Стелька. — Глотал бы теперь под Винницей хохляцкие галушки. Никого из своих рядом. Некому жалеть.

— Мне и тут есть чего глотать. И, кажется, уже наглотался, — глухо отозвался Захарьев. — Что там, что здесь... У меня то одна нога зачесется, то другая. Суну руку — ни одной на месте нет? Как привыкнуть?

— Знакомо, — буркнул Стелькин, — мне проще — вон, — он кивнул головой в сторону деревянного своего протеза, стоящего в углу, — когда у меня нога, которой нет, зачесется, я его поскребу, и все дела!

И дурашливо скосил глаза на своего собеседника, подтолкнул:

— Разливай, пехота.

— Мне бы твою ступу, — только и сказал Захарьев.

Стелькин провозгласил натужено тост:

— За нас! И мы чего-то стоим! Два чирка — тот же селезень!

Петька угрюмо молчал. Сегодня больше говорил Захар:

— Хорошо, что мы оба — два вместе. Одинокому не чиликается.

Петька продолжал молчать.

Глава 6. **МИНЬКА И ВАЛЬКА**

Мура редко заходила к Стелькину в будку. Старалась сидеть около двери, рядом с тележкой Петьки. Небезопасно в будке у Стелькина. Руки у него большие, а валится из них то молоток, то колодка, когда приятели начинают пить и разговаривать...

Сегодня, не дождавшись конца их разговоров, она убежала домой. А тут своё.

Чтобы забыть про голод, двойняшки Минька и Валька, уставившись в узкое окошко под потолком, считают на тротуаре ноги прохожих.

Оконце короткое, и надо успеть понять: женские ноги или мужские, пока они не прошагали. Миня считает женские, Валька — мужские.

Не обращая внимания на вошедшую кошку, прервав счёт, Минька спрашивает:

— Мам, а почему дяденькиных ног всегда меньше, чем тётенькиных?

— Почему? — произносит Анна глухо. — Потому что война идёт. Большинство тама, на фронте, мужики-то.

— Как хорошо будет, когда больше станет дяденькиных ног, представляете? — говорит Валька. — Значит, война закончилась!

— Нет, — убеждённо возражает Минька, — ног должно быть как раз поровну.

— Почему? — недоумевает Валька.

— А как же потом людям жениться, если не ровно?.. — удивляется Минька.

И тут же спрашивает, рассматривая шевелящиеся пальцы на своей ноге:

— Мам, а вот Петрухины ноги?.. Он тут, а они теперь где?

— Кто где? — не поняла сразу Анна. Ноги?

Подняла тяжёлую голову с подушки и, слегка качнув ею, уронила вновь:

— Миня, ну что ты городишь, где?

Минька принялся внимательно смотреть в окошко, задрал голову к потолку, но шарканье ног затихло. И у него возник другой вопрос:

— Мам, а если немецкая бомба долетит до нас и долбанёт в наш дом, что будет?

— Как же она долетит? Да ещё чтоб попала? — терпеливо отзывается Анна.

— А вот до моста в Сызрани долетели немецкие самолёты с бомбами.

— Теперь этого не допустят.

— Кто?

— Кто? Наш папа, такие, как Петя Захарьев, другие. Они для чего на фронте-то?

— Петруха уже не на фронте. Он вон какой теперь... инвалид войны, — встревает в разговор Валька.

И далее размышляет вслух:

— Если бомба в наш дом попадёт, достанется тётке Матвеевне и Фомичу. Они выше нас живут... Жалко их! А мы в подвале. Не достанет. Может, им к нам надо?..

— Теперь наш папа и за себя, и за Петруху сражается, — рассуждает Минька.

— За всех за нас. Давайте помолчим. Мне отдохнуть бы надо, — молвила Анна.

— Только, мам, форточку закрыть бы, — просит Валька.

— Это зачем? Душно будет.

— Вчера Фомич рассказывал, что страшнее бомбы на войне: газы. Вдруг сюда дойдут? К нам в окно. А мы спим!.. Отравиться можно...

— Валь, ну ты прямо невесть что... Хватит! И этот Фомич городит ребятишкам такое?.. — сердится Анна. Но всё же решает:

— Возьми швабру и со стула закрой!

Мура наблюдает за выражением лиц говорящих. Не понимая, о чём они толкуют, видит только спокойствие... И слышит негромкий разговор. И ни о чём сейчас не волнуется.

Ей кажется в доме Большака всё прочным и надёжным. «Бомбы», «газы»? Эти слова она слышит впервые. Что это? И зачем они людям?.. Раньше жили без них...

Глава 7. **«АХ, ЛЮСЯ, ЛЮСЯ!»**

Вчера Мура оказалась свидетельницей странной картины. И страшной. Всё с утра было хорошо. Она сидела на плече Петьки с широко раскрытыми глазами. Когда они подъехали уже почти к парикмахерской, из калитки дома справа сначала выглянула только, а потом крадучись пошла за ними Люся — жена Захарьева.

Захарьев не видел свою жену, она была за его спиной, а Мура, по привычке наблюдая за окружающими, всё хорошо просматривала.

Они ехали к Стелькину, а Люся выходит, хоронясь то за столбом, то в подворотне, двигаясь перебежками, наблюдала за ними. Лицо у неё было необычно белое и худое, а причёска всё такая же пышная.

Сколько бы ещё длилось такое их совместное продвижение, неизвестно, только около парикмахерской близко проскочившая от тротуара полуторка обдала из огромной лужи седоков тележки грязной водой.

Пётр резко дёрнулся в сторону и вылетел из тележки коротким обрубком на асфальт. Мелькнул, сорвавшись с истлевшей тесёмки нательный крестик. И тут же пропал в мусоре у стены. Мура узнала в нём тот, который дал Петьке при проводах Фомич.

Тележка опрокинулась и, ткнувшись в кирпичную стену дома, остановилась.

Полуторка уехала, а Захарьев стал счищать грязь, не обращая внимания на спешащих прохожих. Сначала со своей, когда-то голубого цвета полинялой рубашки, потом с Муры.

В какой-то момент, когда Петька беспомощно валялся на тротуаре, Мура видела, как Люся, закрыв обеими руками искажённое гримасой лицо, метнулась в сторону с тротуара. Куда она потом подевалась, Мура не заметила.

Очевидно и Захарьев увидел свою жену. Иначе, отчего он перед тем, как начать счищать грязь, такой непривычно мол-

чаливый сидел возле опрокинутой тележки, напряжённо уставившись взглядом в затоптанный торопливыми ногами прохожих серый асфальт...

Весь оставшийся отрезок пути до Стелькина Мура высматривала, искала глазами Люсю, но та, как юркая мышь, будто нырнула в какую щель...

...Вечером, приехав пьяным домой, Петька вывалился из своей тачанки и долго лежал около порога, пока его с трудом не затащил в дом Фомич.

Утром из открытого Петькиного окна сначала доносилось бессвязное бормотание, а позже заиграла гармонь. И по двору загулял Петькин дребезжащий тенорок:

— *Ах, Люся, Люся!*
Я с судьбою разберуся.
Только знай: не застрелюся!
Передумал я вчера...

Колобродил Петька весь день. К Стелькину не поехал, но к вечеру где-то напился изрядно.

Заносила его в дом на этот раз уже Матвеевна, а он всё утверждал, еле владея непослушным языком:

— *Только знай: не застрелюся!*
Передумал я вчера...

Через пару дней бдительная Матвеевна, которую за глаза Петька звал Сорокоушей, сходила скрытно куда надо. Пришёл участковый и от греха подальше забрал ружьё, висевшее за дверью в прихожке. Забрал на вполне законном основании: билет охотничий был просрочен давным-давно, ещё до войны. Членские взносы, понятно, не уплачены.

Захарьев равнодушно отнёсся к действиям милиционера. Будто это его и не касалось. Молчал больше. Сидел в своей комнате как чужой.

Когда же участковый ушёл, пропел отстранённо, но внятно:

— *Ах, Люся, Люся!*
Я с судьбою разберуся:
Придёт время, прокачуся
Я с крутого бережка...

И добавил, набычившись и никого, кажется, не видя:

— Вот такой новый вариант моей песенки...

— Петруха, ну будет тебе. Погломонил и хватит! — уговаривала его стоявшая у порога Матвеевна. — Совсем уж забутьльничал.

— Вот именно, — скривив вялую улыбку, зло согласился Захарьев, — погломонил и хватит!

И тут же, будто его током стукнуло, выкрикнул:

— Окончен городской романс!..

Ни Матвеевна, ни остальные обитатели двора не уловили прямого смысла «второго варианта» его песенки. Не насторожились...

Лишь Мура, сидя напротив него, смотрела в упор на Петьку, округлив глаза, и жалобно мяукала... Чего-то боялась... Может, предчувствовала неладное...

— Вот пара подобралась... — Дуэтом тоску нагоняют... Ни к чему это, — продолжала по-своему переживать Матвеевна.

* * *

— Хочешь, я поеду в Муранку и набыю морду этому её... — Стелькин выложил на столик свои внушительные кулаки, отеснив в сторонку со стоптанными каблуками чёрные женские туфли. Одна из них упала на пол, он не стал её поднимать. Продолжал:

— Это я могу. В разведроту служил.

Он замолчал. И, дёрнувшись, выдал:

— Послушай, я ж не одного языка взял, нескольких! Давай я его за жабры и... сюда! В будку тебе доставлю! Как языка! Пусть доложит, как и что у них там!

— Захар, ты чумовой!

— Я знаю, ну и что?

— Люся у сестры живёт.

— А этот! Кто он?

— Бывший жених её. Я Люсю в день свадьбы у него увёл...

Физиономия у Стелькина приняла крепко деформированный вид. Правой рукой он не сразу нашарил на полу упавшую обувку. Нашёл и, приблизив к самому лицу, долго рассматривал каблук. Пристроив осторожненько её на краю столика, сказал с расстановкой:

— Ну, Петруха, ты даёшь!.. Тебя бы в нашу роту...

— Раньше давал, — глухо отозвался Захарьев, — теперь только получаю, по полной...

— А он... женился потом? — спросил Стелькин.

— Нет, не женился.

— А почему не на фронте? — допытывался Захар.

— Он мастер-кожевеник. Для фронта овчины, всякое другое выдělывает в промкомбинате. Где-то то ли в Утёвке, то ли в Покровке. В Муранку редко приезжает... Неплохой парень. Теперь понимаю: виноват я перед ним. Перед обоими.

— Такой, значица, маркизет, — подытожил Стелькин, дёрнув треугольничек потника из-под туфли на столе. Обувка полетела на пол.

Лицо Захарьева посерело, голос осип. Попросил, казалось, не к месту:

— Захар, возьми меня со своим брательником на моторке по Волге прокатиться. Стосковался я по волжскому ветру. Как раньше, а?.. Заклёнку я так... Хотя бы до Серёдыша и обратно. Напоследок...

Стелькин не торопился с ответом.

В затянувшейся тишине видно было, как в сознании Петра вершится одному ему ведомая и неведомая работа. Потускневшее было лицо его осветилось отблеском этой происходящей в нём то ли борьбы, то ли работы.

Посмотрев вначале на Захара, потом на Муру, необычно для него мягким и как бы отстранённым, издалека взглядом, произнёс:

— Перед всеми готов покаяться, кому сделал плохо... И кому не успел сделать доброе... Не хочу, чтобы меня злым запомнили...

Мура слушала, сидя рядом. Она не знала, что такое плохо и что хорошо. Она жила такой, какая есть.

— Кому ты с добротой своей нужен? — хохотнул Стелькин.

— Каждый сам по себе, какой родился! Не обращай, Мура, на него внимания. А то пропадёшь с таким...

И взглянув в очередной раз мутными глазами сверху вниз из будки на Захарьева, спросил:

— А зачем ты в колонну на демонстрации полез?

— Ну как? Праздник! — едко усмехнулся Пётр.

— И что?

— Хотел со своими деповскими вместе быть... Вообще... со всеми!..

— Вот они тебя и вышвырнули, свои-то! Не смотришься ты с твоей тележкой на празднике...

— Да не свои, другие... Начальство...

— Какая разница?

— Тебя бы тоже так, как меня, выперли. Нет, что ли?

— А вот и нет. Во-первых, я не полезу в праздничную колонну. А во-вторых, если стали бы хватать, уложил бы парочку-тройку на асфальт. Опыт фронтовой есть!

Захарьев в ответ только молча мотал головой и яростно жмурил сухие глаза. Потом вроде бы самому себе Пётр сказал сквозь зубы:

— Выходит, Фомичу можно, а нам нет...

— А что Фомич? С его осанкой!.. Не чета нам...

— Он беляк недобитый. Бывший казачий есаул!

— Что? — у Стелькина белёдые брови аж оцетинились.

Пётр сдержанно пояснил:

— У него недавно сердечный приступ был. Он думал, что не выживет, ну и открылся Матвеевне. А та — мне. И никому больше.

Стелькин явно был в замешательстве:

— Вот, контра! Колом тя в землю! То-то я смотрю: молчун. Забился в щель...

* * *

После этого дня Пётр Захарьев стал неудержимо спиваться. Всё чаще он теперь ездил на своей тачанке к Стелькину, и без Муры...

Потом стал сутками где-то пропадать. Гармошку свою продал и пропил...

Два раза Фомич, пошатываясь от своей немоци, привозил Петра, приладив бечёвку к тележке, домой со станции, где тот христорадничал...

Глава 8. ТОСКА-КРУЧИНА

Петра Захарьева не стало осенью, в середине ноября. За Смирновыми, где отвесный каменистый берег, укрепив для надёжности пудовую гирию в тележке и привязав себя верёвкой, махнул он её в Волгу-матушку. Свершил всё обстоятельно.

Обнаружили его только на второй день рыбачившие недалеко ребяташки.

Положили Петра в гроб обычной длины. Как если бы покойник был с ногами. Не стали экономить на досках. Никого почти со двора Муры на похоронах не было. Матвеевна в это время была в деревне у сестры. Старик Гордей Фомич из-за больных ног и сердца не мог уж спуститься вниз. Он быстро, на глазах сдавал. Большаков — на фронте. Мура видела, как появились во дворе непривычные посетители. Три человека с мастерских, она их сразу узнала, а четвёртый — деловой такой в кителе и с орденом на груди. Они обо всём и позаботились. И лёгонький гроб они несли. Под морозящим дождиком... Анна Большакова да Миня с Валею — шли за гробом до самого кладбища. На своей ступе похоронный маршрут нетрезвый Стелькин осилил только до парикмахерской, дальше по грунтовой дороге с ухабами и лужами продвигаться не решился.

* * *

Переживания последних дней изнурили Муру. Она стала быстро терять вес и чаще, чем обычно, пить. Редко умывалась и стала нервной. Белая её шерсть сильно потускнела и стала включенной. Мура чувствовала, что в ней поселилась какая-то серьёзная болезнь. Но кошке было не до нее...

Она и на мышшей охотиться стала без азарта, вяло. По необходимости.

Дома её давно не кормили. Нечего было давать.

Как тяжело без того, кого любишь!..

На Муру опять нашла тоска.

С фронта приходили поезда с ранеными. Недалеко от железнодорожной станции разместили госпиталь. Мура бегала на станцию к поездам. И ждала. Сама не знала, во что верила...

Она приходила вечером со станции сильно уставшая. Сиделась на лавочку, на которой совсем ещё недавно наигрывал на гармошке Петька, и печалилась.

Фомич сверху в окно видел её скорбный вид и не выдерживал, говорил веско:

— Так уж, до смерти, не горюй, слышь... Совсем загнуться можно... И не торопи! Кончится война, и придёт твой Большак. Порода Большаковых крепкая. Я и батюшку его знавал, и деда. Расею нельзя победить! У нас ведь в руках такая оглобля, что Гитлеру не сдобровать. Вот только хорошенько развернуться надо!.. Было уже такое...

* * *

...Один раз после станции она побрела к Стелькину.

Там обычная картина. Только вместо Петьки теперь был около будки хмурый с косматыми бровями незнакомый высокий дядька...

Встретившись взглядом с Мурой, хозяин мастерской поспешил:

— Не суди нас строго. Каждому — своё. Чем же тебя угостить? Вот половинка огурца. Ах, да: он тебе ни к чему... А, вот!

Порывшись в кармане брюк, он достал конфету.

— На тебе подушечку, — и протянул серую, запывлившуюся конфетку, — зря, что ли, приколтыхала!

Мура разжевала конфету и проглотила.

— Как, дорогуша? Жизнь стала слаще? — неожиданно зычным голосом спросил человек с косматыми бровями.

Если бы Мура умела говорить, что бы она сказала? Сладкий вкус ей был неведом...

...Нет, тоскливо ей и в сапожной мастерской. Хоть и угощают там конфетами...

Глава 9. НОВАЯ БЕДА

Мура продолжала метаться.

А тут вскоре сильно заболела жена Большака, тихая Анна. Она постоянно прихварывала, в этот раз совсем слегла. Если вставала, то еле ходила. Работать никак нельзя.

Огородишка какого-никакого нет. Где брать еду?..

Настали дни, когда кроме хлеба на карточки, ничего не давали. И то не каждый день был хлеб.

Приехавшая из деревни Матвеевна принесла кусок тыквы. Но её ещё вчера вечером Миня с Валькой доели вместе с кожурой.

* * *

Когда Муру Большак принёс к себе в дом со сломанной ногой, двойняшкам Мине и Вальке было по четыре года. Она росла вместе с ними, и теперь воспринимала шестилетних ребят и их мать, как своих соплеменников.

...Сегодня, возвращаясь от Стелькина, она свернула к знакомому складу около магазина. Задержалась Мура там недолго. Вышла и вместе с добычей направилась домой.

Она поскребла здоровой лапой в дверь, и ей открыли. С сияющим видом она переступила порог. В зубах у неё была придушенная мышь. Мура шагнула от порога вглубь комнаты и положила добычу на пол перед хозяйкой. Анна лежала на кровати ничком. Шагнув в сторону, кошка стала в упор смотреть на хозяйку. Анна повернула к ней лицо:

— Ах, Мура, Мура, какая ты! — Анна не находила слов. — Заботница! Но, голубушка наша сердечная, мы, люди, мышшей не едим. Вот ведь как...

Мура слушала и не понимала, почему мышь остаётся нетронутой. Хозяйка не ест и детям не даёт?

Люди иногда бывают такими странными, трудно понять, отчего?..

— Мам, у меня голова кружится, так есть охота, — сказал Миня, набирая в кружку воды.

— Я уже две выпил, а всё равно... Только бурчит, — крутнул шишкастой головой Валька.

— Сходите в Дарьин переулок, там у старого колодца крапива растёт. Нарвите, как восейко¹ у нашего забора. Суп сварим.

— С мышью? — удивился Миня.

— Там две картошки ещё есть. Сегодня утром в чулане нашла. За тазик укатились...

¹ Восейко — недавно, на днях.

...Через Волгу по мосту продолжали громыхать поезда с ранеными, эвакуированными с Запада. На фронт шли составы с горючим, военной техникой...

В посёлке развернули ещё один госпиталь. Мура туда бегала и смотрела во все глаза. Каких только раненых она не видела. Безногих, безруких, всяко перевязанных. И как Стелькин были: без одной ноги, и как Петька — без обеих... Видела, как один, похожий на Большака, с перевязанной головой давал прикурить совсем молоденькому без обеих рук. И тот, безрукий, разговаривая, улыбался!?. Мура долго смотрела на его болтающиеся перевязанные култышки рук...

Матвеевна говорила Анне:

— Наша Мура-то повадилась, смотрю, в госпиталь бегать. Большака, что ли, всё ищет меж увечных. Совсем после Петрухи извелась.

Анна еле слушала её. А когда соседка ушла, ахнула. Как оборвалось что-то внутри:

— Уж не Андрей ли там? А я лежу... Может, он такой, как Половинкин, без ног! Либо без рук?.. И возвращаться не хочет... Кошки-то всегда раньше людей неладное чувуют... Если бы не так, она бы на станцию бегала, не в госпиталь...

Утром, когда Миня и Валя ещё спали, а Матвеевны не было видно, она с трудом поднялась с постели. Позвала Муру, и они пошли в госпиталь.

Необычным для Муры был этот поход.

Хозяйка её в чёрном платье с бескровным лицом часто останавливалась и хватала воздух сухими губами, прислоняясь к забору. Когда кто-нибудь из прохожих подходил к ней, она вялой рукой молча протестовала, отказываясь от помощи.

Добирались они до госпиталя значительно дольше, чем это делала Мура одна.

Они уже были около ограды госпиталя, когда Анне снова стало плохо. Она опустилась на тёмную лавочку у шаткого штакетника.

— Вам плохо? — к ограде изнутри госпиталя приблизился молоденький солдатик на костылях.

— Если можете, помогите мне. В одном!

— В чём?

— Узнать бы... Нет ли среди вас Большакова Андрея. Моего мужа.

— А что? Есть сведения?

— Нет, просто...

— Понятно, — только и сказал солдатик. Спрашивать больше ничего не стал.

Солдатик вернулся скоро.

— Не числится. Значит, здоровый. Воюет ваш муж! Похоронки не было?

Анна отрицательно покачала головой.

— Вот и слава богу, — обрадовался, улыбаясь, солдатик.

Они пошли потихоньку домой, а солдатик, став задумчивым, долго всё смотрел им во след, нахохлившись, как подбитая птица, на своих костылях.

— Паникёрши! Вот вы кто! — шумела Матвеевна, когда Анна и Мура вернулись домой. — Ты, Анюта, как маленький ребёнок, или как вот эта, — она кивнула в сторону сидевшей рядом Муры, — такая же ненормальная!

— Мне бы водицы, — вяло молвила Анна.

Подавая воду в битой эмалированной кружке, соседка спохватилась:

— Вчера Фомич принёс пинжак зимний. На, говорит, поменьшай на харчи какие. Всё равно до холодов не доживу. Выменяла на сушёные рыбины. Щербу варю. Сейчас принесу. И ты, и ребятишки похлебают.

Колотилась Матвеевна как могла. Она сильно внешне изменилась. Дородность её пропала. Тёмные глаза на ставшем плоским лице стали непривычно большими.

...Крапивы в Дарьином переулке становилось всё меньше...

Глава 10. **ДОБЫТЧИЦА**

Через несколько дней случилось невероятное.

Мура принесла в зубах коляску копчёной колбасы. Она положила её около кровати Анны на пол. Вся комната наполнилась сказочным запахом.

С одного конца Мура, видимо не устояв перед соблазном, отгрызла кусок, а так — целёхонькая коляска!

— Мура, где это ты взяла? — первой заговорила Анна. — Нельзя!

— Где? Ясно, на складе, который на станции, — догадалась Матвеевна.

И тут же удивилась:

— Кто же сейчас такую ест?

— Это для фронта, — ужаснулась Анна, — копчёная...

— Верно ли? — усомнилась Матвеевна, — Что для фронта? А может кто жучит для себя эту колбасу на складе, а Мура их раскулачила? Я бы тоже не удержалась, как Мура, взяла. Раз-рази меня громом!.. Раз голод не тётка, а родная мать! Ребята твои иссохли совсем. И ты! Такая стала: комар на себе унесёт! Надо пойти позвать ребят со двора.

— Всё равно виноваты будем мы. Чужое брать — добром не кончится, — не сдавалась Анна.

Мура не могла долго слушать хозяйку. Ей было страшно смотреть в её строгие глаза. Она отвернулась.

— Вишь: она обиделась на тебя, что ты её ругаешь. Гордячка! И в то же время — заботница! Какова! — по-своему рассуждала Матвеевна. — Ну прямо как у людей. Мне бы таких деток, как у тебя, Анна! Да Бог, видишь, не дал... Не ругать, а благодарить надо Муру. Дети, они ж не виноваты, морить их...

— Нет, нет, — шевелила Анна непослушными губами. — Посадят меня за колбасу эту. Что тогда с ребятами будет? Мура, не смей!

Кошка не понимала, почему с ней так строго говорят. Она же старалась. Если бы Большак видел. Неужели и он бы ругал?

Мура вышла во двор.

А Матвеевна говорила Анне:

— Если что, возьму вину на себя! Да и кто кому скажет? Фомич отмаялся. Никаких теперь забот. Жив бы был, не осудил... такого повидал...

Соседка стояла у холодной стены под окном. С улицы доносился отдалённый невнятный гул. А она продолжала утешать свою единственную собеседницу:

— Во всём дворе-то нашем остались ты да я, да мы с тобой... Кто знать будет? — спросила так и умолкла, спохватившись. Проговорила еле внятно сама себе:

— Что же это я? А?.. «Кто знать будет?»

Она искала глазами икону в комнате. Не найдя, отступила от стены и повернулась широким серым лицом к окошку над головой. К свету, идущему издалека. Зашептала:

— Пресвятая Троица, помилуй нас. Господи, очисти грехи наша. Владыко, прости беззакония наша. Святый, посети и исцели немощи наша, имене Твоего ради.

Матвеевна молилась. Анна её не слышала. Она теряла сознание...

* * *

Мура ещё несколько раз приносила колбасу, а потом перестала. Ящик с колбасой со склада исчез.

В тот день Мура ходила с виноватым видом.

И тут она вспомнила, что во дворе, недалеко от парикмахерской, видела курицу с цыплятами. Туда она и направилась.

Охота ей удалась легко. Едва она выглянула из-за большого железного корыта с зелёной водой, как перед глазами замаячили жёлтые комочки цыплят.

...Мура сделала ошибку, стоившую ей многого. С цыплёнком в зубах она пошла вдоль верандочки. И тут хозяйка цыплят увидела её.

Дебелая женщина в длинном засаленном халате схватила в чулане давно скучавшую в паутиновом углу увесистую скалку и метнулась во двор:

— Чумичка такая! Н-на тебе!..

Первый удар Мура получила по голове и отскочила в сторону. Уши её прижаты к голове, кончики их загнуты вверх.

Второй удар настиг её около дыры в сарай. Он был намного сильнее и пришёлся по спине кошке. Она успела по инерции попасть через дыру в сарай и потеряла сознание.

Глава 11. **В САРАЕ**

Когда Мура очнулась, её поразило полное отсутствие света в сарае. В такой темноте она ничего не видела. Мура с трудом начала вспоминать, что же случилось с ней.

Темнота беспокоила её.

...Но вот ворота дёрнулись, потом приоткрылись, и в сарае образовался сумрак. Слышно было, как за воротами во дворе зашаркали чьи-то спешащие ноги. Потом что-то тяжёлое уронили на землю. Кто-то громко вскрикнул. Она теперь видела в полумраке вокруг себя какие-то большие ящики, железные бочки... Ворота разом распахнулись, и в помещение хлынул поток света. Расширившиеся в сумраке зрачки Муры при ярком свете резко сузились, превратившись в вертикальные щёлочки.

Двое рабочих вошли и стали выталкивать пустые бочки во двор... Бочки гремяли на бетонном полу. Криво выкатываясь, задевали за громоздкие ящики. Мура задёргала ушами. Чтобы не оказаться раздавленной грохочущими громадинами, она с трудом поползла в угол сарая. Но вскоре, обессилев, затихла.

Ворота закрыли, и стало снова темно.

В другой раз она бы на холоде свернулась плотным клубком, сохраняя собственное тепло. Но задние ноги её не слушались. Она лежала вытянувшись во всю длину.

Мура чувствовала, что сильно замёрзла и надо было из сарая как-то выбираться.

Сначала она почуяла, а потом в тусклом свете, пробивавшемся в углу через узкую щель, различила потный хомут с грубыми гужевыми ремнями. Голод заставил её попробовать грызть ремни, но они были слишком жёсткими. Лежавший рядом ремень из сыромятной кожи оказался более податливым. Она стала его усердно мусолить.

Пытаясь таким образом хоть как-то утолить голод, она вначале было обо всём забыла, но прошли считанные минуты, и у нее возникло сильное волнение. Это не было теперь беспокойством за себя. Боязнь быть раздавленной прошла.

Неведомая сила толкала её домой. Мура должна была быть дома! Она остро чувствовала эту необходимость...

Кошка сделала усилие, пытаясь подняться, и не смогла. Боли не было, но задние ноги ей не подчинялись. Они волочились по земле, будто чужие.

Мура знала, что так бывает. Видела однажды, как злой лохматый Цыган с соседнего двора схватил в пасть соседскую кошку сверху за спину. Прохожие закричали на него, он выпустил кошку из своей мерзкой пасти и убежал. А кошка

осталась лежать на тротуаре. Она не могла двигать задними ногами.

«Но тогда был Цыган с его клыками, а у меня другое... Пройдёт!»

Так думала она, пытаясь сдвинуться с места с помощью правой передней ноги. Левая пришлась ей в помощь. Если бы она была ещё и нормальной.

Глава 12. **ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА**

...Мура выползла из сарая, когда уже стемнело. Ей надо было пересечь сначала двор, а потом и улицу. Она решила... Пока лежала в сарае, она сильно ослабла. У неё начались чихание и кашель. Мура не помнила, были ли рядом с ней другие кошки, но, похоже, что она заразилась. Общая слабость дополнилась клейкими выделениями из носа. Слизистые ткани её глаз припухли. Глаза слезились. Ей трудно было дышать. Лежать бы спокойно и недвижимо с её параличом ног, а она задумала такое...

* * *

Старшина Андрей Большаков прибыл домой накануне вечером. Сопровождая груз, проездом вырвался к своим.

— Я так хотел увидеть Муру, — говорил он задумчиво.

Перед убытием Большак решил постричь обоих своих сыновей. Он уже проделал это и теперь присел с ножницами в руках в центре двора на освободившийся приземистый табурет.

Валька рядом вытряхивал волосы из-под ворота куртки. Миня примеривал отцовскую пилотку на свою наголо постриженную голову.

Вышла нетвёрдой походкой на крыльцо с кружкой воды Анна. Удивилась тихо: «Ноябрь, а светло и ведро как!» И осеклась.

Все сразу увидели Муру. Она вползала в открытую калитку.

Ни признака страдания, ни тени испуга не было в её облике. Просветлённый взгляд Муры устремлён на Большака.

Их взгляды встретились. И он невольно замер, всё такой же большой и спокойный. Только на сухощавом, сильно обветрен-

ном лице появились жёсткие чёрные усы.

Никто не шелохнулся. Двигалась одна Мура. Она подползла к сидящему Большаку и ткнулась носом в огромные его пыльные сапоги.

Будто очнувшись, Большак ладонью слегка погладил Муру по голове:

— Кто же тебя так, а? Я возьму тебя с собой.

— Куда? На фронт! Андрей, разве можно? — мерцая ожившими глазами в дверном проёме выдохнула Анна.

— Во второй роте кутёнок прибился. А у нас будет Мура. Я вылечу её. На фронте некогда болеть! Все хвори отлетают.

Мура слушала родной голос и ей было отрадно.

Последнее, что она почувствовала: это прикосновение рук Бóльшака к её левой кривоватой ноге. Он не забыл её беды... Голос у него стал на войне глуховатым, а руки остались такими же, как раньше, большими и бережными.

Сильная боль внезапно пронзила её висок. Мура ткнулась ещё глубже между носками сапог Большака.

Он заметил это её движение. Сказал сдержанно, очевидно, полагая наговориться потом, в дальней совместной их дороге:

— Как же ты? Видать, натерпелась. Преданная до смерти!..

...Мура уже не слышала этих его слов. Тельце её, ставшее за последние дни больным и тщедушным, судорожно дёрнулось и затихло.

Жизнь Муры, незаметная и, как все другие на земле, неповторимая — истаяла...

* * *

До самого конца войны в доме на улице Прибрежной не было кошки. И только вернувшийся с фронта посевший Большак привёз с собой подобранный где-то в дороге котёнок. Такого, как Мура. Белого и с голубыми глазами... Но это уже другая жизнь, другая история...

2016 г.

Рассказы для детей

Одиннадцать и одна

Худая рыжая дворняга прибилась ко двору пастуха Володи Кузовкова ещё в начале лета. Её не гнали. Придёт — уйдёт...

Двор пастуха полон всякой мелкой живности. Да ещё скотина, да три собаки, как она, дворняги. Не заскучаешь.

С собаками она быстро подружилась. Добрый большой пёс Верный приноровился себе в удовольствие вылавливать у неё блох. Так и толкался около неё.

С хозяином двора Володей у неё сложились свои отношения. Еду она от него принимала, а гладить не давалась. Отойдёт, хромая, в сторонку. Ляжет на землю и глядит пристально снизу вверх на него умными глазами. Будто что сказать хочет, да не решается.

— Кто-то её, видно, сильно обидел, вот и не подпускает к себе, — говорил хозяин про собаку, словно извиняясь за неё, — ничего, обмякнет у нас...

Он стал называть её Найдой.

Пытался посмотреть её правую заднюю хромую ногу, а собака не далась. «Ладно, и это на потом оставим, — покладисто согласился пастух. — Не было б только какого заражения».

А тут Найда пропала. И надолго. Обнаружил пастух её случайно в дупле огромной осинової раскоряжины, когда пас коров в луговине. И не одну, а с одиннадцатью рыжими, как она, щенками. Получалось, что ушла она со двора туда, где потише. Обдумала заранее.

«Вольному воля, — только и сказал он ей в первый день, — коль тебе здесь удобнее. В этом дупле и от дождя, и от чужих глаз — в самый раз укрыться».

Он стал приносить ей еду.

Когда коровы, сбившись в самую жару в кучку под огромными дубами на вытоптанной площадке отдыхали, он подходил к дружному семейству Найды. Проверял, всё ли нормально. Говорил, то ли осуждая, то ли одобряя: «Самостоятельная ты, Найда, однако. И рисковая».

Всё бы ничего, да на единственной дороге в эту луговину какие-то городские сноровистые ребята закопали мешавший проезду земляной ров. И повалил народ сюда на машинах. Палатки и тут, и там. Шашлыки, дым коромыслом. И над всем этим неумолкаемая весь день громкая музыка.

«Ещё бы, место теперь самое то: справа Волга, слева огромная протока — находка для тех, кому делать нечего, — говорил Кузовков. — Надо что-то делать с дорогой».

Утром под дубом с большой сухой вершиной он наткнулся на убитую цаплю. Найда видела, как пастух закапывал останки большой серой птицы под скрипучей лесиной.

...Она стала сама не своя. Пастух успокаивал её:

— Скоро похолодает и столько народу здесь не будет. Глупая, зачем убежала со двора?

Она слушала его и понимала разговор по-своему. В один день, вернее вечер, в сумерках, переселилась со щенками к нему во двор.

Конечно, во дворе потише. Но тоже хватает всякого. И на глазах у всех. Она попробовала решить эту проблему. Между банькой и кучей дров нашла узкий проход и там, в дровах, устроилась со своим выводком.

Пришло время, когда подросшие щенки начали разгуливать по двору. Весь двор от них рыжий.

Вместе со всей скотиной хозяина, собаками его, получался целый зоопарк. Хозяину порой уж и самому не протиснуться куда надо. Иногда кутята высьпали со двора на улицу на зелёную траву-мураву. Рыжее на зелёном — это здорово! Прохождение, особенно ребятишки, не могли пройти мимо не остановившись. Начинали с ними играть.

Нюра — жена пастуха Володи — не выдержала:

— Убери ты эту свору, надоело!

— Куда ж я её дену? — слабо возражал Кузовков.

— Куда? На Кудыкину гору! В мешок да в Пашкину рытвину. Ликвидируй! Все-то как делают? Им клички даже не дашь! Все одинаковые. Не различишь, — зачем-то добавила она.

Хозяин молча чесал затылок. Найда была недалеко. В упор глядя на хозяйку, слушала разговор.

— Угораздило же тебя: одиннадцать! — только и сказал в её сторону хозяин.

И пошёл в дом.

...А тут вечером на большой машине привезли во двор душистое луговое сено. Стали на возу развязывать верёвки. Бастрёк — большущая осиновая жердина, упал сверху на землю и комлем угодил прямо на самого маленького, шустрого, вездесущего щенка. Тот даже не взвизгнул перед нелепой смертью. Зарычала его мать. А потом из поленницы до самого утра слышалось её жалобное подвывание.

— Всё, Дима, раз отец не может, — сказала громко утром хозяйка Нюра взрослому улыбчивому сыну, — отнеси ты их в рытвину! Мешок возьми в погребнице! Хватит душу рвать всем.

— Мам, а может всё-таки погодим?

— Чего годить? Я с вами со всеми замоталась, а тут ещё целая псарня! Ни у кого из шабров такого нет! То на одного наступишь, то на другого...

— Ну, мам!

— Отнеси! И всё тут! — она перешла на визг, — Жалелыцки нашлись! Оба — два! Тоже мне!..

— Приду с работы вечером и отнесу. Раз уж так, — понуро согласился Дмитрий. Улыбчивое лицо его погасло.

Найда была рядом. Смерть щенка и крик хозяйки не давали ей успокоиться. Она решила действовать.

* * *

Километрах в двух от посёлка, в котором жили Кузовковы, дымила старая электростанция. А за ней, чуть подальше, виднелся построенный ещё во времена комсомольскихстроек, когда-то шумный, многолюдный, а теперь притихший город. Между станцией и городом, Найда ещё зимой обнаружила полузаброшенный ряд металлических гаражей. И под одним из них — большое тёмное пространство, в которое вёл узкий, но вполне пригодный лаз. Под гаражом тепло и безопасно. Это место было ещё тем притягательно, что совсем рядом с гаражом располагался канализационный люк, его чугунная крышка всегда была тёплой, даже зимой. Можно греться. Но уж больно не хотелось ей вновь приближаться к городу. Дело в том, что в этом городе она когда-то жила.

Всякое было в судьбе дворняги. Многое ушло из памяти. Но этот кусок жизни она забыть не могла.

...Найда была тогда предана своему городскому хозяину. Любила его больше себя. Ей неважно было, богат ли он, беден ли? Есть ли у него друзья или нет? Любила его, каким он был. Она до сих пор помнила запах его тапочек, которые ему носила. Звали её в то время: Рыжая.

Однажды хозяин её надолго пропал. Не было его целую зиму. Она тосковала. Синие тапочки, которые Рыжая любила ему приносить, сиротливо лежали в углу в сених. Она часто подходила к ним, нюхала... В доме теперь жили только жена хозяина и их тихий немой двадцатилетний сын.

Когда разбогатевший вдруг хозяин приехал на большой красивой чёрной машине, начались поспешные сборы. Всё из дома он куда-то вывез. Забрал жену с сыном и уехал. Появился хозяин на следующий день с незнакомыми людьми. Рыжая не понимала, что её ждёт впереди. Ей было тревожно.

Утром следующего дня они с хозяином поехали на Большое озеро. Хозяин был задумчив и не смотрел ей в глаза. Когда они пошли вдоль песчаного пологого берега, он подобрал знакомую палку и, как обычно это бывало, бросил её далеко в воду. Скомандовал, только не бодрым, как прежде, а серым голосом: — Рыжая, неси!

Она с шумом, виляя хвостом от удовольствия и радости, что всё как прежде, бросилась в озеро. Едва Рыжая доплыла до палки, хозяин сел в машину и быстро уехал.

И всё! Кончилась её спокойная собачья жизнь. Новые жильцы гнали её со двора. Она уходила. Вновь возвращалась, надеясь увидеть хозяина. Потом двор опустел. И долго был без жильцов.

Наступил день, когда, зажатый между двумя большими котеджами, деревянный дом сгорел. Так часто случалось в этом городе. После пожара появились незнакомые с непривычными лицами энергичные люди. Всё, что осталось от дома, они убрали. И на его месте стали расти краснокирпичные стены. Наполовину сгоревшую её будку сдвинули в дальний угол двора, как хлам. Тут уж она ушла сама. Не зная куда...

...Прошло не менее года прежде, чем Рыжая оказалась во дворе пастуха Кузовкова. Но и тут, так получалось, что она была лишней...

...Она всё же перебралась со своими чадами с шумного двора Кузовковых на новое место, под гараж около станции. Пастух Владимир и его сын не видели этого. А хозяйка смотрела из окна на переселение Найды и вздыхала. И не было особой радости на её неподвижном лице.

На второй день после переселения рыжего семейства около гаражей появился бомжеватый большоголовый и седой Николай Зоткин. Так его назвал проходивший мимо один из редких гаражников. Зоткин совершал свой ежедневный обход. Выбирал в потрёпанный большой зелёный рюкзак всякую всячину, чаще всего пустые бутылки из мусорных ящиков, стоявших ближе к станции, где маячили грязные двухэтажные жёлтые жилые дома. Здесь в гараже у него когда-то стоял ржавый синий жигулёнок. Он был как маятник, Зоткин. Каждый день в просторной, видно, что с чужого плеча, кожаной потёртой куртке, равномерно мотался: туда-сюда. Приходил он со стороны города в одно и то же время, утром, когда солнце успевало подняться на треть высоты трубы тепловой станции.

Зоткин стал подкармливать новосёлов. В баках разное можно добыть. И Рыжая бегала к бакам, копалась там.

Когда щенята выбирались на свет из подполья, Зоткин, глядя на них, гадал: «Антиресно, какими они вырастут? Могут получиться и не дворняги из них, а большие какие собаченции! Кто их отец-то? Вон какие у них несоразмерно большие лапы... и морды... Хорошо, если вырастут крупными! Выгоднее».

Ему нравилось за ними наблюдать: «Одна мать, все одного цвета, а разные? Всяк на свой манер!.. Один лижет руку, другой тявкает». У него было время на такие наблюдения. Жил он одиноко. Городская его квартира пустовала. Жена умерла, дети разъехались кто куда. Он только ночевал дома, а так болтался везде...

«Пуццай резвятся до срока, — определил Зоткин, — время идёт — пушнина подрастает! Зимой пуцу их всех на шапки. Бизнес сам в руки идёт! Сосед Михаил ондатру бьёт. За двести вёрст гоняет. Молодой! А тут вот он — питомник! Ажник десять штук! Да сама! В гараже всё и оформлю, пригодился». Глядел на Рыжую мутными глазами, зевал в удовольствие:

— Ишь ты, мать-героиня, заботливая!..

Он часто притворно ласковым голосом говорил что-то бес-
связное и щенкам. Поглаживал их. А те кучковались около его
ног, заглядывали в глаза. Виляли игриво хвостами... Рыжая в
такие моменты смотрела на внушительную фигуру Зоткина, на
своих подрастающих несмышлёньшей, и радовалась.

Она пока не чувствовала опасности...

Серая Сонька

В Чёрновке был завод верёвок, а Сонька этому заводу при-
надлежала. Лошадь старая была очень. Плохо уже видела.

Её и решили пустить на колбасу. Но наши поселковые упро-
сили отдать её нам — молоко возить.

И возили. Собирали с окрестных деревень и доставляли на мо-
локозавод. Этот завод был тут, на старых графских развалинах.

Сонька в посёлке у каждого во дворе жила поочерёдно. Всем
принадлежала.

Когда у нас жила — у меня наступал праздник. Хлеба наре-
жу, солью посыплю — лошадушка моя и ходит за мной, как на
верёвочке, ждёт, когда дам ей.

У моего папы Звезда Героя была, именные часы за хра-
брость. Он был на войне наводчиком. Разворотило ему левое
плечо снарядом, а он выжил. Комиссовали его.

Во время войны работал он на заводе в Самаре. То кузне-
цом, то трактористом. Ночью самолёты вывозит с завода, а
днём кузнецом работает. Домой неделями не появлялся. Тогда
так работали.

Выдохся. После войны стал трудиться, где верёвки делали.
У нас в посёлке.

Как и Сонька, быстро начал слепнуть. У него с войны ещё кон-
тузия была. Обоим досталось в жизни. Сонька папу нашего боль-
ше, чем меня, любила. Так любила! Без хлеба с солью. Он ей и
упряжь ремонтировал, и телегу лёгонькую такую приспособил.

В пятидесятые годы сахара у нас не было. Откуда ему взять-
ся? Папа посылал меня за мёдом на пасеку к своему дядьке
Винокурову. Мы ему с Сонькой молока, а он нам — мёду.

До пасеки больше семи километров дороги, чуть не полови-
на — лесом. А я с Сонькой не боялась в лесу. Не знай — почему?
С ней везде, как дома...

Потом, когда проезжали мимо молокозавода, Сонька всегда останавливалась. По привычке ждала, когда фляги порожние принесут. Такая обязательная.

...Школа у нас была километров за пять от посёлка. После занятий за нами чаще всех приезжал мой папа.

А один раз, февраль был, метелица! Занятия отменили. Нас отпустили. А я не стала ждать, когда за нами папаня приедет. Чего ждать целый день? Одна и умыкнула домой из школы.

Папа с Сонькой прибыли за нами, а меня нет. Домой, говорят, ушла. Вернулись они домой, а меня и там нет. Что делать? Поехали двое слепых искать одну неумную.

А я в метель сбилась с дороги. Пошла в степь, в сторону от посёлка...

Папа рассказывал: «...Уже совсем было надежду потерял. Не знай, что и делать? Голоса уж нет кричать... Сил самому идти нету. И Сонька выдохлась, вижу...»

Долго они маялись в метель эту.

...А тут она, Сонька-то, свернула в сторону и, как могла, пошла полем. Чуть не по брюхо в снегу. Подошла к заснеженному бугорку и остановилась. Отец подходит, а это я сижу. Уже никакая.

Спасла меня Сонька!

Поговорить бы...

Как-то в течение полутора-двух месяцев по телевидению прошли фильмы: «Чапаев», «Мартин Иден», «В людях», «Ленин в Польше». На каждый из них пришлось давать семилетнему Славе пояснения на его «почему» и «как».

Незадолго до этого невесть откуда узнал о царе Петре I, пришлось рассказывать о «хорошем» царе. И вот результат.

Слава пристроился один на скамеечке в палисаднике, ноги — калачиком. Задумчив, почти суров (если можно быть суровым в его возрасте).

— Слава, ты чего такой задумчивый?

— Я думаю, пап.

— О чём же ты думаешь?

— Я думаю: хорошо бы нам собраться всем вместе и поговорить!

— Ну давайте соберемся, зови маму.

— Нет, папа, хорошо бы собраться нам всем: мне, Джеку Лондону, Ленину, Чапаеву, Петру I, Горькому и поговорить!

Я уже понял в чём дело, но по инерции продолжаю спрашивать:

— О чём же поговорить?

— Ну, пап, какой ты! О чём?! О жизни.

Кто как кричит

Летним, пахнувшим парным молоком вечером ждём в конце улицы с дочерью бабушкину буренку.

— Папа, сказать, как петух кричит?

— Скажи.

— Ку-ка-ре-ку!

— А утка?

— Кря-кря!

— Юля, а как кричит собачонка?

— Гав! Гав! Гавычки!

— А волк?

Задумалась сначала, потом быстро:

— Ну, заяц, погоди!

Не в этом дело

Племянница Иринка рассказывает:

— Там, на старом кладбище, чего-то трактором копают, и ребятки набрали человеческих костей, черепов. Черепа поставят на голову себе и носятся девчонок пугать. Они боятся. И Слава боится.

Смотрю на семилетнего Славу. Слава задумчив, лицо сосредоточенное.

— Слава, тебе страшно было?

— Нет, папа, не в этом дело.

— А в чём?

— Я раньше смерти не боялся, думал, когда умирают, то закопают и всё. А тут могут раскопать, и всякий может пинать ногами твои кости. А ты уже ничего не можешь. Обидно.

Пиковая Дама

Второй уже день Петька Ивлиев самозабвенно трудится — рисует акварельными красками портрет Пушкина. В сенцах, на сундуке, обшитом цветастой клеёнкой, разложены кисти и краски. На стуле лежит уже законченный портрет.

— Зачем тебе второй? — спрашиваю.

— Попросила бабка Прасковья ей нарисовать, сегодня обещала прийти.

Вон уж идёт.

...Большими, потрескавшимися и тёмными, как корневище, руками бабка Прасковья держит на коленях в непросохшей ещё голубой рамке портрет. По-детски вслух удивляется:

— Как это - несколько черточек, линий и вот он - Пушкин.

Потом лицо её делается строгим и печальным:

— Петенька, а это он написал про пиковую даму? Очень хочется почитать, ты достань мне книжицу, а? Мне Германа жалко, а старуху нет. Достань. Я несколько раз слыхала по радио, как он поёт, а вот почитать хочется про него самой, бедняжка он, - сняла с головы белый, в горошек платок, осторожно завернула портрет. - Спасибо тебе, Петенька, за подарок.

Направилась к калитке. Остановилась, о чём-то задумавшись, вернулась к порогу:

— Ты, Петя, береги свои способности, это редкость редкостная. За мои восемьдесят лет у нас только два таланта случились: Коля и Ванечка Рожковы. Теперь музыканты, в Москве али в Ленинграде, Евдокия сказывала, живут. Может, и у тебя талант. Редкость редкостная.

Ботало

Сегодня утром в закутке приёмной нашего сельсовета, пока дожидался своей очереди, наблюдал как один вполне уважаемый товарищ очень длинно и нудно втолковывал другому самые что ни есть прописные истины.

Бедняга-слушатель мучился от бестолкового разговора, от того, что ему говорят о вещах, в которых он и сам не хуже разбирается, больше того, он вполне придерживался того же мнения, что и говоривший, но прервать разговор не решался.

Говоривший (потом я узнал его имя, но запомнил прозвище — Ботало) любил свою мысль и считал себя намного умнее других.

Я видел, как облегченно вздохнул слушатель, когда подошла его очередь и он скользнул бочком в дверь.

По пути домой подумалось: «А ведь и писатель, который пишет стихотворение или рассказ, тоже чувствует себя в момент написания в некоторой степени талантливее всех остальных смертных, чувствует, что только он один может так сказать о чём-то, и он говорит. И он вправе себя так чувствовать, иначе он ничего стоящего никогда не напишет».

Сергеич и Сима

Глава 1.

С НЕБА НА ГОЛОВУ

Её подвело любопытство. Она бегала со своими подружками — бездомными кошками на крыше девятиэтажного дома около небольшого серого сооружения и, заглянув внутрь его, упала в вентиляционный канал, проходящий в стене кирпичного дома. Подружки убежали.

Известно, что кошки, падая с большой высоты, часто остаются живыми.

Она несколько раз ударилась о кирпичи, но ушиблась не сильно.

Пролетела до шестого этажа и застряла в стене на кухне Сергея Сергеевича.

Он в это время был дома. День только начинался, а хозяин был уже на ногах.

Сергей Сергеевич около сорока лет проработал на заводе, привык рано вставать. Немногие меняют привычки в свои семьдесят лет.

Он услышал жалобное мяуканье и пошёл на кухню.

«Что за наваждение? — думал Сергей Сергеевич. — Ночью снился завод, звучали голоса ребят, с которыми когда-то начал работать, теперь вот это?»

Кошки на кухне не было, но мяуканье продолжалось.

Он приблизился к окну, на карнизе — никого. Повернулся в недоумении, рассеяно скользя взглядом по стене. И догадался.

Звуки доносились из вентиляционного отверстия, обрамленного пластиковой узорчатой решёткой.

Хозяин всегда подозрительно относился к этому окошечку. Из него могли заползти в квартиру тараканы. Этих тварей он терпеть не мог. Но закрыть чем-либо отверстие не решался: вентиляция на кухне как-никак нужна. Зимой он заменил решётку, а заодно поставил мелкоячеистую синтетическую сеточку, и был этим доволен.

...Жалобное мяуканье продолжалось.

Сергей Сергеевич достал из шкафа в коридоре внушительных размеров отвёртку и, придвинув кухонный табурет к стене, встал на него. Побаливала поясница, и он невольно морщился.

Его приличного роста вполне хватило, чтобы дотянуться и поддеть решётку...

Со второго раза решётка вместе с сеткой повисла на отвёртке.

Едва это случилось, как из отверстия сначала на плечо хозяина квартиры, потом на пол соскочило чумазое существо. И тут же оказалось около входной двери. Кошачьи глаза горели желто-зеленым огнем. Хозяин едва не свалился с табуретки. Придя в себя, медленно, щадя свою поясницу, спустился на пол и направился в коридор открывать дверь.

Кошка шустро выскочила из квартиры.

— Вот, холера! Как тебя туда занесло, — негодовал хозяин, направляясь ставить на место решётку, которая белела на полу, посередине кухни.

* * *

Вечером мяуканье повторилось. Теперь оно сопровождалось настойчивым поскребыванием когтями.

Хозяин открыл дверь.

У порога сидела все та же кошка.

С широко открытыми глазами она шагнула через порог и начала «бодаться» головой в ноги Сергея Сергеевича. На её языке это означало благодарность и проявление признаков доверия.

Хозяин не знал кошачьего языка, но кое-что понял.

Невольно отступил в квартиру, кошка последовала за ним.

— Жить тебе, видать, негде? Не обольщайся. В любовь с первого взгляда уже не верю. Могла бы и в коридоре ночевать... Не гонят.

Он расправил свернувшийся половичок у двери.

— Вот, попробуй здесь обосноваться до завтра, а потом что-нибудь придумаем. Сейчас принесу поесть. Ты от голода поди такая решительная.

Он с удивлением наблюдал, как кошка не сразу стала есть колбасу, а сначала неторопливо обнюхала её и лишь потом начала кусать.

Поразмыслив, Сергей Сергеевич на завтра не стал ничего откладывать.

Он вышел на лестничную площадку. Постучался к соседям напротив. Появилась грузная хозяйка квартиры.

— Лидия Ивановна, тут вот такие дела: кошка прибилась, упала, — сбивчиво начал он, — так-то симпатичная. Не возьмете к себе. Можете посмотреть.

— Сергей Сергеич, у меня же аллергия. Я кошек на дух не переношу. И смотреть не буду.

— Ах, да, конечно, — спохватился запоздало сосед. — Вам нельзя.

— А сам-то чего? — спросила соседка.

— Да я никогда не держал их.

— Зачем взял?

Сергей Сергеич не успел сообразить, что ответить...

— У нас, слава Богу, на площадке никто не держит. Спуститесь на пятый этаж к Тершуковым, я видела, Николай дома, поддатенький слегка.

Сказала так и уверенно закрыла дверь.

— Тебе ни к чему, а мне нужна? — держа дымящуюся сигарету меж подрагивающих пальцев, удивился Тершуков на неожиданное предложение.

Он стоял в дверном проеме в одних трусах и вытянутой серой майке. Пройти в квартиру не предложил и сам не вышел навстречу.

Сергей Сергеевич почувствовал неловкость. А сосед хрипло вразумлял:

— Я — весь день на работе, жена — тоже. Дети в техникуме оба, куда мне её?.. Раньше у моих родителей в деревне хоть пятерых на воле-то держать можно было. А здесь?.. Морока. Вон, восемь часов вечера, а жены нет.

Надолго натужно закашлялся. Потом произнёс:

— Сам займись, у тебя времени свободного хоть отбавляй... Ты же говорил, что в деревню хочешь перебраться жить. Вот! В самый кон...

Больше кошку Сергей Сергеевич предлагать никому не стал. Хотел было позвонить давнему приятелю. Но передумал. Вспомнил, что у того сильно заболела жена? У всех заботы...

* * *

— Как же ты оказалась сиротой-то? — задумчиво говорил он, вернувшись в свою квартиру, — выгнали или сама ушла?

По голосу кошка чувствовала, что человек ей попался добрый и не оставит в беде.

Её бывший шумный хозяин переехал жить со своим большим семейством в другой город и оставил её одну совсем котенком. Она прибежала домой, но было поздно: машина, груженная вещами, скрылась за большим домом.

Кошка помнила, как маленькая девочка называла её Лизой. Помнила легкую ладошку, когда она гладила её по голове.

Потом её уже никто не гладил.

Сергей Сергеич не помнил, когда он последний раз гладил кошку. В детстве... Подумал об этом и покачал головой.

Он молча решал важный для обоих вопрос.

И решил.

* * *

— Как тебя зовут, чумазая? — чуть позже, шурша над её головой газетой, спрашивал хозяин. — Глаша, Анфиса, Клара, Мурка, Лиза?

При слове «Лиза» она насторожилась. Это не ускользнуло от Сергея Сергеевича.

Он поспешил:

— Нет, нет, Лизаветы с меня хватит! Такое имя было у моей женушки... Может, Муркой назвать? Нет, старо. Давай я буду тебя звать Сима, а? У меня сестра старшая была Сима. Доброе имя! Сестра отзывчивая была. Меня любила. Ты, разумеешь, что я говорю? Мне хочется, чтобы ты была доброй.

Кошка, внимательно слушая, сидела рядом.

— Начнем нашу жизнь сначала, — говорил он, — имя в жизни многое значит!

Хозяин знал, что говорил. У него была фамилия Мамин. Уже в третьем классе его стали звать Мамин-Сибиряк. А потом и вовсе приклеилось прозвище «Серая шейка». Учился в школе, жил с этим несерьезным утиным именем. Комплексовал, протестовал, а что толку?

— Ну что? Симой будем называться? — облегченно спросил хозяин. — Новое имя, как новая жизнь!

* * *

Так и начали жить в одной квартире неработающий пенсионер Сергей Сергеевич Мамин и кошка Сима. Был у Мамина сын Эдуард, неродной. Вернее, так и не ставший родным. Он обитал отдельно, на другом конце города.

Если Сима почти ничего не помнила из своего прошлого, то Сергей Сергеевич-то помнил.

В семейной жизни ему не повезло. Разные оказались характеры у супругов. Он спокойный и деликатный. Она — взрывная, брызжущая энергией.

— Тебе постоянно нужны овации, — говорил он. — Но мы же не на сцене, не на манеже?

Когда она случайно узнала, что его в школе звали Серой шейкой, то даже обрадовалась:

— Видишь, я не зря тебя зову Серый квадрат (она имела в виду это сочетание: Сергей Сергеевич). Каким ты был — таким ты и остался на всю последующую свою жизнь.

Он сердился на неё, но ничего поделать не мог. А с манежем будто накаркал. У неё были неудачные роды. Сын умер, не прожив и сутки. Через год она ушла от Сергея Сергеевича. Точнее, уехала с гастролировавшим в их городе цирковым гимнастом. Цирковая её жизнь через три года оборвалась. Гимнаст бросил её. Она с сыном вернулась к Серому квадрату.

Он принял и её, и чужого ребенка.

* * *

— Знаем мы вас, — говорил хозяин, наблюдая, как Сима потягивается на половичке, — вы, кошки, любите только самих себя. Из меня, если зазеваюсь, попытаешься сделать прислугу. Но, видишь ли, я какой-то неподдающийся...

Сергей Сергеевич ещё что-то говорил. Потом выключил свет на кухне, в коридоре и стал укладываться спать.

— Однако твоё падение мне на голову — весьма знаковое событие... — Это было последнее, что он произнёс, уже лежа в кровати.

Глава 2. НЕОБЫЧНЫЕ ЗАБОТЫ

На другой день, осматривая Симу, Сергей Сергеевич обнаружил у неё блох. И вначале пришёл в смятение:

«Эдакое грациозное, изящное создание — и эти мерзкие твари?».

Но, поразмыслив, успокоился. Решил выкупать кошку. Он не знал, что Сима терпеть не может такую процедуру. Она не любила быть мокрой.

Сергей Сергеевич почувствовал её настороженность и начал уговаривать:

— Симочка, это вынужденная мера. Избавимся от этих паразитов, тебе же легче станет. Иначе как? Тараканы, блохи — это ужасно! Иначе прогону на улицу!

Кошка не реагировала на его слова. Но и не убежала от него. Сидела посередине коридора. Смотрела, как он вначале налил воду в ванну, потом принёс с кухни большую тряпку и расстелил на дно.

— Видишь ли, у нас людей, новобранцев в армии всегда прогоняют через санпропускник. В обязательно порядке! Я бы и без блох твоих должен был догадаться помыть тебя. Чуешь, о чем толкую?

Хозяин, продолжая говорить, потихоньку посадил Симу по брюхо в воду, придерживая её за передние лапы.

Она уперлась задними лапами в тряпку на дне и, кажется, держалась устойчиво. Это понравилось Сергею Сергеевичу.

— Какая молодчина! — радовался он за неё, а может, заодно и за себя, за свою неожиданную сноровку.

«Если попадёт вода в уши, её тогда сроду не заманишь в ванну», — забеспокоился он. Сам же потихоньку правой рукой начал пытаться намылывать ей спину.

Он видел, как несколько шустрых тварей засуетились у кошки на шее. Морщился, но купать продолжал.

Сергей Сергеевич сменил в ванне три раза воду. Надеялся, что таким образом избавится от паразитов. Вычёсывал их гребешком и собирал с мокрой шерстки. Старался, чтобы на теле кошки не осталось мыла.

Сима терпела. Не сопротивлялась. Ей очень хотелось остаться жить около этого худого высокого, с тихим голосом челове-

ка. На то была ещё одна веская и тайная причина. Ей было уже почти десять месяцев от роду. В жизни Симы эта весна была первой. Она бурно её провела и теперь впереди у неё назревали особые события...

Но об этом деликатном обстоятельстве чуть позже...

Наконец-то Сергей Сергеевич, отжав Симе окончательно шерстку, завернул её в огромное зеленое полотенце. Начал вытирать, присев вместе с ней на диване.

...И вот она уже сидит на коврике у отопительной батареи в гостиной.

Отопление уже отключено. Но хозяин посчитал, что около батареи ей будет уютнее.

Кошка вылизывала себя с лап до головы, а хозяин, с безгливой гримасой держа в руках мокрую свёрнутую тряпку с блохами, пошёл в коридор к мусоропроводу.

* * *

...Кошка, оказывается, очень любила спать.

Большую половину дня она продремала. Он несколько раз укрывал её своей жилеткой, оставляя снаружи одну голову.

Проснувшись, Сима вновь начала умываться.

— Кажется, это занятие у тебя самое любимое, — удивлялся хозяин, наблюдая, какие она принимает при этом причудливые позы. Те места, которые нельзя достать языком, она чистила лапками. Увлажняла их слюной поочерёдно и терла ими уши, подбородок, голову.

— Как же ты в подвале-то жила? Есть будешь? Чистюля!

Сергей Сергеевич поманил кошку на кухню. Там он мимоходом несколько раз повторил её новое имя: «Сима» и погладил по золотистой, мягкой шерстке. Ей было радостно от его голоса.

Теперь кошка выглядела ласковой и тихой, не похожей на ту, какой была ещё несколько дней назад на улице.

Хозяин щурился, когда говорил или смотрел на неё. Ей это нравилось. В такие моменты она особо доверяла ему. А он и не замечал этой её слабости. Думал, что хорошее настроение Симы зависит только от её собственных причуд.

Рыжий окрас обещал быть кошке от природы спокойной, любящей домашний уют, флегматичной.

Но куда деть её бездомное детство? Оно-то часто и определяло её поведение. Новое имя и новый хозяин могли что-то изменить. Но на это необходимо время.

Хотя Сима и доверилась хозяину, многое для неё было не просто. В первую ночь, окружённая странными непривычными запахами и звуками, она попыталась забраться к нему в постель. Но он потихоньку взял её и отнёс к порогу. Она поскучала немного, потом уснула.

На вторую ночь кошка уже не делала подобной попытки. Приняла его права.

Права-то приняла, но хозяином в полном смысле Сергея Сергеевича она не торопилась признавать.

* * *

Каждый день теперь приносил новое открытие. И хозяину, и кошке.

Оказалось, что Сима терпеть не может лифт. Сергею Сергеевичу приходилось, выгуливая её, спускаться и подниматься на шестой этаж по лестнице. Это для него было непривычно.

В первый день, когда они шли вниз, кошка обнюхала чуть ли не каждую дверь на их пути. Хозяин, набравшись терпения, ждал, сообразив, что это, очевидно, для неё важно.

На удивление Сергея Сергеевича дверь квартиры, в которой Сима теперь жила, она определяла, когда они возвращались, безошибочно. Он порадовался этому, не мешая ей скрести когтями по старенькому коврику у порога.

Чтобы она не рвала когтями обивку мебели в квартире, он достал с балкона корзину, которую когда-то сплел, на удивление жены и сына, сам. Сергей Сергеевич был заядлый грибник. Корзина оказалась кстати. Емкостью ведра на полтора, крепенькая, с каркасом из алюминиевой проволоки, она прослужила более трех десятков лет.

Он любил эту вещь. Корзина-то из того времени, когда Сергей Сергеевич был ещё молод. Тогда он, жена и сын были, казалось, единое целое. Ему в те годы так хотелось, чтобы их объединяла общая идея, заряженность на походы, на путешествия. На жизнь! И верилось, что так и будет...

Но... как-то все не складывалось... а что и было, прошло...

Осталась холодная созерцательность и этот вяло текущий образ жизни в четырех стенах.

После смерти Лизы отношения с сыном у Сергея Сергеевича теплее не стали...

Теперь раз в месяц сын бывал у него. Но так, по-дежурному...

Когда Сергей Сергеевич доставал корзину с балкона и ставил её в прихожей, Сима, склонив голову набок, наблюдала за хозяином. Указав пальцем на корзину, он, усмехнувшись, сказал:

— Дери на здоровье, чего уж там...

Говорил, а сам ещё был под впечатлением еле уловимого запаха ивняка, из которого была сплетена корзина. Этот запах он почувствовал, как только стал мыть корзину в ванной теплой водой. Запах исходил тонкий, едва уловимый. И неповторимый, как все, что было связано с прежней жизнью.

Он похмыкал, бодрясь, и попробовал переключиться в мыслях на другое.

* * *

Ему было непонятно, почему Сима жует вначале листья цветов на подоконнике, а потом у неё начинается рвота, и ему приходится за ней убирать. Сердился на неё. Называл любопытной дикаркой. Он не знал, что это не любопытство. Поступала она так для того, чтобы удалить из желудка шерсть, которая туда попадает при вылизывании.

Неизвестно ещё, кто больше делал для себя открытий с момента возникновения этого их союза — он или она?

Сима, например, деловито изучая новое своё жилище, проявляла себя порой совсем неожиданно. Ей зачем-то понадобилось погулять по полкам шкафа с фарфоровой и хрустальной посудой. Грациозно вышагивая, она не задела ни одной вещицы. Ей это понравилось.

То вдруг забралась на верх платяного шкафа и долго оттуда наблюдала за хозяином. Ему было неудобно себя чувствовать под прицелом её зеленых, изучающих сверху глаз, но он терпел. Когда она ловко и безбоязненно спрыгнула оттуда на подоконник, он невольно оценил это:

— Вот тарзанка!

И погладил её. А она будто этого и ждала. Самозабвенно замурлыкала.

...А как он был удивлен, когда выяснилось, что Сима любит слушать классическую музыку, особенно Моцарта!

— Откуда у тебя такое воспитание? Ты же с улицы, — недоумевал Сергей Сергеевич. — Или вы, кошки, все такие? Не знал...

Записи классической музыки он собирал давно. Теперь был рад, обнаружив родственную душу.

Глава 3.

НЕ ЛЕГКО БЫТЬ ПОСЛУШНОЙ

Сима оказалась заядлым охотником. Она гонялась за каждой мухой и комаром, которые залетали в квартиру. Бывало, что настигала добычу. При этом делала головокружительные прыжки по комнате.

Если добыча от неё ускользала, она заглядывала в лицо хозяину, будто говорила: «Извини, не получается навести полный порядок. У меня же нет крыльев».

Порой ему казалось, что, отлавливая насекомых, она избавляется от посторонних, ревнует его к ним.

«Чудеса, — ворчал он, — не схожу ли я с ума?». Мягко улыбался и не бранил её. А она терлась около него. Поднявшись на задних лапах, обнимала ногу хозяина лапами и мелодично мурлыкала.

Когда Сергей Сергеевич садился за стол с газетой, она устраивалась на кресле рядом с ним. В такие минуты молчание продолжалось недолго. Сейчас, глядя на Симу близорукими грустными глазами, хозяин рассуждал:

— Я вот люблю тигровый окрас. Можно было бы сказать, Симочка, что ты тигрового окраса. Но этот оранжевый оттенок, и совсем нет темных полос... Одним словом, ты — рыжая! Но как тебе идёт эта роскошная белая манишка! И белые чулочки на передних лапках! Ясно, что ты беспорядная, но так элегантно сложена!

Он был прав. Перед ним сидело создание с изящным, мускулистым телом, плотной короткой шерстью и стройными длинными ногами. А подушечки лап у неё цвета молочного шоколада!

Сима и во сне красива. Когда она спит, у неё подрагивают глаза, уши, лапы. То ли такой чуткий сон, то ли снится удачная охота...

А Сима смотрела на него прищуренными, светящимися миндалевидными глазами, мурлыкала доверчиво, и ленивый взгляд её, казалось, говорил, что она согласна с любыми его определениями. Они её как бы не касаются. Сама знает, какая она! И ей этого достаточно.

А то вдруг смотрела на него округлившимися глазами в упор. Будто говорила: «Неизвестно ещё, какой породы ты сам... Поживём — увидим...»

Или сворачивалась в клубок и выглядела расстроенной и озабоченной.

— Что ты грустная такая? Тебе стыдно за твоих блох? За то, что ты — беспородная? — спрашивал он вполне серьёзно, — выбрось из головы! Как ты такая уцелела? Где твои хитрость, коварство? Без них на улице нельзя! Все ластишься да мурлычишь...

...Он отложил на левый край стола шуршащую, пахнущую свежей краской газету. Снова взглянул на Симу. Кошка смешно подёргала носом, ей непривычен был запах краски.

— Я скажу тебе по секрету одну вещь, только никому не говори, — Сергей Сергеевич слегка улыбнулся, — не смотри, что я такой важный. Это внешне. Родители — сельские. Всю жизнь учился да работал. А что толку? Щенок у жизни. Много не могу, не понимаю. Много упущено с детства. Семья и та не сложилась. Тебе одной только и можно пожаловаться... Вроде положительный весь, а что-то не так...

Он гладил её своими длинными, чуткими пальцами, проводил ладонью по шее, спине.

— Сима, Сима... В моём детстве у родителей была кошка. У нас с женой не водились. Ей все ни до кого было. Сама у себя на первом плане. Я — вечно на работе. Когда? Пятнадцать лет был начальником большущего цеха. Только после шестидесяти перешел в мастера. Вот и выходит, что попала ты к человеку, которому всегда было некогда ...

* * *

Однажды, ближе к вечеру, в квартире появился уверенный, весь в черном, широкоплечий и розовощекий человек. Сергей Сергеевич называл его сыном.

Когда они разговаривали, сын несколько раз беспокойно выглянул в окно.

— Да никто не тронет твой «воронок», — усмехнулся хозяин.

Сима запрыгнула на подоконник и посмотрела во двор. Там стояла большая черная машина с затенёнными окнами. Утром её не было.

Этот человек, с большими блестящими часами на руке сразу не понравился Симе. Он брал бесцеремонно её в кольцо больших рук и пытался заставить прыгнуть через этот барьер. Громко выкрикивал тонким лающим голосом:

— Оп, оп! Оп-она!

На третий раз она не выдержала. Нетерпеливо напряглась и начала крутить ушами. Затем быстро бросилась через барьер с выпущенными когтями, оцарапав ему кисть левой руки. Тут же выступила кровь.

Сима удалилась на кухню. Там она прохаживалась одна. Хвост её застыл в нижнем положении, что явно выдавало разочарование.

— А, черт! Она не бешеная? — суетился сын, рассматривая царапину.

— Ну, что ты говоришь? Сейчас я дам тебе йод, — успокаивал Сергей Сергеевич.

Самоуверенный «дрессировщик», обрабатывая ранку, возмущался:

— Ну, и к чему тебе эта дикарка? Её же многому надо обучать, она с улицы!. Придётся её выгуливать. Запахи пойдут. Домашней кошке нужна особая пища. Когда и где тебе её брать?

— Ты знаешь, я поражён, — говорил Сергей Сергеевич. — Она пользуется унитазом. Фантастика! Я раньше от приятелей слышал о таком, но не ожидал... Видимо, её обучали в детстве.

Сын на слова отца не отвечал. Ему важнее, что он сам говорил. И, конечно, во многом был прав, утверждая, что «кошка — это не собака», от неё нельзя ожидать «собачьего» поведения. В отличие от собак, кошек бесполезно заставлять полностью повиноваться. Они иначе устроены... Не выгонишь сразу — привыкнешь поневоле. Это как зараза.

И так далее, так далее...

— Шестой этаж! Не закроешь балкон — она вывалится, — убеждал Эдуард, — у моего друга так было. Забылась и бросилась за воробьём. Упала на асфальт. Лечил полгода. Сетку

теперь на балконе соорудили. Зачем тебе эти хлопоты? — Он говорил громким голосом, будто извещал о надвигающейся катастрофе, — и потом с твоим-то сердцем гулять по этажам?..

— Мы скоро с ней уедем в деревню. Там все проще, — отвечал Сергей Сергеевич. — Там начнётся у нас с ней новая жизнь. Глядишь, насовсем останемся.

Сима не выходила из кухни, ждала, когда шумный гость исчезнет. А тот напоследок, нарочно топоча тяжело ногами, объявился в проёме кухонной двери, не на шутку напугав Симу.

— Попалась! — словно пролаял он, — зачем на базаре кусалась?

Не видя возможности к отступлению, Сима выгнула дугой спину и прижала уши к голове. Послышалось её негодующее шипение

— Смотри, она приготовилась нападать!

Гость притворно закрыл лицо руками и попятился назад.

— Вот это дикообраз! — Он неожиданно громко свистнул.

— Эдуард! Ну когда ты повзрослеешь? Нельзя же так, — подал голос Сергей Сергеевич. — Так кого хочешь можно разозлить. У тебя закоренелая нелюбовь к животным. Это ненормально.

Когда сын Сергея Сергеевича ушёл, Сима преобразилась. Она вернулась в комнату к хозяину. Движения её стали мягкими, хвост поднят вверх, что означало явную радость. Вполне возможно, обрадовалась предстоящему отъезду в деревню. Но как она могла это почувствовать?..

...На следующее утро Сергей Сергеевич помогал Симе умыться. Поглаживая её, пробежал своими чуткими пальцами по её меху. Кошка сидела у него на коленях сияющая. Расчёсывал он её пальцами, потом легкими движениями деревянного гребешка.

Сима выгибала спину, показывая, что ей приятно, а он потихоньку старался достать гребешком до самой кожи. Проверял пальцами: нет ли после прогулки во дворе комочков грязи, соринки.

Оба так быстро привыкли к этой процедуре, что проделывали теперь её ежедневно.

Глава 4. ЖИЗНЬ В ДЕРЕВНЕ

В деревню они приехали в середине июня.

Он любил это время года. Нравилось первое цветение шиповника, калины. Июнь — румянец года. Как не любить! В это время все летние птицы в сборе. Слушай и радуйся!

Луг и опушка леса в цветах. Белое, красное, васильковое! Родное раздолье дышит в полную грудь!

Сергей Сергеевич тихо радовался своей, как он говорил, отчине.

Радовалась и Сима.

Мир, в котором она оказалась, удивлял её на каждом шагу. Такого в городе она не видала. Здесь люди жили в небольших деревянных домах. На крышах домов были сооружения, похожие на те, в одну из которых она свалилась на кухню к Сергею Сергеевичу. Из них часто по утрам шёл дым.

Повсюду пахло съедобным, особенно молоком. Мычали коровы.

Людей было меньше. Не как в городе, но много кошек и собак. Коровы и лошади поразили её. Она впервые видела таких добрых и больших существ. Их любили. Это было заметно по всему.

Ей любопытно было стоять вечером у ворот, в то время, когда стадо коров возвращалось с выпаса. Коровы сильно пылили, но она не уходила до тех пор, пока не появлялся за стадом пастух. Этот человек был особенный: загорелый, усатый и в шляпе. За ним всегда с тихим шелестом тянулся длинный кнут, кнутовище висело на плече. Когда он пошевеливал кнутовищем, кнут извивался, как уж. Это Симу завораживало. Иногда пастух взмахивал кнутом и получался резкий неожиданный звук. Как выстрел! Такого она раньше не знала. При стаде всегда была большая лохматая дворняга. Пастух звал её просто: Собака!

Наверное, она была не очень злая, но когда приближалась, Сима предусмотрительно уходила через штакетник в палисадник. И вела свои наблюдения оттуда.

Порой лохматый пес подбегал к изгороди. И кошке делалось страшно. Хотелось быть невидимой. Она прижималась плотно

к земле, уши загибала назад, притягивая их к голове. Вот-вот готова была задать стрекоча, всегда зная, что в одном месте, если даже калитка во дворе закрыта, есть спасительное отверстие. Через него беспрепятственно можно удрать.

...Каждый раз одну и ту же пеструю корову соседка впускала к себе во двор. Чуть позже садилась около неё, и упругие струйки молока начинали бить в большое светлое ведро.

Сима с интересом наблюдала.

— Ладно, ладно, — заметив кошку, говорила нараспев соседка, — достанется и тебе, раз любишь молочко-то. Вот придёт твой хозяин, налью литру.

Сима гуляла, как водится у кошек, всегда сама по себе, даже теперь, в новой обстановке. Дом хозяина и его сад она с первого дня посчитала личной территорией и потихоньку её обживала. Периодически обходила «свои» владения. И отмечала царапинами или мочой.

Дом с потемневшими наличниками, в котором она жила, Сима обследовала в первые дни после приезда. Обнюхала все, что находилось на «её» территории: сарай, баньку, навес в дальнем углу двора.

В первый же день Сергей Сергеевич определил ей место. Небольшую темную овчинку он положил на закрытой верандочке, которую называл сенями.

— И света тут много, и пол неплохой. Холодно не будет. На улице-то лето! Не понравится, переберёшься в дом, не возражаю.

Симе понравилось. В стене веранды, внизу, у самого пола, было небольшое отверстие. Для неё в самый раз, а собаке не пролезть! Это она сразу отметила. Можно в любое время суток выходить на улицу и возвращаться обратно. Здорово!

...Сергей Сергеевич — человек вдумчивый. Он принес от соседей прошлогоднего сена, поместил его в старую наволочку. Помял в руках, пробуя: не туго ли, не жестко? Решил, что в самый раз, и положил подушечку на овчинку со стороны стены.

Она сидела и смотрела на его действия. Что-то соображала своим кошачьим умом.

Резкая смена обстановки не беспокоила её. Сима молода и любопытна. А вокруг столько интересного.

Неожиданно она обнаружила на «своём» пространстве в глухом уголке в конце озера щеголя удода. Расписные перья и

задорный хохолок незнакомой птицы так её удивили, что она остановилась как вкопанная. Уши её торчали вертикально, кончик хвоста произвольно шевелился. Опомнилась только, когда красавчик, не спеша, скрылся.

Возвращаясь в дом, она обошла стороной шиповный куст, около которого песчаные осы устроили своё гнездо. Сима накануне наблюдала, как они ловят мух. Она видела, как в свою норку осы затащили большого паука. Потом следила за быстрыми щурками, которые гонялись за осаами. Поймав, они уносили их в свои норки в обрывистом дальнем берегу озера.

Каждый тут промышлял по-своему. Там, где жила раньше, такого она не видела.

...Соседний дом справа был дряхлый. Окна заколочены крест-на-крест досками. Там никто не жил. Кроме мышей в подполье.

А слева жили соседка с коровой, собака Цыган и самое главное: хозяин, похожий, как определила Сима вначале, на Эдуарда. Он в первый же день несколько раз назвал её Серафимой. Это было для неё непривычно. Сергей Сергеевич её так не называл. А когда сосед потрепал её за шею, а потом игриво слегка сжал там пальцы, послышалось рычание.

— Сергеич, ты кошку или собаку привёз? Гордячка! — Голос у него был такой же тонкий, как у Эдуарда, неприятный, — рычит, как мой Цыган!

Он весь был сейчас похож на Эдуарда. Только не было у него на руке больших блестящих часов. И машина его была светлая и маленькая.

Сима вывернулась из цепких рук и выскочила во двор. Хвост у неё подрагивал. Сосед её рассердил.

...Утром Сергей Сергеевич вышел в сени. Сима просьпалась. Вальяжно потянулась, попеременно оттягивая то одну, то другую ногу. Зевнула, искоса посмотрев на хозяина. Лицо Сергея Сергеевича купалось в улыбке. Грациозно развернувшись, Сима начала умываться.

— Ну, видишь, как хорошо! Новый день — новые радости! Что нам ещё надо? — рассуждал вслух Сергей Сергеевич. — А на соседа не обижайся. Он грубоват, но настоящий. Не подведет. У нас с тобой на доньшке где-то завелась интеллигентность. А он — попроще.

Сергей Сергеевич старался как мог говорить мягко и ласково. Понял уже, что Сима ничего не делает просто так. Всему есть причины. Только вот не всегда они ему ясны...

Кошка умывалась и искоса поглядывала на него.

— Уйду, уйду сейчас. Не буду мешать! — И добавил, будто себе: — Помнится, мы договаривались, что ты должна быть доброй. Сима — значит добрая! Не забывай!

День начинался с приятного голоса хозяина. Симе от этого было уютно и спокойно.

* * *

Часто кошки и собаки не могут жить дружно.

Сима была совсем маленькой, когда оказалась в подвале, где ей пришлось обитать. Там она и познакомилась с таким же рыжим, как она, щенком. У него не было имени. Они росли вместе. Вместе добывали пищу. Охотились на мышей. Он, правда, больше мешал. Ловила она, иногда отдавала добычу ему. Щенок был немного шалопай, часто упускал мышь. Сима в таких случаях сердилась на него, но недолго. Нет, с собаками дружить можно! Смотря какая собака, конечно.

Поэтому Сима не испугалась, когда Сергей Сергеевич позвал её с собой к соседям, у которых жил Цыган. Цыган так Цыган!

* * *

Они вошли во двор соседей. Под навесом машины не было. Она стояла почему-то в сарайчике.

Сима прошла под навес, буйно укрытый и с боков, и сверху диким виноградом. Её влекло к себе темное пятно на бетонированном полу. Пока Сергей Сергеевич, остановившись на дорожке, разглядывал что-то на клумбе, она хотела было лизнуть приятно пахнущую жидкость.

Появившийся около сеней хозяин опередил:

— Не смей, Серафима! Это антифриз!

Его голос насторожил Симу. Она подняла голову. А сосед продолжал шуметь:

— Моя дуреха нализалась и померла. Это же химия! Сами делаем — сами мрем.

...Нельзя заставить кошку полюбить собаку. Это Сергей Сергеевич понимал. Но ему так хотелось, чтобы Цыган и Сима жили дружно.

Кошки и собаки говорят на разных языках. И это знал Сергей Сергеевич.

...Цыган был на цепи. Увидев это, Сима несколько успокоилась. И потом, посередине двора росло большое дерево, есть куда сигануть, если что...

Цыган с любопытством посматривал на Симу. Пес не чувствовал к ней вражды. Он мог возбудиться, если бы Сима сама начала нервничать. Собаки часто становятся агрессивными, когда кошки удирают от них. Но Сима не суетилась. Спокойно шла за хозяином.

Вскоре все вчетвером: Сергей Сергеевич, сосед Дмитрий, Цыган и Сима стояли около сеней. Цыган вилял хвостом, он готов был дружить. А у Симы были вертикально поставлены уши. Ей хотя и было страшновато, но тоже любопытно... Сергей Сергеевич заметил это и, довольный, улыбнулся.

Два хозяина немного о чем-то поговорили меж собой, потом, позвав Симу, пошли в дом.

Цыган покорно остался у сеней сторожить...

Глава 5. **НОВОСТЬ — ТАК НОВОСТЬ**

Наступило время, когда Сергей Сергеевич уже не мог представить своё житье-бытьё без Симы, без постоянного обмена с ней взглядами. Ему нравилось смотреть, как она, блаженно свернувшись в клубочек, дремлет на стареньком кресле. Он привык не сердиться на неё, когда кошка, играя, пряталась от него куда-нибудь под кровать и не появлялась оттуда, если даже, налив молока в металлическую миску, он звал её.

Иногда она внезапно прыгала ему на плечо, когда он проходил мимо старенькой беленой печки. Так она развлекалась. Он прощал ей эту шалость. Как прощают шалости своим внукам.

Внука у него не было. Сыну с ним было не интересно, это он знал. Много ли оставалось у стареющего человека привязанностей...

Оказавшись в свои шестьдесят пять лет на пенсии, он вначале маялся без серьёзного дела. Потом за три с половиной года привык и к безденежью, и к одинокой жизни, и к болезням.

Не жаловался...

Самостоятельность Симиной природы он уважал. Сима легко отзывалась на игру. А Сергей Сергеевич заметил, что взаимопонимание между ними быстрее возникает во время игры. Это стало для него очевидным.

«Они не говорят лишь от того, — размышлял он, — что, если бы начали это делать, им бы пришлось сказать, какие мы, люди, бываем глупыми. А им этого не хочется делать, к чему портить отношения?»

У Сергея Сергеевича в его семейной жизни, задолго до того, как не стало жены, а Эдуард захотел жить отдельно, не было того, что называют семейным очагом. Ему теперь приходила в голову мысль, что, если бы у них была кошка, то не случилось развала семьи: не ушла жена, не наступило бы такого отчуждения с сыном. Ведь не одна же его постоянная занятость все это разрушила? Чего-то не хватало такого в его семье, о чем сразу не скажешь. Какого-то цементирующего вещества, может быть. Того, что придаёт и крепость, и прелесть отношениям. «Не хватало душевности, — определил он запоздало. — Слишком я был деловит во всем и однозначен, ценил только масштабное».

Рассуждая так, он то соглашался с собой, то невольно качал головой: «Ты просто стареешь, вот и все дела».

А у Симы свои заботы.

Сергей Сергеевич, как и большинство людей, заблуждался по поводу того, что все кошки очень любят молоко. Ничего подобного, Сима молоко не любила. А хозяин старался. Через каждые два дня обязательно ходил к соседям за молоком.

У Симы часто после того, как поест молока, было расстройство желудка, особенно, если ела тут же и мясо. Она отыскивала зеленую травку и щипала её, чтобы вызвать рвоту. Лечилась так.

Хозяин не мог понять, в чем дело.

Что-то её подталкивало, чтобы не отказываться от молока, но ела она его без охоты.

Помогал Симе справляться с молоком ежик. Он проник однажды ночью со двора через то самое отверстие, которое слу-

жило Симе. Как потом оказалось, ежик жил в подполье сеней. В том самом дальнем углу, куда Сима ещё не успела добраться и обследовать его.

Ёжик вел себя на удивление уверенно. Он считал, очевидно, что сени или верандочка эта — его территория.

Пока она отвоёвывала, контролировала, метила свою территорию то мочой, то трением головы или хвоста, то царапаньем когтями, чтобы соседские кошки знали, где чье владение, этот деловитый колючий комок с остренькой мордочкой, нарушая все кошачьи правила, разгуливал ночью, где хотел.

Сначала Сима вознегодовала. Но ежик оказался добродушным, и они быстро подружились. И даже было не обидно, когда он начал есть её молоко. Ёжик бегал ночью по полу, сильно топая, фыркал. Она просыпалась, но не сердчалась. Ей даже иногда становилось скучно, когда он не приходил. А однажды утром хозяин вышел, и ежик не испугался, не убежал.

— Ну вот, давно мы не виделись! — обрадовался Сергей Сергеевич. — Где пропал-то, господин Шварценеггер?

Ёжик трогал своим чутким носом тапочки хозяина и издавал непривычные для Симы звуки. Оказывается, хозяин и ежик были друзьями.

* * *

Днем, играя с Симой, Сергей Сергеевич обнаружил, что она беременна.

— Ничего себе, время действительно имеет свойство сжиматься. Так стремительно вершатся события. Не успеваю! Вприпрыжку бегу... — бормотал он, по-детски улыбаясь.

— Вот он, результат кошачьих концертов, которые вы в городе устраивали на крыше, — говорил он, — более месяца уже прошло, как ты свалилась в трубу. Верно... был конец мая, все сходится...

Так открылось то, что сильно волновало Симу. Тайное стало явным.

— А я смотрю, ты стала какой-то другой, уж не заболела ли, думал, — он слегка нажал пальцами Симе на живот ещё раз. — Ну да, легко прощупывается. У тебя соски стали розового цвета, а я в голову не взял... И есть ты стала побольше, я думал, от свежего деревенского воздуха.

Хозяин обрадовался новости. Сима это видела. И успокоилась. А Сергей Сергеевич все удивлялся:

— Вот почему ты прибилась ко мне в городе, а потом в деревню поехала — тебе рожать надо! Помощник необходим. Обстоятельная какая! Умница! Ценю... ценю... Этот наш союз не по расчёту, а по великому инстинкту...

И он многозначительно поднял на уровень лица руку с прямым указательным пальцем:

— Великому инстинкту!..

Глава 6. СТАРЫЙ ДА МАЛЫЙ

Несмотря на теперешнее Симино положение, она была активна. Так много вокруг того, что она видела впервые.

...Совсем рядом с домом, за огородом раскинулось круглое с песчаными берегами озеро. По берегам стоят высокие дубы. В дубраве всегда особый воздух. Свежий и острый.

Шуршание дубовой листвы под ногами и дробные постукивания дятла в кронах старых деревьев заворачивают Симу. Она считает эту территорию своей и особо ревностно следит за теми, кто нарушает определённые ею границы.

* * *

На ежей, постоянно попадающих тут, она не сердилась. Они такие забавные и деловитые! Впервые она увидела здесь насекомых с двумя парами сильных перепончатых крыльев, при помощи которых они летали. Да так быстро! Она видела, как они ловко ловили на лету добычу. Ей было интересно и завидно. У стрекоз большущие глаза. Это её тоже удивило.

Не могла она равнодушно смотреть на бабочек. Её заворачивали и дневные, и ночные красавицы. Эти легкие создания почти одинаковые, только у ночных, в отличие от дневных, тела более толстые. Она гонялась за ними. Но безуспешно.

Более всего ей нравилась рыбалка на озере. Едва Сергей Сергеевич вечером начинал собираться удить рыбу, она с широко открытыми глазами и вертикально поставленными ушами начинала ходить за ним. Хвост её в это время был непременно поднят вверх. Радовалась тому, что предстояло.

Сергей Сергеевич и сам любил рыбалку. Он каждый раз садился на одно и то же место, там, где камыш примят и в песчаный берег воткнута ивовая рогулька, обросшая зелеными веточками. Карасики, сорожка, краснопёрка здесь прикормлены заранее, поэтому рыбалка почти всегда удачная.

Но ей вскоре оказалось мало быть просто наблюдающей. Там, где не было камыша, на небольшой песчаной косе, она стала охотиться на рыбок сама. И весьма успешно. Её терпеливое ожидание заканчивалось молниеносным броском. Сима ловко прижимала на мелководье зазевавшегося карасика или краснопёрку.

Урча, притаскивала добычу к хозяину, и он, растроганный тем, что она отдаёт ему пойманную рыбу, гладил её по спине. Показывал свою добычу в ведерке с водой, приговаривая:

— Выбериай, какая на тебя глядит, кормись сама...

Она не торопилась выбирать, знала, что хозяин о ней никогда не забудет.

Часто можно было видеть весёлую картину: объединённые общей удачей на рыбалке, они дружно вышагивали от озера к дому. Оба довольные! В такие моменты над головой Сергея Сергеевича торчали бамбуковые удочки, над головой Симы — её весёлый рыжий хвост.

— Кажется, вас водой не разольёшь, — смеялся сосед Дмитрий, попавшийся им в дубняке со свежесрезанным баннным веником. — Старый да малый.

— Такие вот мы! — за обоих отвечал Сергей Сергеевич. И его голубые, совсем не старые глаза за толстыми линзами очков, светились ясно, под стать июньскому небу.

* * *

Чуть правее колодца, над изгородью на длинной жердине возвышалась потемневшая старая скворечница с сучковатой рогулькой над крышей. Сима заметила, как хлопочут там скворцы со своим семейством. Вскоре наблюдать за скворцами ей стало скучно. Они летали, как заводные, в дальний конец огорода, добывали червей. Их трудно подкараулить, они порывистые.

Воробьи — другое дело. Они сидят обычно рядышком на земле, на ветках, на ограде.

...Всё-таки в этот день Сима настигла добычу.

Стоя у окна, Сергей Сергеевич хорошо видел, как это произошло. Утром он наблюдал, как она потешно охотилась за кузнечиками, а потом...

Он увидел Симу около амбара. Она скользнула вдоль стены, прижимаясь животом к земле. Мелкими перебежками кошка добралась до ближайшего от цели укрытия — старой кошелки. Цели её он не видел, но догадывался, что она, скорее всего, у корневища разросшегося винограда.

За своим укрытием Сима готовилась к атаке. Перебирая задними лапами и, шевеля нетерпеливо кончиком хвоста, она ждала момента. Затем, прижав тело к земле, заскользила ближе к винограду. Когда расстояние сократилось до одного прыжка, поджав передние лапы, она прыгнула. В её лапах оказаласьмышь.

То ли так случайно получилось или таков кошкин прием, номышь оказалась вновь на свободе. Серой тенью бедняжка метнулась в сторону, Сима в броске успела, играючи, легко схватить её. Почти тигровая окраска Симы, уверенность движений — все напоминало грозного хищника, на какой-то момент оказавшимся миниатюрной кошечкой.

Сергей Сергеевич был изумлен. Оказывается, у Симы двойной образ жизни. В доме она внимательная, ласковая и отзывчивая, а на воле — опытный независимый хищник. Осторожный и уверенный. И ведет себя, будто у неё нет никакого хозяина...

Чуть позже с удовлетворением подумал: «Вот так, если оставить её одну, когда необходимо будет куда-то уехать — не пропадет! Молодчина!»

Глава 7. **РАЗГОВОРЫ О ЖИЗНИ**

Разговоры с Симой стали для Сергея Сергеевича ежедневной потребностью.

— Что, Сима, так смотришь на меня? Много сижу за столом? Не могу без чтения.

Он начинал поглаживать Симу по спине. Она мурлыкала под его чуткими пальцами. В такие минуты между ними возникала особая связь, для которой слов не подобрать.

Сима сидела на левом краю письменного стола и внимательно слушала. Она испытывала состояние полного душевного комфорта, о чем свидетельствовал её послушный хвост, обернутый вокруг тела.

— Знаешь ли ты, моя дорогая, отчего у нас, у людей, беды? — хозяин покрутил в руках очки и в упор посмотрел на Симу.

Глаза её тут же округлились. Она внимательно слушала.

Он не выдержал её взгляда. Ему показалось, что вся живая и неживая природа смотрит на него золотисто-зеленоватыми Симиными глазами и ждет.

— От того, что нет у нас порядка в общем доме. Мы вышли из чьего-то повиновения и как малые дети многое натворили своим незрелым умом. Это я теперь начинаю понимать.

Сима грациозно зевнула.

Он положил ладонь на газету.

— Наш чрезвычайный министр Сергей Шойгу — молодец. В своём докладе на год заранее сказал, что с нами будет. Какие аварии ждут. Хотя бы так нас образумить. Все то, что может случиться, дело наших рук.

Он потянул из-под Симы газету, кошка передвинулась. Потом и вовсе прыгнула на пол, нехотя пошла к креслу. Ей нравилось сидеть на газетах. Эта её привязанность была непонятна Сергею Сергеевичу. Он все полагал, что когда-нибудь дознается, в чем причина.

Сима будто чувствовала важность того, что говорил хозяин. Она не ушла, а улеглась на кресло и стала смотреть на Сергея Сергеевича. Не зевала.

Он продолжал:

— Мы все больше и больше отрываемся от природы. Но мы же часть её?!

Сергей Сергеевич в последнее время много думал о том, что сейчас говорил, поэтому повторялся. Он и без Симы разговаривал вслух. Сам с собой. Это помогало думать.

Теперь, монотонно говоря с Симой, споткнулся о мысль: «Как Рубцов пронзительно чувствовал, откуда мы все вышли!»

Он дотянулся рукой до книжной полки. Достал небольшой красный томик стихов, который приобрел перед отъездом из города. Быстро нашел запомнившиеся строки. Негромко задумчиво прочитал:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую кровную связь.*

— Поэт не просто так сказал. Он, как и Есенин, — Божья дудка!

Кошка молча наблюдала за хозяином. Сергей Сергеевич уже привык к её изучающему взгляду.

— Странно тебе, почему я раньше об этом не думал? Не знаю. Дела вершил! Как белка в колесе... стихи читал только в юности... Да вот теперь — на пенсии.

Он поднял вверх над головой очки. Взгляд Симы последовал за рукой с очками. Сергей Сергеевич встал. Кошка спрыгнула с кресла и потянулась.

— Пора спать, — сказал он и пошёл открывать ей дверь.

Видно было, что Сергей Сергеевич хотел сказать что-то другое, но передумал.

Сима последовала за ним.

Не в первый раз ему показалось, будто общается он не с животным, а с человеком.

Глава 8. ОБИДА

Не всегда между Симой и Сергей Сергеевичем устанавливалось единодушие.

Утром, когда он готовил себе завтрак, она появилась на пороге с мертвой синицей. Такого он не ожидал.

— Ах, ты проказница. Что же ты делаешь? Тебе не хватает еды? Он не знал, что ещё говорить.

Сима положила синицу на пол и выжидательно смотрела на хозяина. Ей непонятно, почему он недоволен.

— Чтобы это было в последний раз! Ты же мышинный лев! Вот и громи серых!

Сергей Сергеевич ладошкой слегка пошлепал кошку по мордочке, так, для порядка. И строго посмотрел ей в глаза. Сима не понимала его и не чувствовала за собой никакой вины.

Она так любила подолгу подкрадываться, наблюдать за добычей. В ней жил охотничий инстинкт. Была она совсем

ещё молодая, ей нравилось играть. И охота для неё — часть игры.

Симе было не понятно, почему её хозяин, Сергей Сергеевич, сам не ловит синиц? Она принесла пойманную птицу, чтобы он оценил её подарок.

— Если не прекратишь ловить птиц, — говорил между тем Сергей Сергеевич, — то повешу тебе на шею колокольчик. Не сможешь тогда охотиться даже на мышшей, поняла?

Ничего Сима не поняла. Потопталась на месте, села и, как ему показалось, высокомерно отвернулась.

— А вот этого делать не надо бы. Ты же не глупая, я знаю, — говорил с легкой насмешкой хозяин.

Голос Сергея Сергеевича стал ещё строже:

— Больно ранимая. Так нельзя!

Сима, ощущая уже угрозу, насторожилась. Её пугал пристальный взгляд Сергея Сергеевича. Возникло желание укрыться от этого взгляда, не видеть его. Она потому и отвернулась, что не могла смотреть в недружелюбное сейчас лицо. А он воспринял это по-своему. Кошка вышла в сени. Мертвая синица осталась лежать у порога.

Сима легла на свою подстилку. Широко раскрытыми глазами смотрела прямо перед собой. Ударив пару раз лапой с выпущенными когтями о пол, наконец, успокоилась. Закрыла глаза.

«Что же мне с тобой делать? — раздумывал тем временем Сергей Сергеевич, доедая яичницу. — Охотилась бы только на мышшей, и все дела...»

Дверь в сени оставалась открытой, и он говорил, зная, что она его слышит:

— Вы, сударыня, существо независимое, конечно... Что вам мои замечания?..

Он ещё что-то говорил. Но она уже не слушала его. Не понимала его иронии. Она не умела возражать, устраивать сцены. Сима — кошка. Если ей не по нутру что-то, то она просто отворачивалась, как сейчас. Лгать не в её характере.

...Ворчать-то Сергей Сергеевич ворчал, но помнил: с того момента, как появилась Сима в его жизни, ему стало легче жить. Его сердце, не раз основательно дававшее о себе знать, теперь болело реже.

...Если бы он ведал, как непросто было Симе.

...Оказавшись совсем маленькой на улице и начав жить самостоятельно по подвалам, Сима многого лишилась из того, что могло быть в её характере изначально, что устанавливается в общении между людьми и котенком.

Но она была теперь взрослая. И постигала многое заново, вдогонку. словно училась в вечерней школе, как это бывает у людей.

Глава 9.

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЕ ГЛАЗКИ

Симе нравился этот человек. Когда он приходил к Сергею Сергеевичу, ей становилось веселее.

Хозяина он звал, как все местные, коротко, Сергеичем. Будем и мы его так называть.

Ожидая от гостя ласки, Сима опрокидывалась на спину, откидывала передние лапы, оставляя их повисшими в воздухе. Это — приглашение погладить её брюшко. Очаровательные глазки, так чаще всего звали гостя, безоговорочно отзывался на это.

Своё прозвище он получил давным-давно. Наградили его им, похоже, с усмешкой. Каким он был в молодости, теперь уже мало кто помнил. Сейчас он старик. Брови у него косматые, а глаза усталые и серые. Но какие песни за ним тянутся...

Между гостем и кошкой быстро возникало радостное взаимопонимание. В эти моменты глаза её обычно полуприкрыты. Такими они становились и у гостя.

В первый же свой приход он галантно рассыпался перед Симой в комплиментах и спел для неё свою любимую песенку. Подобного в Симиной жизни ещё не было.

*Очаровательные глазки,
Очаровали вы меня...*

Голос у него, когда он пел, становился совсем молодым. Негромкий, выразительный, обволакивающий...

Теперь, при появлении в их доме такого гостя, она ждала, когда он снимет со стены старенькую гитару и запоёт. Гитара, когда не было гостя, висела на стене около голландки и тоже скучала. Очаровательные глазки в отличие от хозяина курил. Особенно неприятно пахли его пальцы, но Сима прощала ему это.

Хозяин дома и гость — одноклассники. Их родители жили раньше в этой деревушке по соседству. Это иногда так много для людей значит. К тому же Фадеич долгое время преподавал, учил ребят истории в школе. Было о чём этим двум хорошим людям поговорить, Сима им не мешала. Притом ещё давным-давно, в молодости, Фадеич был ветеринаром. Он любил животных.

Она всегда перед его приходом теперь умывалась и приглаживалась.

Но вот беда: старинные приятели часто говорили о чем-то серьезном, и тогда Симе становилось скучновато.

— Нет, Серая шейка, — держа чашку чая в ладони, говорил гость, — ничего уже не вернешь. Никакой слитности с природой у человека теперь быть не может. Жили мы в младенчестве язычниками, теперь выросли.

— Но не поумнели, — вставил тихо, но внятно Сергеич.

— Это, скорее всего, верно.

Его большие и черные брови шевелились. Сима стала за ними наблюдать. Ей было забавно. Брови полезли вверх, на лоб. И их хозяин почти выкрикнул.

— Человека надо ниспровергнуть с пьедестала, на который он забрался, возомнив себя царем природы.

Сима даже вздрогнула при последних звуках. Так они были произнесены, жестко и громко.

Сергеич молчал. Сима смотрела на него, будто спрашивала: что же ты не отвечаешь, не можешь?..

— Приглашают в школу вновь начать преподавать, — говорил тем временем Фадеич. — Я должен детям нести разумное и доброе. А я этого уже не могу. Мне хочется кричать! — брови у Фадеича легли туда, где им положено быть.

Он замолчал, но ненадолго. Сказал, как пожаловался:

— А разумно ли кричать детям? И такое? Ведь им жить надо! Как и мне! После моего инсульта года не прошло...

Похоже, в его окружении мало кто мог слушать старика долго, и он приходил выговориться к своему приятелю Мамину.

Не дождавшись ответа, вновь спросил:

— А если детишки не будут знать с ранних лет об этом, какими они вырастут?

Сима вышла в сени.

— Поостынь, — спокойно сказал Сергеич, провожая взглядом Симу. — В тебе большое нетерпение. Не зря мы тебя в школе Утюгом звали.

— Меня за другое так звали, — по-мальчишески запальчиво проговорил Фадеич.

— Ну... Николай, не сердись, — улыбнулся Мамин. И продолжил: — Все человечество копило то, о чем ты говоришь. А ты хочешь в одночасье, один все разом решить, всех образумить? Я думаю, человек повернется лицом к природе, настанет такое время.

— Настанет ли? — Покачал головой Фадеич.

Вошла Сима и села на пороге.

Гитара по-прежнему висела на стене. Сима зевнула. Она спокойно смотрела, как гость, задев на столе локтем чашку, опрокинул её и намочил рукав фланелевой рубашки.

Очевидно, он вспомнил свою первую профессию. Спросил неожиданно:

— Ведомо ли тебе, умная твоя голова, как крепко можно приручить кошку к себе?

— Я и так о ней забочусь.

— А она? — переспросил гость.

— То целыми днями около меня, в глаза заглядывает. А то вдруг надолго пропадает. Где носит её?

— А ты попробуй одно средство.

— Что за средство такое?

— Испытанное. Возьми кусочек мяса, поддержи его у себя под мышкой, и пусть потом она его съест. Все! Кошка как приохнет к тебе.

— Ну вот, буду я ещё ворожить. На старости лет-то, — буркнул Сергеич, ставя Симину миску на порог.

Наблюдая за Симой, его приятель удивился:

— Послушай, в первый раз вижу, чтобы кошка ела чеснок!

— Она ещё и горчицу ест.

— Что?

— А вот то! Мы такие, да, Сима?

— А знаешь ли ты, дружище, ученые установили, что на подушечках лап твоя кошка, как и все, имеет потовые железы. Есть они у неё ещё на щеках, губах, вокруг сосков. И через

лапы кошки получают нужную им информацию. Грязь и вода на лапах воспринимаются ими как помеха. Кошка очищает постоянно свои лапки, отряхивает их или облизывает..

Николай Фадевич говорил так, а Сима в это время, оставив миску, терлась о ногу гостя и старалась заглянуть в лицо.

— Ну, достаточно пометила? — довольно спросил он.

— Что ты у неё спрашиваешь?

— Так она же нанесла на меня свои метки. У неё специальные железы расположены по обе стороны лба, между ушами и глазами. Есть такие же вокруг губ, на хвосте. Я ей понравился. Она потёрлась и отметила меня. Не в первый раз. Это знак привязанности. Теперь я — часть её территории!

Он одобрительно смотрел на Симу:

— Вот ведь, практической пользы от кошек никакой. Но правы англичане, считая, что Бог создал кошку, чтобы человек мог наблюдать красоту в чистом виде. И заметь: кошки не обманывают. Дурных примеров с людьми не берут!

Он так говорил, а Сима все терлась около его ног и ждала, когда же он снимет со стены гитару и запоёт. Ей так нравилась песня про очаровательные глазки...

Глава 10. **ПОПОЛНЕНИЕ СЕМЕЙСТВА**

Наступила середина июля. Многие птицы в хлопотах, надо поднимать на крыло своих птенцов. У Симы свои заботы. Последние три дня она отказывалась от еды. Живот её за неделю заметно увеличился.

Очаровательные глазки легко прощупал у неё три головки котят.

Сима, не обращая никакого внимания на своих помощников, искала место, где можно устроить гнездо.

— Это обычные все дела, — успокаивал Очаровательные глазки и Симу, и приятеля. — Не надо волноваться. И гнездо мы определим, не суетитесь.

Сергеич отыскал деревянный ящичек на чердаке и, довольный, водрузил его в сенях под широкую лавку. На дно его положил подстилку.

Бывший ветеринар одобрил его действия.

— Некоторые кошки «стесняются» присутствия человека, — пояснял он, — а некоторые наоборот, в таких случаях рады тому, чтобы кто-то был рядом. Посмотрим, как Сима поведет себя.

Гнездо получилось уютное и безопасное. Ящик отгораживал Симу своими прочными деревянными боковинами со всех сторон. Сверху — широченная лавка. На неё Сергеич набросил старенькую ватную куртку. Свисая, она скрывала от посторонних глаз и Симу, и ящик.

Симе понравилось гнездо.

Она перестала бегать по комнате в поисках нового места.

* * *

Через неделю Сима сделалась отрешённой и притихла... Забралась в ящик и будто пропала, забыла про всех.

...Утром Сергеич обнаружил около Симы в ящичке трех котят. Все прошло пока, как авторитетно заверил пришедший Николай Фадеевич, без каких либо осложнений.

Спокойное поведение Симы подтверждало это. Она деловито заканчивала вылизывать последнего серого, с белыми мордочкой и лапами котёнка. У появившихся ранее и отчаянно рыжих, шерстка была уже сухой.

* * *

И начался у Симы и её хозяина новый, особый порядок отсчета времени, который связан был теперь с ростом котят.

...Уже через две недели у них раскрылись уши. Открылись и глаза, но пока незрячие. Прошла ещё неделя, и котята стали видеть. У всех новорожденных глаза были до своего срока одинакового цвета — голубые. Когда наступила третья неделя, котята начали пробовать коровье молоко.

Теперь Сергеич называл свои неказистые сени «рыжим обшежитием». Примерно через месяц после рождения у котят прорезались зубки. Ему нравились все котята, но особенно последний, тот, который был не похож на всех, не рыжий. Трогательная белоснежная окраска мордочки ниже глаз, передней части туловища и всех четырех лап сильно выделала его из остальных.

И сама Сима, как заметил он, чаще всего занималась именно им. Он был менее, чем остальные, подвижен. Но его манера поведения была особенно трогательна и забавна... С первого же утра он получил от Сергеича имя Мальш.

Остальным хозяин пока имена не придумал. Звал временно Рыжиками.

У Мальша он отметил своеобразные черточки характера: тот каждый раз припадал только к одному материнскому соску. Он реже нападал в общих играх на собрата с укусами. Чаще набрасывался на хвост своей матери, которым она, слегка подёргивая, возбуждала любопытство своих детеньшей. Сима заботилась о закреплении охотничьего инстинкта любимых чад... Все трое оказались большими любителями приключений. Просыпаясь по утру полными сил и веселья, они готовы были потрогать все, что окружало их.

* * *

Вскоре они уже затевали игры, вовлекая в них и мать. Сима охотно откликалась на шумные затеи. Как маленькие дети, котята не могли оставаться без активного внимания Сергеича. Наблюдая, порой, при игре с ними за непрерывной сменой выражений их мордашек, он радовался, как ребенок.

«Мудрость жизни состоит в наблюдении того, как растут дети», — вспомнил теперь Сергеич когда-то услышанную фразу.

Раньше он не очень задумывался над ней. Воспитание его приёмного сына проходило с такими зигзагами, что он мало что из этого вынес. Теперь же в кошачьем окружении он видел все будто другими глазами.

Радостно было не только от факта владения этим шумным жизнелюбивым сообществом. Тихая радость теперь исходила от ощущения непобедимости и нескончаемости жизни, невзирая на все болячки, старость, неверие, заумные рассуждения и прорипания...

...Отныне у него в специальном ящичке образовался целый арсенал приспособлений для игры с котятами. Появились там клубок пряжи и теннисный мяч, и привязанная на длинную нитку варежка ...

Едва он входил в сени, сразу оказывался в окружении своих питомцев с высоко поднятыми хвостами.

Он баловал котят. Вносил разлад в педагогический процесс Симы. Если котята позволяли себе излишнюю назойливость, Сима могла запросто дать им оплеуху. Надо знать своё место! У Сергеича на подобное рука не поднималась. Он оставлял за ней такое право. Она — мать!

Когда он видел, как Сима убегает на озеро и приносит для котят добытую крохотную плотичку или сорожку, он восхищался её материнской самоотверженностью. Поражался тому, сколько у неё забот, а она ищет себе новые.

* * *

Было одно обстоятельство, которое вначале сильно беспокоило Симу. В широкой половой доске, прямо около ящика, темнело небольшое, с мышиную головку, отверстие.

...В первый раз, когда из этого отверстия послышался легкий шелест, она подумала, что это ежик, который куда-то пропал и давно не появлялся.

...Сима не поняла, как это случилось. Не видела, как он оказался рядом. Не почувствовала, как вместе с её котятами, приложившись к соску, начал сосать молоко. Это был большой, уверенный и спокойный в движениях уж. Ужей она никогда не видела. Сима оцепенела от страха. А гость спокойно продолжал своё дело. Когда насытился, не спеша удалился. Так повторилось несколько раз. В последующие появления ночного гостя её уже так не трясло.

Потихоньку она, кажется, начала привыкать к его посещениям...

Глава 11.

БЕДА

Раньше, когда появлялся сын хозяина Эдуард, Сима уходила из дома и, пока он не уезжал, не возвращалась. С тех пор, как родились котята, при его появлении забивалась в свой ящик. Не выходила сама и старалась не отпускать детёнышей. Чувствовала опасность.

На этот раз он приехал, когда Сергеич ушёл в магазин за продуктами. И Сима была в отлучке. Эдуард решил сделать то, что давно задумал...

Обнаружив со двора дверь в сени закрытой, Сима сразу почувствовала недоброе. Она метнулась к лазу, которым всегда пользовалась. Он был закрыт изнутри курткой. Она заметалась вдоль стены дома и, приметив не закрытой на шпингалет створку окна, передними лапами надавила на стекло. Молнией сверкнула через кухню в сени. В ящичке был один Малыш. Рыжиков не оказалось. Она выскочила через окно во двор.

...Эдуард шёл с шевелящимся мешком к пруду. Дико зарывчав, она бросилась к нему. Он мотнул ногой, Сима отскочила в сторону. Потом вновь приблизилась. Она хотела вцепиться в толстый, пахнувший машиной его ботинок. Он схватил подвернувшуюся увесистую железку и замахнулся. Сима отстала. Шла за ним мелким кустарником, не чувствуя, как выдирается с боков шерсть.

У воды он завязал мешок узлом, сделав перед этим два отверстия для выхода воздуха. Потом мешок прицепил к железке. Размахнулся обеими руками деловито, не спеша... После, глядя, как расходятся широкие круги на воде, молвил с кривой усмешкой:

— Всем облегчение теперь! А то зверинец развел. Сам за собой уж не в силах... а тут.. Ракам хороший подарок...

Когда она приплелась в дом, отец и сын разговаривали на кухне. Дверь была открыта.

— Хватит тебе и одного, куда? Сам же говорил, не знаешь, что с ними делать.

— Да, но не так же? — необычно глухим голосом отвечал Сергеич. — Благодетель...

— А как, если у всех тут по две-три кошки? Никому они не нужны. Я сделал обычное дело, на которое ты, конечно, не решился бы. Ты у нас тонкая натура... Но в деревнях всегда котят топят.

— Мне на тебя тошно смотреть!.. Не понимаешь, в какое время живешь, не ведаешь, что творишь. И по ней, и по мне хлестанул, — голос Сергеича стал ещё глуше.

— Опять двадцать пять. Мне что? В город, что ли, их везти усыплять. А разница? Все равно каюк!

Сима, пошатываясь, ходила вдоль стены. Слушала такие разные голоса. Потом забилась под лавку около ящичка. Легла там, устремив взгляд на дверь, откуда должен был появ-

виться этот редкий и страшный гость. Гнев и раздражение распирала её. Порой из-под лавки доносилось прерывистое завывание.

Отныне неприязнь к Эдуарду в ней закрепилась во сто крат сильней, чем прежде. Как все кошки, Сима не умела забывать обиды...

* * *

Тихий и настойчивый уж продолжал по ночам навещать Симу. Темной, еле слышной лентой шелестел около неё. Она привыкла к нему. С тех пор, как не стало её огненно-рыжих котят, когда он прикладывался к её соскам, ей становилось даже легче. Но и ужа вскоре не стало.

...Деловитый ежик появился после своей долгой отлучки. И подкараулил ужа. Он был опытным охотником.

* * *

Иногда навевался Очаровательные глазки. Бодрился, пробовал шутить. Надолго его на такое не хватало. Он в последнее время начал быстро терять зрение. Это его печалило.

— Послушай, твоя Сима и ты становитесь похожи друг на друга, — говорил он. — У неё походка твоя стала, нетвёрдая. И даже взгляд твой. Не веришь? Подобное с животными бывает...

— Фантазируешь? — отвечал негромко Сергеич. — Тогда почему твой бык-полуторник не похож на тебя? Хвост пистолетом, а ты?

— Наверное, потому, что он не Сима, — гнул своё Фадеич.

Сергеич теперь частенько ложился на старенький диван. Побаливало сердце.

А Сима каждый день бегала к озеру. Часто можно было её видеть за огородами между могучих дубов. Казалась она там, среди деревьев, теперь маленькой и незащитной. Как её сгнувшие Рыжики. Теперь, после исчезновения котят она часто подходила к хозяину, глядела ему в лицо, искала его взгляд. Будто хотела что-то сказать. О себе ли? О нем ли?

А Сергеич все реже поднимался с постели. Часто клал в рот под язык круглую белую таблетку.

Она вяло смотрела на синиц, порхающих за окном. В былые времена Сима садилась на подоконник и наблюдала за добычей. Уголки губ у неё тогда оттягивались назад. Челюсти смыкались, получались ритмичные звуки — так выражалась её разочарованность по поводу недосыгаемости птиц.

Теперь ей было не до них. Он заметил, что она старается своего единственного Мальшца надолго одного не оставлять. Берет беднягу за шкурку и перетаскивает с места на место за собой. А тот меланхолично повинуется.

— Что ты так привередлива? — говорил он будто сам себе. — Боишься и последнего потерять? Бедная.

Сегодня повторилось обычное. Сергеич включил старенький телевизор «Горизонт» и прилёг на диван.

Сима с Мальшцем пристроились рядом под столом. Дружная поредевшая семейка коротала летний долгий вечер.

Через некоторое время Симу стало что-то беспокоить. Она как бы очнулась от спячки, вышла из-под стола. Прислушиваясь, стала разглядывать черно-белый экран. Потом, схватив за шиворот Мальшца, подтащила его к закрытой двери. Стала тревожно мяукать. Вначале Сергеич не обратил на это серьёзного внимания. Слишком уж часто теперь Сима перемещала своего дитятю с одного места на другое.

Просьба выпустить повторилась. Он нехотя, с трудом встал и толкнул дверь. В это-то время у старенького телевизора и взорвался кинескоп. Хозяин в первый момент подумал, что кто-то разбил оконное стекло. А вскоре уже собирал осколки экрана телевизора. И не только с пола. На диване, с которого только что встал, их оказалась большая часть. Выходит, Сима спасала от неприятностей не только себя и своё чадо, но и своего хозяина.

Глава 12. **ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ**

— А хотите, я вам анекдотец расскажу? Про вас! — обнимая правой рукой лаковую статью гитары, произнёс Очаровательные глазки.

— Валяй, — согласился Сергеич.

— Это вместо таблеток, — успокоил гость. — Веселее будет. Он древний, но забавный.

Однажды решил Лев съесть Кошку. А она опередила. Пригласила его к себе домой в гости. Придя к ней и увидев человека, Лев спросил: «А это кто такой?» «Это человек — мой слуга. Он мне пить приносит, еду...» «Если у неё такой сильный слуга, то какова она?» — удивился Лев. И потихоньку удалился с глаз долой.

...Так что, Сергеич, дорогой, ты ей не хозяин. В слугах у неё ходишь, — нажимал гость.

— Верно, в слугах, — согласился Сергеич. — Но только я ей помощник никудышный. Беду в своём доме допустил. Она вся испереживалась после страшной утраты. Похудела. Ну, дай Бог, отойдёт, может. Я так болею за неё.

Веселости анекдот не добавил, Сергеич размышлял вслух:

— Я вот гляжу теперь на Симу и готов почти согласиться с тобой. Человек может добить природу. Как жить тогда?

— Придется переселяться на другие планеты. Одну загадили... Не нам, конечно. Мы с тобой не долетим, рассыплемся. Одна космическая пыль от нас останется, — отозвался его приятель.

Однако Сергеич настроен на серьёзный разговор:

— Бегство в Космос? Бред! — внятно проговорил он. — Ни одна планета во Вселенной не заменит человеку Землю. Где ещё есть такая дубрава, как здесь, у нас? Где найдёшь такое озерцо, как наше Дубовое. Там, где-то в космосе будем уже не мы, наши слепки!

Очаровательные глазки не перебивал своего приятеля, слушал.

— «И на Марсе будут яблони цвести», — пели? Ведь так?! Заблуждение! Не будут!. Надо сохранить цветущими сады на Земле. Но как сделать, чтобы молодые все это сейчас поняли, а не когда окажутся в моём возрасте, через пятьдесят лет? Тебе в школу надо всё-таки вернуться. Ты здесь единственный, кто может хоть что-то сделать.

— Моя благоверная, Клавдия все говорит о каре, которая нас всех постигнет. — Сказав так, Очаровательные глазки пошёл к окну. Задумчиво посмотрел во двор. И негромко прозвонил: — Я не ведаю, как погибнет мир. Как меня не станет — знаю. Мой инсульт всегда со мной...

Сергеич слегка взмахнул рукой:

— Николай, будет тебе... Поскрипишь ещё...

— Попробуем, — отозвался приятель.

И продолжил свои рассуждения вслух:

— Я где-то читал: «Смерть человека — это как выход из трамвая. Сойдёшь на своей остановке и заметят это только те, кого толкнул, либо кому уступил место...» Торопиться надо в добрых делах.

— Что это у тебя торчит блестящее из кармана, все не спросу? — спросил Сергеич.

— Перехожу, как теперь модно говорить, на оргтехнику. — Он вынул и показал внушительную лупу в полиэтиленовой светлой оправе. — Зачастил в райцентр. Оформляю инвалидность по зрению. Решился. Льготные лекарства буду получать. Один глаз совсем почти вышел из строя, другой на тридцать процентов всего видит..

...Но поживу... Другие-то живут. Такова задачка на текущий момент. Помнишь, как говорилось в одном неплохом советском романе: «Надо было жить и исполнять свои обязанности».

На моём языке это звучит теперь так: «Надо обрабатывать свою пенсию»... Хотя и с гулькин нос она...

Глава 13. **ПРЕДАТЕЛЬСТВО**

Сегодня опять возник в доме Сергеича Эдуард. И объявил новость:

— Отец, я перебираюсь за границу, в Чехию. Хотя ты всегда был против.

— Совсем? — не удивившись, спросил Сергеич.

Эдуард стоял лицом к окну, делая вид, что ему гораздо интереснее происходящее во дворе, а не в этой низенькой с потемневшими обоями комнатке.

— У меня договоренность с фирмой на год. Потом видно будет. Хочу остаться.

— Не пропасть бы тебе там, чужая сторона...

— Это тут бояться надо. У нас бедлам. В этой стране долго порядка не будет.

— В этой? — как эхо повторил отец.

— Не будем придирааться к словам. Спорить не хочу. Наговорились с тобой об этом. Нахлебался... Дождаться старости такой, как твоя здесь, не хочу.

— Так, значит?..

— Да, приехал проститься. Квартиру я оставляю знакомому, машину — тоже.

— Что ж, вольному воля, — только и сказал Сергеич.

Они ещё потом говорили. Но не долго.

— Значит, я теперь совсем один, — не удержался Сергеич. Голос его дрогнул.

— Ладно, отец! Ты всегда был независимым. Не прибедряйся. Вон, Сима с тобой. Затаилась в сених, только и ждет, чтобы я слинял.

Заслышав своё имя, Сима ещё больше забеспокоилась. Хвост её застыл внизу у пола.

— Когда уезжаешь?

— Намеренно не говорил, чтоб не волновать. Через два дня самолет из Шереметьева, завтра отчалю в белокаменную.

Эдуард с напускной веселостью подал руку. Сергеич медленно протянул свою. Когда гость выходил из дома в сени, видел, как Сима припала к полу. Голова её опущена, глаза расширились. Издав горловой звук, похожий на вой, она готова была к нападению.

— Чертово отродье, — визгливо выкрикнул розовощекий и поторопился на улицу.

* * *

Ночью Сима спала беспокойно. Слышала, как ворочался в кровати хозяин.

Утром Сергеич не встал с постели. Поднялся только в полдень. Вышел потихоньку во двор. Сосед оказался дома. Сергеич подошёл к забору, тихо позвал... Сима терлась около его ног.

Пока шёл сосед, хозяина пронзила резкая боль за грудиной. Он побледнел ещё больше, слабеющими руками стал хвататься за узкий штакетник...

* * *

На своей дребезжащей машине сосед увез Сергеича в город. Вернувшись уже совсем вечером, один зашёл, гремя ключами, в сени, положил рядом с ящиком кусок докторской колбасы:

— Теперь недели на две я ваш и кормилец, и поилец, — тихо, не как всегда, сказал он.

Такой его голос ещё больше насторожил Симу.

Глава 14.

ТОСКА

Прошла неделя с той поры, как не стало в доме хозяина. Сосед каждый день приносил еду. Но не еда волновала Симу. Она тосковала. Отсутствие хозяина не давало ей покоя.

Сима перестала по утрам умываться, хотя так любила это делать. Перестала охотиться, даже на рыбок. Она теперь не ходила на озеро. Она привыкла, что хозяин с удовольствием помогал ей наводить порядок. Помогал избавляться от выпавших волос. Всегда начинал с поглаживания, пробегал пальцами по её меху, пригласив к себе на колени.

Теперь ничего этого не было.

«Надо ждать», — слышала она, когда забежала к соседу во двор и старалась оказаться у него на пути.

Сосед Дмитрий куда-то всегда торопился. То что-то привозил, то увозил на своей машине. Хозяйка звала его «мой челночок». Сима недоумевала, почему он уезжает утром и вечером возвращается, а Сергеич — нет.

Приходил днем Очаровательные глазки. Но притихший и не веселый как прежде.

— Потерпи, Сима, — говорил он тусклым голосом. — Вот утихомирю болячки, поеду к нему. Вернусь, расскажу.

Потом спохватился:

— А может, тебя взять с собой, а? Возьму, пожалуй, изболе-лась...

Он ушёл, и опять наступила тоска. Время шло, а ничего не менялось.

Сегодня рано утром у колодца Сима наткнулась на крупную жабу. Она сидела под широким листом мокрого лопуха. Возникший азарт встряхнул было кошку. Она оживилась. Но медлительность и неуклюжесть жабы показались ей подозрительными. И она вспомнила, что в городе была у неё подобная встреча. Тогда Сима вцепилась зубами в шею похожей жабы, обнаружив её неожиданно на газоне. Получив рану, жаба вы-

пустила яд из бугорков, расположенных по обе стороны её толстой шеи. Сима тогда тут же отбросила добычу от себя, настолько мерзко стало во рту.

Жаба плюхнулась на землю и спокойно спряталась в траве. У Симы после таких воспоминаний сейчас не было желания связываться с этой неповоротливой, коварной тварью.

* * *

Кошки не любят резких перемен в жизни.

Сима начала чувствовать неполадки в своём здоровье.

Очень хотелось видеть доброе лицо хозяина.

Одна отрада: оставшийся её единственный котёнок. Хотя ему чуть больше месяца, заботливая мать уже пыталась его кое-чему научить. Он оказался смышлёным. Обычно только к возрасту в десять-двенадцать недель взрослые кошки успевают обучить своих чад, как умываться, как правильно есть.

Сима эти уроки уже начала давать единственному теперь котёнку.

Мальш нравился соседу. И она, похоже, чувствовала, что, если даже на время покинет его, он не пропадёт..

Мальш ел уже самостоятельно. И был на удивление послушным. Ей ни разу не пришлось его наказывать. Он не боялся отлучаться от матери и часто выбегал из сеней во двор.

* * *

Сима понимала, что начинать искать своего хозяина надо с его квартиры в городе. С той, в которую однажды упала. Эту квартиру она хорошо запомнила.

В ней следы, запахи... Они могут помочь.

Надо действовать! Её окружают хорошие люди, но они заняты своими делами.

Она перестала бывать у соседей.

Приехавший их внук любил шумные развлечения. Часто звучала теперь веселая громкая музыка, не так, как в их доме при хозяине. Такая музыка была для неё невыносима.

...Но ноги сами привели её к соседям. Дмитрий возился в сенях.

— Не волнуйся ты, беспокойная душа. Здесь он загнулся бы, не успеи мы вовремя добратся до врачей...

Она смотрела на него большими, округлившимися глазами, слушала.

— Там, где сейчас Сергеич, миллион людей. Не дадут пропасть! Город всё-таки! Иди и жди дома, — уже строго произнёс сосед.

Сима слушала его, смотрела ему в лицо...

Она не видела, чтобы он улыбался и прищуривался, когда глядел на неё, как это делал хозяин. Его широкие брови, глаза и рот были суровы. Все это не давало успокоиться.

Когда шла обратно, услышала в дубраве drobный стук дятла. Но не помчалась, как раньше, на этот звук. Наблюдать за дятлом ей теперь было не интересно.

Она возвратилась в свои сени. Села у окна и стала смотреть на дорогу. Дорога уходила далеко-далеко туда, где деревья становились маленькими и земля смыкалась с небом.

Там где-то был её хозяин.

Туда его увезла машина.

Эта машина теперь стояла под навесом. Её хозяин был дома, хозяин Симы отсутствовал?

Ей трудно понять, почему это так...

* * *

Не стало в доме хозяина, и на кухню повадилась забегать большая проворная крыса.

Если бы нам и очень хотелось, все равно, о крысах ничего сказать хорошего не смогли бы. Такой уж это зверь.

И вот теперь эта крыса своими твердыми зубами прогрызла с улицы нору, а потом отверстие в полу и хозяйничала там, где лежало продовольствие.

До этого она успела загрызть у соседей кролика и двух цыплят. Сима терпеть не могла эту тварь с наглыми прищуренными глазками. И крыса избегала встречи с кошкой.

Так получилось, что они не разминулись. Сима была не только ловкой, но и смелой. К тому же защищала дом своего хозяина.

...Она с отвращением, но все же вытащила убитую ею в изнурительной схватке жирную крысу из кухни во двор и оставила в углу около изгороди.

Не могла есть эту мерзость.

Пошатываясь, обессиленная, пошла к колодцу, где стояло корыто с водой. Её мучила жажда. Саднило в правой, крепко оцарапанной ноге, чуть выше колена.

* * *

Утром, едва рожок смуглого пастуха в выцветшей за лето шляпе заиграл в конце улицы, собирая, как обычно, буренок в стадо, умер Очаровательные глазки.

Сима почувствовала его смерть раньше всех. Ещё родня его спала, жена поднялась выгонять корову, а он лежал на верандочке в односпальной кровати с панцирной сеткой и спокойно смотрел неживыми глазами в дощатый, с большими трещинами потолок (сколько раз собирался перестелить доски, не успел). Настиг всё-таки Николая Фадеича инсульт.

Сима сначала металась в сенях, не в силах успокоиться. Потом выскочила во двор и побежала к дому умершего...

Глава 15. УСПЕТЬ!

Прошло ещё три дня. Наконец-то рана у неё на ноге затянулась.

Сима вышла из дома на рассвете.

...В первый день, пока Сима бежала проселком, ей удалось, почти не задерживаясь, поймать двух кузнечиков.

С жадностью, не позволив себе поиграть с ними, она съела их.

На другой день повезло больше. Около маленького стожка сена она поймала мышь. В сене попискивали её сородичи. Стожок, очевидно, был облюбован полевками для зимовки. Можно было пожить ещё. Но ей было не до того. Она пошла быстрее. Усы её были напряжены и растопырены во все стороны, помогая ориентироваться в пространстве.

...Стоял уже конец августа, и лес заметно стал другим. Смолкли в листве птичьего голоса. Летние певцы теперь сбивались на опушках в стаи. Им предстояло лететь в дальние края.

Два следующих дня она ничего не ела.

Иногда порхали разноцветные бабочки над её головой, но она не радовалась им, как раньше, во дворе Сергеича.

В глазах её была тоска. И в то же время — решимость. Ей надо было торопиться!

Она не приближалась к людям, чтобы с их помощью подкрепиться. Надеялась только на себя. Но голод брал своё...

В пригороде, перед окнами приземистого бревенчатого дома в кустах сирени чирикали воробьи. Их оказалось много!

Сима стремглав метнулась от сложенного из железнодорожных шпал сооружения к опрокинутому ведру под кустом и затаилась. Она вся задрожала от предвкушения так необходимой ей сейчас удачи.

Сима выбрала своей целью добродушного воробья, сидевшего на самой нижней ветке. Напряженно ждала, когда лист сирени повернется так, чтобы их взгляды не встретились. Только в такие моменты она нападала на жертву.

Вдруг за спиной Симы раздался громкий лай. Лохматый и противный дворняга, лежавший до этого с закрытыми глазами у крыльца дома, опомнился. Подскочив к Симе, он зарычал. Застигнутая врасплох, она, не видя путей к отступлению, отпрыгнув от ведра, изогнула спину и зарычала, сделавшись необычно устрашающей. Пес опешил и отпрянул к крыльцу. Сима воспользовалась его замешательством и юркнула в пролом низенького зеленого заборчика.

Она не сильно испугалась нечесаной дворняги. И не упала духом. Домов с палисадниками было много. Значит есть, где поохотиться. И верно, у крайнего от железной дороги дома ей повезло.

Там, под акацией, тоже была туча воробьев. И не было дворняг. Шумливая птичья ватажка вскоре уменьшилась на одного своего нерасторопного собрата.

Но дождь воробьи всё-таки «нашумели».

Сима переждала ливень в завалившейся набок пустой темной мазанке и вновь продолжила свой путь.

И в сумраке, когда человеческий глаз теряется, она шла. Кошки лучше, чем люди, видят в темноте...

...У железнодорожной платформы с ней случилась беда.

Она оказалась между двумя грохочущими встречными составами. Сима никогда не видела поезда. Эти два длинных чудовища были похожи для неё на огромных отвратительных гусениц, пахнувших железом и чем-то ещё более отталкивающим и непривычным... Заметавшись между ними с горящими

круглыми глазами, она порезала битым бутылочным стеклом левую переднюю лапу.

Долго заниматься собой, зализывать рану она не стала. Поковыляла на трех лапах в город. Кровь сочиться перестала, но Сима не решалась наступать раненой лапой. Держала её навесу.

У неё были свои ориентиры. Они ей указывали путь. Множество запахов, от которых она уже начала отвыкать, окружали её теперь.

Одни — помогали, другие — мешали.

К городу она подошла в начале второй недели своего пути. Позади была дорога длиной почти в тридцать километров. Сима сильно похудела и постарела.

Её, бывшая раньше великолепной, рыжая шерстка висела по бокам грязными клочьями. На спине, куда она не могла достать лапами, вцепились в свалявшуюся шерсть жесткие репы. Взгляд её стал блуждающим.

* * *

Получалось так, что ей предстояло преодолеть автомобильный мост через реку.

Этот мост она никогда не видела. Когда ехала в машине в деревню, могла бы обратить внимание. Но Сергеич заботливо укладывал её в корзину на заднем сиденье, вот и проглядела.

Направляясь по берегу вдоль воды к мосту, сообразила, что в реке могут быть рыбки.

Река оказалась странной: столько много воды, а рыбок нет. Не так, как в деревне.

Напрасно она вглядывалась, семена по мокрому песку. Добыча не просматривалась. Впереди, метрах в трех от себя, она заметила маленького лягушонка. Тут же, ступив в сторону от воды на сухой песок, притаилась, решив, что наконец-то ей повезло...

Но в следующий момент сильная боль обожгла левую пораненную ногу.

— Попал! — беспечно воскликнул кто-то.

Сима повернула голову. Мимо шли мальчишки с удочками.

— Ну и балда, что попал, — отозвался длинный в белой майке.

— Да ладно. Она бродячая, — сказал тот, который был в куртке и намного ниже ростом. — Болтается без дела.

Глядя на него, Сима издала звуки, похожие на рычание.

— Видишь, какая злока! — как-то даже с радостью сказал мальчишка в курточке.

Рыбачки прошли мимо. Сима поплелась своей дорогой к мосту. В тени железобетонной сваи ей попались два дождевых червя. Она с жадностью их проглотила.

На мосту было много машин. Сбоку оказалась дорожка, по которой спешили люди. Их было мало. Все они торопились, поэтому не обращали на неё внимания.

В самом конце моста две женщины красили ограждение. Одна из них, круглолицая, увидела Симу и стала искать что-то в кармане куртки, но кошка шмыгнула у них между ног и быстренько, как могла, удалилась. Не верилось Симе в случайную доброту. Слишком дорого это может стоить.

* * *

После моста, на перекрестке, она чуть было не попала под колеса автомобиля.

Все решили секунды. Она удачно проскочила меж колес. Симе явно не хватало опыта городской жизни. Откуда ей было знать людские правила, да и не воспринимала она красный цвет. Различала только зеленый и голубой.

Уже начинало смеркаться. В городе зажглись фонари. И в этом сонме огней светились теперь особым светом глаза Симы. Они излучали необычный свет. Кажется, очень важный для неё. Будто в городском шуме глаза её, свет её глаз дополнительно к её кошачьему слуху и нюху помогали отбирать необходимые ей звуки и запахи.

Эти светящиеся и ночью, и днем живые источники света служили ей отменно.

Симе необходимы были звуки, присущие её прежнему, городскому дому. Они связаны были с её хозяином.

Теперь, когда она пересекла реку, ей стало ясно, что хозяин дома. Эта уверенность не давала ей задерживаться на городских мусорках, благодаря которым она могла бы утолить голод.

Долгий путь Симе непривычен, поэтому она сильно устала. От волнений и от того, что не умывалась, у неё завелись блохи. Они беспокоили её.

Она едва держалась на ногах, когда подошла к знакомому дому. Он был все такой же!

Но дверь оказалась другой, новой. И она выглядела неприступной. Сима обнюхала её. Кругом было железо. Щели маленькие. Надо спешить! У неё сильно забилось сердце.

Вспомнилась труба на крыше, через которую она попала впервые в квартиру Сергеича.

Люди отгородились друг от друга железными дверями. Что теперь делать?.. Дверь неожиданно открылась. Сима ринулась в проем. Но крепкая нога отбросила её в сторону. Выходивший грузный человек недоумевал:

— Вот ведь развелось кошар!

Её здесь не все знали. Она оказалась чужой. Грузный и громкий человек ушёл. Сима залегла за урной для мусора, стала выжидать.

...Наконец дверь открылась. Вышли он и она. Молодые. Трогая друг друга, они приостановились. Сима ползком шмыгнула в дверь. Едва оказалась по другую сторону порога, забыв обо боли, обо всем, молнией метнулась на шестой этаж.

Она увидела знакомую дверь! Старую, не прочную. Выкрашенную светлой краской.

Сима стала неистово царапать дверь и мяукать. Сергеич услышал её царапание и голос, но из-за слабости встать не мог. Он терял сознание.

...Соседке надоели кошачьи вопли, и она вышла на площадку.

Сима устала на неё свои светящиеся желто-зеленые глаза. Обе какое-то мгновение молчали.

— Ты чего балуешь? — начала было зло полная женщина, но широко раскрытые зрачки кошки заставили её замолчать.

В кошачьих глазах был страх и безмерная мольба. Схватившись за грудь, соседка выдохнула свою догадку:

— А, батюшки, неужто помер?..

Бросила своё рыхлое тело назад в квартиру. Вернулась на площадку с незнакомым Симе мужчиной, высоким и худым.

Трясущимися руками пыталась открыть дверь, приговаривая:

— Хорошо, что сын-то его, уезжая, оставил мне ключи эти. А я никак не передала их Сергеичу, не успела... И в больницу не успела. Скоро так выписали... Приступ стенокардии, мыслимо ль торопиться?..

Кому она говорила эти слова? Утрюмому худому мужчине или Симе? Непонятно. И зачем говорила?

Когда открыли дверь, хозяин лежал без движений. Боль приутихла. Одолевала резкая слабость. Он не в силах был подняться. Его влажные руки и лицо поражали белизною.

Он понял, что умирает и смирился.

Сима прыгнула к нему в кровать.

Скосив глаза, не двигаясь, Сергеич, не удивившись, сказал с усилием:

— А, Сима! — глаза его потеплели. — Извини, я тебя не бросил. Так получилось...

Сима придвинулась совсем близко. Её язычок нежно прикоснулся к его пальцам, потом последовало обтирание головой о плечо больного. Поглаживая лапкой бледную кисть левой его руки, Сима уже знала, что её хозяин будет жить...

— Там на полу таблетки, упали, — тихо сказал он. — Не смог...

— Что же это мы? — спохватилась женщина.

Наклонилась и подняла из кучки рассыпавшихся мелких таблеток две, положила ему в рот.

Он слабо улыбнулся непослушными губами.

— Знаю, Сима, ты благодарная, но чтобы вот так?!

Сильное мурлыканье подействовало на соседку:

— Эх, ты!

Она протиснулась на кухню к телефону и стала набирать номер «скорой помощи».

— Вот ведь как бывает! — говорила она, ожидая голос в трубке. — Она его нашла. И как вовремя!

Сима, поджав под себя лапы и обернув вокруг тела хвост, сидела, излучая счастье и покой.

Хмурый и молчаливый знакомый соседки пошёл на улицу встречать врача «скорой».

— Ты, Сима, от пыли стала серой. Вот поправлюсь, искупаю тебя, — сказал хозяин. — Как тогда, в первый раз. И Мальшша твоего одного не бросим.

— Воды третий день горячей нет, а он — «искупаю», — подала голос соседка.

— А мы для чего? Не нагреем, что ли? — слабо ответил Сергеич. И, взглянув искоса в окно, молча ещё раз улыбнулся.

На улице, оказывается, был светлый, солнечный день.

Жизнь продолжалась...

*2006 г.
Январь-март*

Даль без края

*Стихи для детей
среднего и старшего школьного возраста*

ВЕРБА РАСЦВЕЛА

Новый год в лесу

На ветке еловой малиновый щур
Опробовать голос свой нежный спешит.
Отрадно, укрывшись, смотреть мне вприщур,
Как день разгорается в сонной тиши,

Как солнечный лучик на снежном пуху
Сияет, искрится. А клёст, запоздав,
На ёлку вспорхнул. И там наверху
Горит над поляной. Как будто звезда!

У пепельной белки заботы свои,
Уж больно характер достался дотошный.
Скачет стремглав, меж тяжёлой хвои
Дымчатый хвост распушив свой роскошный.

А там, у ствола, где мне не видать,
Синицы затенькали?! Словно в апреле!
Новый год наступил. Надо встречать!
Как умеют они, так и запели.

В снегопад

Какой весёлый снегопад! Я не могу!
Так хочется, не утонув в снегу,

Взять приступом огромнейший сугроб,
Что заняли мои друзья. И чтоб

Хоть на минутку крепость удержать!
И никого на верхотуру не пускать!

Под валенками свежий снег скрипит,
А Вовка с Мишкой, как неприступный щит.

Я рвусь в атаку вновь! Но, рвись — не рвись...
Лечу с вершины головою вниз.

Клесты

Январь — месяц-лютень, зимы середина.
Замёрзла берёза и стынет осина.

А клёст краснопёрый на ёлке высокой
Весёлую песню подруге зацокал.

Клестовка¹ в гнезде сидит, радуясь пенью.
Скоро в семье у них быть пополненью,

Наступят денёчки — в пёстрых рубахах
Выпорхнут в снег толстоклювые птицы.

Берёза с осиною, песней согреты,
Ожили! Как будто бы вспомнили лето...

¹ Клестовка — самка клеста.

Свиристели

Прилетели с тундры свиристели,
Под моим резным окошком сели.

Как цыгане, враз захлопотали.
Красные рябины — дымчатыми стали.

Модницы кочующие все при деле:
Ягоды наелись и вовсю запели.

...Я грущу, казалось, без причины.
Мне не жалко ягоды рябины.

Как красиво птахи песни пели!
А наутро дружно улетели

Ближе к югу, где рябиновые кущи
Поразвесистей, спелее и погуще...

Сретенье¹

В середине февраля
Оттепель пришла не зря!

Только раз в году случается,
Что зима с весной встречаются.

Снова может запуржить?
Не к лицу теперь тужить!

Холодна́ ли, пасмурна, красна́ —
Приближается весна!

¹ Сретенье (15 февраля) — день встречи зимы с весной.

Скоро

Ещё ночи длинны и глухи,
Ещё снег под ногами искрится.
Но пылят уж серёжки ольхи,
Оживились на ветках синицы.

Скоро холоду будет конец,
Верба в белом цветенье проснётся.
И шальной от восторга певец
На скворечнике песней зальётся.

Водолей

Последний месяц снега и саней,
Посланник вешнего тепла,
Явился шумный водолей —
Апрель. Округа ожилá.

Весенний дождик неспроста
С утра порою моросит.
Ещё скворечница пуста,
Но уж работница пчела
Днём на подснежники летит!

Лёд пошёл

Настал конец серебряным дорогам,
От зимней тишины уж нет следа.
На речке лёд пошёл и по отрогам
Шумит, сбегая, вешняя вода.

Вот муравейник óжил. И легка
Над ним уж бабочка на свет летит.
И кто-то сверху на меня глядит.
Светло, как в детстве! Как у родника...

На реке

Бирюзовое око земли — бочажок —
Снеговой водою апрель оживил.
Ледоход на реке. Своенравный поток
Чернолесье почти до села затопил.

Трясогузка бесстрашно летит на мысок,
Там, где тополь приткнулся, течением влекомый.
Слышен чей-то тревожный вдали голосок.
Это чибис кричит, с детства старый знакомый.

У корявой, водой развороченной ивы
Появился он близко меж голых ветвей...
Птаха спросит меня, любопытствуя: «Чьи вы?».
Отрешённо откликнусь: «Давно уж ничей»...

Ветла

У реки, на бугре, где тропинка кончается,
Там седая ветла и скрипит, и качается.

И в холодной ночи, опустившая ветви,
Что-то шепчет своё под метели и ветры.

Но не холодно ей, не от холода стынет,
Будто горе сечёт, будто плачет о сыне.

Ей бы, матери, весть — пусть совсем небольшую.
Вот и вышла она на тропинку лесную.

Вот и плачет, и шепчет, и смотрит вокруг —
Нет ни старых друзей, ни давнишних подруг.

Есть лишь тёмная ночь, одинокая старость.
Тихо плачет она. Долго ль плакать осталось?..

Лошадь

Красавкою звали, особо любили,
Когда молодой была в теле и силе.

Первой на скачках бывала всегда,
Пока не случилась с нею беда...

Всего-то одна лошадиная сила,
Сколько потом она груза возила...

Возниц у Красавки менялось немало,
Но седоков уже больше не знала.

Тягала она и возы с кирпичом,
Всё ей казалось пока нипочём.

Но время пришло, ноги нынче не те,
Видят плохо, к тому же, глаза в темноте...

...Зимой почти что ослепла совсем,
Стоит одинокая сбочь от шоссе.

Всё стало другое, всё стало ина́че.
Мальчишки зовут её старою клячей...

Радуга

Дождь монотонный с утра. Серые тучи
Будто собрались со всех концов света.
Но встала ажурно, красиво, могуче
Радуга в небе воротами в лето.

И солнце на землю взглянуло с небес,
И серые тучи далёко умчали.
И жемчугом травы в лугах засверкали,
И вмиг просветлел очарованный лес.

Верба расцвела

За околицей села
Вовсю верба расцвела.

Из-за дальних заграниц
Потянулись стаи птиц.

С утра синь и бирюза
Отражаются в глазах.

Там, где тёмные кусты,
Мать-и-мачехи цветы

Склон покрыли жёлтым цветом.
Всё вокруг запахло летом!

В майском лесу

В мохнатых серёжках осина,
Разневестившись по весне,
Золотисто-зелёную пудру
Щедро сыплет на голову мне.

А рядом с дорогой песчаной
Сосёнки, построившись в ряд,
Облитые медной полудой
На утреннем солнце блестят.

Вот дятел, слетевший с осины,
Ударил по гулке полуде...
...И, кажется, вечно так было,
И, кажется, вечно так будет...

Песня

В синеющие дали песня
Над степью ковыльной летит.
Умри сто раз, сто раз воскресни —
От светлой грусти не уйти.

Как не уйти от чувства родины...
На большаке, где пыль клубится,
В кустах разросшейся смородины
Мелькнул платок твой синей птицей.

Мелькнул. Пропал. Вновь появился...
У леса дальнего — исчез.
И там — на горизонте — слился
С трепещущим платком небес...

Канун лета

Червень¹ близко. Такая пора:
Цвета белого меньше уж стало.
Вот шиповник зацвёл. Предлетья начало.
Всё живое ликует с утра.

Днём и жарко, и душно порой.
Полдень властно царит над поляной
И назойливо над головой
Пустельга мельтешит неустанно.

...Дни промчатся. В наряде багряном
Чернолесье заснёт над Самаркой.
Буду радоваться осени яркой,
Вспоминать пустельгу над поляной...

¹ Червень — по-славянски красный месяц июнь.

Русалочки цветы

Там, где камыш в изобилии,
Где вскрики проснувшихся чаек,
Всплывают цветы белой лилии,
Июльское утро встречая.

«Русалка косу распустила, —
Так мама любила сказать, —
Погреться цветы отпустила,
Чтоб ночь хороводить опять».

На Бариновой горе

Есть в моём крае клочочек землицы,
Где я всегда себя чувствую птицей!

Дождь моросит ли, солнце ли сушит,
Всё на горе этой радует душу:

Слева — Покровская церковь. И справа —
Красной Самарки внизу переправа.

А за рекой, в необъятной низине —
Отчина, с церковью посередине...

Греет избёнки под куполом неба.
...Как же давно я здесь всё-таки не был...

Многое видел, и лет уж немало,
А удивляться душа не устала...

На рыбалку

Ветер шумный, шальной, непогожий
Стайку листьев несёт над водой...
Потемнело как быстро. Похоже,
Дождь пойдёт проливной.

...Громыхают раскаты над кровлей.
Соберу свои снасти рыбацьи:
Хороша после дождика ловля,
Пожелайте мне, люди, удачи!

Тополёк

Я тополёк за пазухой принёс,
Я отогрел его в своей рубаше.
А вот теперь меня он перерос.
И превзошёл и в силе, и в размахе.

Теперь в тени его сижу,
Перебирая жёлтый лист опавший.
И на него задумчиво гляжу,
Как на меня глядел отец уставший.

Прощание с летом

Мелькнули в листве огоньки бересклета
Оранжево-красным на кромке овражка.
Невольно взгрустнётся: «прощание с летом».
И тут же спохватишься: вот ведь бедняжка!

Сам же твердил: духота надоела.
Морозца теперь бы, хоть на неделю,
Чтоб на рябину дрозды прилетели
И снегири на снегу заалели...

Одиночество

Осенний лес и холоден, и пуст.
Ноябрь настал.
Такая тишь кругом.
И только гулко раздаётся хруст
Валежника под мокрым сапогом.

Один лишь дуб хранит свою листву,
Как лета дар
И как о нём печаль.
Глаза мои всё ищут синеву,
Но нет её,
 есть лишь
 седая даль...

Я не могу не думать о тебе.
И что мне делать с этаким собой?
...В моей такой изменчивой судьбе
Ты словно летний лучик золотой.

Пробуждение

Как будто молочная капля —
На плёсе застывшая цапля.

Уже начинает светать,
Как блюдце — озёрная гладь.

За рощицей вижу макушку
Старинной убогой церквушки...

Вздоргну невольно: кто я таков?
Посланец далёких миров?

Или травинка на мокром лугу?
Ответить едва ли смогу...

Утро в Жигулях

Закинув на спину корону рогов,
Сохатый трубит с крутояра.
Соперников, с кем он сражался так ярко,
Не видно теперь меж могучих стволов.

Лосиха стоит, зачарована им.
Он — победитель и песнь — его право!
...Над сонным распадком, сырым и глухим,
Сентябрьское солнце встаёт величаво.

Лилия

Гаснут в заводях белые лилии,
Паутина повисла меж веток.
Там, где раньше цвели в изобилии
Пижмы,
Теперь — огоньки бересклета.

Спелый август настал. Необычно,
На печальный настроившись лад,
Слышать робкий мне голос веснички¹,
Твоё имя шептать невпопад.

Кукушка

Осенью почти ещё не тронутый
Дуб притихший загрузил над омутом.

А на дубе том, на его макушке,
Примостилась молча поздняя кукушка.

Куковать не смея, смотрит в тишине
На листву холодную на речной волне.

Но ещё минута, и под звук дуплета
Улетит кукушка — дар последний лета.

¹ Пеночка-весничка свою нехитрую песенку обычно поёт весной.

ЭТО Я ВЕРНУЛСЯ, Я!..

Школа

Юле

Ты была деревянная, серая,
Белокаменной стала теперь.
Ничего тут, видать, не поделаешь:
Никому не уйти от потерь.

Как светились резные наличники!
И сияло крылечко во мгле!
Где ж теперь вы, бывлые отличники?
Разметало вас всех по земле.

Стали все вы почти знаменитыми
И в далёком живёте краю.
Никакими на свете магнитами
Не затанешь вас в школу свою.

Отзовитесь и вы, неотличники,
Дорогие мои пацаны.
Никакими рублями наличными
Не искупишь давнишней вины.

Снова в новую школу наведуясь
И пойму, что чужая она.
Почему же я ей исповедуюсь?
И зачем мне она так нужна?

Знаю: преданность — дело негромкое,
Потому помолчу до поры.
Что ж мы, глупые, делаем, комкая
Невозвратного детства дары...

Озеро Песчаное

Брату Петру

На Песчаном теперь уж завалы,
На Песчаном снега до небес.
Как с тобой нас тянуло бывало
В наш редующий старенький лес.

Но с какою тоской мы смотрели
(Погорельцами в кучу золы),
Как из ближних лесничеств артели
Деловито валили стволы.

Как тревожно кричали сороки
Над рыжеющим голым бугром.
И казался лесничий нестрогий
С этих пор нашим личным врагом...

...Приезжай! Здесь у светлой водицы
Летом гибкий шумит молодняк.
Посидим, похлебаем ушицы...
Жаль лесничего. Умер на днях.

Дороженька

В мире много дорог,
В мире много путей.
Есть дороги полегче,
Есть пути потрудней.

А вот эта одна —
Всех трудней потому,
Что дороженька эта —
К себе самому.

У родителей

А мне — от городского шума
Ударившемуся в бега —
Мила родительская шуба
И деревенские снега.

Мила старинная двухстволка,
Хоть поржавевшая она.
И над осиновыми колками
Мила линиялая луна.

Мне здесь, наивному, поверить
Легко в земную благодать:
Что люди — братья все! А звери?
...В них, как в людей, нельзя стрелять!

Кузьмич

Ладил на Самарке он плотину,
Ставил первый на селе движок.
И вперво́й артель свою покинул,
Лишь когда серьёзно занемог.

Обласкал хозяйским взглядом сени,
Тяжело присел у верстака.
А к полудню на простор весенний
Вышел со скворечником в руках.

Окружённый ребятнёй весёлой,
Молотком на крыше застучал.
И пернатых первых новосёлов
Для себя — последними назвал...

Гармонисты

(Из воспоминаний мамы)

...Салазки снарядили за Серёжкой —
По улице везут под вой метели...
Серёжкину певучую гармошку
Опять послушать бабы захотели.

В село за похоронкой похоронка
Не первый год с большой войны летит.
И почтальонка — рыжая девчонка —
Давно в глаза сельчанам не глядит.

...Тепло в избе от бабьей пляски нервной
(Без пляски ведь замёрзли бы совсем).
Гармошки той — уже лет сто, наверно.
А гармонисту скоро будет семь.

Играй, гармонь!.. Не детскими глазами
Глядит мальчишка вдаль. И не речист,
Сидит отец с пустыми рукавами,
В округе — бывший лучший гармонист.

С ружьём

Вскрикнет ли выпь на болоте заросшем
Или кукушка прольёт свою грусть,
Всё-то мне кажется, будто о прошлом,
Будто о давнем грустит моя Русь.

Руку кладу на цевьё, замираю...
Что ж не стреляю? Молчу отчего?
...Будто боюсь, что сейчас расстреляю
Себя самого,
себя самого...

Утёвка

«Кишели утки.
Было море» —
Так к нам в преданиях
дошло.
Исчезло море —
на просторе
Моё раскинулось
село.
Обилье света
и отрада
Отметили в нём
жизнь мою.
Где лучше может
быть награда,
В каком лазоревом
краю!..

Маме

Я оттого, наверное, счастливый,
Что нет тебя на свете терпеливей.
Что, где б ни шёл и где бы я ни ехал,
Ты мне откликнешься далёким эхом.

Я оттого, наверное, счастливый,
Что не была ты слишком говорливой.
Когда беда грозила хваткой волчьей —
Переносить её могла ты молча.

Я оттого, наверное, счастливый,
Что нет тебя на свете бережливей.
Что собираешь сердцем понемногу
Все радости мои. И все тревоги...

Шуточная

Под грачинные овации
По субботам навигацию
Бани открывают.

Печи разом затопились.
Кучкой яблони столпились —
Провожают.

По воде весенней талой
Мчится тополь запоздалый —
Догоняет.

У колодца вёдра-склянки
Две соседки — две смуглянки
Отбивают.

Я б и сам уплыл далёко
На корыте однобоком!
Да родные смотрят строго —
Не пускают.
Всё!

Здравствуй, детство!

Ирине Репьёвой

Упаду в жару, бедовый,
У разлапистого пня.
И водою родниковой
Напоит земля меня.

Довелось мне натерпеться
Всяких бед в чужих краях.
Здравствуй, дом мой!
Здравствуй, детство!
Это я вернулся, я!..

Сторона родная

Сторона родная,
Болен я тобой.
Справа — степь без края,
Слева — лес с рекой.

Церковь посредине
И зари костёр.
Край ты мой низинный,
Радостный простор.

Не был здесь полгода —
Мчал на поездах.
На Самарке в воду
Падает звезда.

Загадать успею
Светлое желанье:
Мне б с землёй моею
Жить без расставанья.

При любой погоде
Твой я навсегда...
На Самарке в воду
Падает звезда...

* * *

Под открытым синим небом
Ем арбуз я с черным хлебом.
Конь буланый у меня —
Не могу я без коня.

И без этого вот неба,
Без арбуза с черным хлебом...
Мне Отчизна — даль без края.
Для чего же мне — другая?..

Осеннее

А я не привыкну жить:
Живу на земле впервые...
Хочется мне говорить
Всем людям
Слова простые.

Хочу их сказать земле,
Клёну,
Чей лист догорает..
Поют петухи
На селе.
В сердце
И в небе —
Свetaет..

Город Самара

*Хормейстеру
Владимиру Ощепкову*

Святой старец Алексей недаром
Напророчил в лихие года,
Что быть городу в устье Самары
И стоять ему здесь навсегда.

Много дней и воды убежало,
Плыли барки по Волге, челны...
Зарождалась, росла и мужала
Запасная столица страны.

Молодецки судьба развернулась,
Есть откуда нам силушку брать.
Эта сила недаром проснулась,
Силе этой любое подстать.

Как светлы здесь весенние зори,
Как улыбчиво смотрят вослед!
Может, кто-то со мной и поспорит,
Но приветливей города нет!

Не челны, а ракета речная
На просторе на волжском летит.
Ах, столица Самарского края,
У тебя ещё всё впереди

Григорий Журавлёв

Душу безверьем свою выжигая,
Мы в одиночку, скорбя, выживаем.

Круговоротом забот своих мучимы,
Мы обезножили, мы обезручили.

Он же с рожденья без рук и без ног,
Крылья расправив, недут превозмог.

Лики святых рисовал он во храме,
Кисть он держал не руками — зубами.

Сколько приходит теперь помолиться,
У алтаря тем святым поклониться.

И я поспешу. В осияньи икон
В Троицком храме мой низкий поклон.

**О творчестве
Александра
Малиновского**

ОБРЕТЕНИЕ ДЕТСТВА

Почему людям, даже самым взрослым, по ночам снится детство? Родители, школа, друзья и подруги самой первой, школьной поры жизни? Почему зелёный листок на дереве несёт в себе информацию о том, как светило солнце именно в первые дни его появления на свет? Почему само дерево в своей толще хранит память только о первоначальной, самой нежной поре своего бытия?

...Потом всё это уходит вглубь, обрастает кольцами лет, покрывается толстой корой, деревенеет. И уже ничего не пробьётся через эту кору, если уж только сама жизнь не отметит её неизгладимым рубцом.

Если бы деревьям снились сны, им, наверное, снился бы удивлённый мир маленького кленового ростка, а не обыденный шум семиметрового взрослого клёна.

Впрочем, когда под старыми деревенскими клёнами вдруг зазвучат весёлые детские голоса, даже эти клёны, привычно шумящие своей могучей кроной, в светлой полдневной дрёме незаметно погружаются в зелёный мир своего детства. А вместе с ними и мы, благодаря книге Александра Малиновского, которую писатель так и назвал — «Под старыми клёнами».

Оно, детство, у всех нас было и есть разное. У большинства, как у героя повестей Малиновского «Под старыми клёнами» и «Однажды в зимние каникулы» москвича Алёшки — городское, едва ли с пышными клёнами, скорее с чахлыми и уродливо обрезанными городскими деревцами под окнами. Но детство — категорический враг всякой обыденности и никогда не смирится со скучным и пыльным порядком вещей. Даже на десятом этаже высотного дома оно всегда будет уноситься мечтами к далёким синим морям и нетронутым тёмным лесам. И что за чудо, когда эти мечты сбудутся! Как сбываются они в книге «Под старыми клёнами». А ещё большее чудо в том, что обступают тебя в этом мире не пластмассовые радости заокеанского Диснейленда, а самая что ни на есть настоящая, тысячелетняя русская жизнь. С бодливой короной Жданкой и ловлей раков в небольшой речушке Ветлянке, с таинственной птицей «козодой» и зимними грибами на деревьях, наконец, с Новым годом под морозным звёздным небом около заметённой снегами ёлочки. И главное — с настоящими детскими радостями

и горестями, теми, из которых навсегда вырастает наше уже взрослое чувство добра и зла. И только спустя годы и годы понимаешь, что впервые пробудилось оно у тебя в душе, на родине деда, в степной русской деревушке...

* * *

Герои этих («Под старыми клёнами» и «Однажды в зимние каникулы») повестей — дети. Они как бы взяты из жизни целиком, как бывает только в подлинной литературе. Маленький читатель неминуемо становится полноправным членом той пёстрой стайки детворы, что населяет страницы повествования. Рассказы об их похождениях и жизненных открытиях начисто лишены какой-либо нарочитой назидательности. И это очень важно! Потому что маленькие жители нашей земли необыкновенно чутки к любой фальши и великовозрастной снисходительности.

Более того, умудрённый жизнью повествователь сам становится полноправным членом их шумного, живого и непоседливого мира. Вообще, в этих двух повестях практически нет людей среднего возраста, только пожилые и маленькие, что называется «старый да малый». Поэтому и язык у разновозрастных обитателей этих страниц оказывается общий, и близки они друг другу — по сути ещё нежившие и уже прожившие целую жизнь, — и интересны. Вместе стоят пожилой писатель и десятилетний мальчишка над напрасно подстреленной птицей, и чувствуют одно и то же. Вместе борются за жизнь попавшего в беду голубя, и для них эта беда, беда, мимо которой, скорее всего, прошёл бы, не заметив её, «взрослый» человек, для них она становится центром маленького и такого необъятного мира под старыми клёнами.

И, несмотря на то, повторюсь, что сами повести начисто лишены какой-либо отталкивающей назидательности, они нравственны. А не это ли, наряду с увлекательностью, сегодня, да и всегда наиболее важно в литературе для детей?

* * *

Повесть Александра Малиновского «Сергеич и Сима» — это классическое повествование о человеке и его бессловесном четвероногом друге. Хотелось бы сказать — классическое русское повествование, но перед глазами встают незабвенные рассказы о животных Сеттона Томпсона, выучившие не одно поколение людей, и не только русских, любви и жалости к «братьям нашим меньшим», и понимаешь — нет, это наше, люд-

ское, общее. И ответственность за весь мир с его лесами и реками вырастает из ответственности за жизнь маленького, подобранного тобой под дождём щенка.

Правда, у Малиновского речь идёт вовсе не о щенке, а о кошке...

Просто так бывает в жизни, что встречаются брошенная кем-то кошка и одинокий, а, по сути, тоже брошенный, проживший свою жизнь человек. Просто сваливается тебе на голову — в прямом смысле на голову — взъерошенный и испуганный комок шерсти, а оказывается, ты друга нашёл. Просто понимаешь, что мир есть добро, и оказанное хотя бы раз кому-то, даже бессловесному и несмышлёному — оно не уходит из мира. И не уходит от тебя. Просто ждёт где-нибудь за поворотом твоей судьбы. И когда с человеком происходит беда, добро возвращается, оно преодолевает десятки километров, чтобы в нужный момент оказаться рядом. Как делает это обыкновенная беспородная кошка Сима в повести Александра Малиновского.

Грустно, что на помощь человеку первой приходит кошка, а не люди. Тем не менее, это реальность современной городской жизни с её разобщённостью и безразличием. Но есть и другая реальность, превосходящая нашу грустную повседневность. Только этой реальностью всё ещё держится мир. Малиновский нигде не произносит слова «Бог», но, поверьте, везде говорит о Нём.

Алексей Шорохов,
член Союза писателей России,
г. Москва

ДАЛЬ, КОТОРАЯ БЛИЗКА

Никогда не думал, что буду писать предисловие к книжке стихов Александра Малиновского, которого много лет знаю как успешного прозаика. Книгу «Даль без края» А. Малиновский адресует читателям «среднего и старшего школьного возраста». Мне кажется, здесь автор не совсем точен. Она вправе адресоваться всем возрастам, включая самых маленьких наших читателей.

*У пепельной белки заботы свои,
Уж больно характер достался дотошный.
Скачет стремглав, меж тяжёлой хвои
Дымчатый хвост распушив свой роскошный...*

Не правда ли, показательно-образная картинка? И явно будет понятна всем, и принята даже теми, кто не переступил ещё школьный порог. Но есть и другое. Например, стихотворение «На Бариновой горе»:

*Есть в моём крае клочочек землицы,
Где я всегда себя чувствую птицей!*

*Дождь моросит ли, солнце ли сушит,
Всё на горе этой радуется душе:*

*Слева — Покровская церковь. И справа —
Красной Самарки внизу переправа.*

*А за рекой, в необъятной низине —
Отчина, с церковью посередине...*

Это уже посерьёзнее, фундаментальнее, но так же образно. Особенно удивил и порадовал заключительный раздел книги, названный необычно — «Это я вернулся, я!..». Вот здесь я точно был пойман врасплох. Совершенно зрелые, умелые, пронзительные строчки, перекликающиеся с Рубцовым, а вернее с рубцовским «Подорожником», и в то же самое время явно отличающиеся от «подорожниковских мотивов» иной природой, иными людьми, а значит, и иными образами, то бишь лирическими героями.

Особенно показательно в этом плане стихотворение «Школа»:

*...Как светились резные наличники!
И сияло крылечко во мгле!
Где ж теперь вы, бывшие отличники?
Разметало вас всех по земле.*

*Стали все вы почти знаменитыми
И в далёком живёте краю.
Никакими на свете магнитами
Не затанешь вас в школу свою...*

Грустно. Но точно. И, может быть, книжка А. Малиновского «Даль без края» как раз и является этим магнитом, который затанет нас в «даль без края», в даль нашего детства, которая всегда нам близка. Мне кажется, у него это получилось. С Богом!

Евгений Чепурных,
поэт

ДУША ДЕТСТВА И ГОЛОСА МИРА

Писатель и переводчик, автор популярных повестей-сказок «Аля, Кляксия и Буква А», «Может, Жуль не виноват», «Счастливо, Ивушка» и многих других произведений, прочно вошедших в круг чтения детворы, Ирина Токмакова дала такую характеристику специфики детской литературы:

«Самое неуловимое, трудно определяемое, но чрезвычайно существенное в книге для маленьких, будь то проза или поэзия, — это затрагивающая чувства ребёнка интонация, которая складывается из соответствующего лексического отбора и из ритмического построения, и из доступного возрасту эмоционального настроения. И взрослый, и детский поэты эмоционально-образно рисуют одно и то же явление. Но детские поэты потому и детские, что умеют ощутить и передать особую интонацию, построить стихи в соответствии с мажорным ритмом, в котором ребёнок и физически движется в пространстве, и чувствует соответственно».

Пожалуй, слова эти позволяют лучше понять, точнее оценить и стихотворения А.С. Малиновского, вошедшие в книги «Принесу вам хлебных крошек» (2012) и «Даль без края» (2011).

Одно из них — «Путешественницы». Две подруги отправляются ни много ни мало — за горизонт! Игра становится равнозначной познанию и освоению огромного, необъятного мира, что востребует такие человеческие качества, как смелость, решительность, целеустремлённость. В этом тексте поэт показывает, до какой степени сложности может доходить малышовая поэзия, не теряя прозрачности и проникновенности. Использована переключка звуков о и а, подчёркивающая пространственную ориентированность сюжета. Точные рифмы скрепляют концы строк. Кульминация воплощена в образном контрасте: девочки вступают в схватку с враждебно настроенным гусем, который сторожит мост и не позволяет перебраться на другой берег реки, откуда уже рукой подать до заветного горизонта. Здесь, кстати, очень тонко и ненавязчиво вводится юмористическое начало, обогащающее произведение. Финал при всей внешней определённости (вернувшиеся родители решительно прерывают толком и не начавшуюся экспедицию), тем не менее отнюдь не перечёркивает детскую мечту. Можно сказать, что основной нерв этого и многих других стихотворений — это диалектика здравого смысла и фантазии.

При этом очевидно, что А.С. Малиновский предъявлял к поэзии для детей те же требования высокой художественности, что и к поэзии для взрослых, хотя и признавал ряд ограничений, например, лексических. Талантливое произведение воспитывает само по себе, без дополнительной педагогической нагрузки. Импульсивное восприятие образа — главное для читателя. Эстетический факт может соединяться с дидактической идеей, а может и существовать отдельно — в любом случае он преобладает над идеей.

На свете всё на всё похоже — так, пожалуй, можно сформулировать одну из важнейших особенностей художественной философии, сложившейся в стихотворных книгах А.С. Малиновского, адресованных детям. И это вполне закономерно. Ибо для писателя в образе важна пластичность — звуковая, графическая, смысловая. Стихотворение должно быть системно организовано, все приёмы в нём согласованы, рифмы и сравнения точны, а смысл достаточно сложен. Приведём лишь один пример — фрагмент из стихотворения «Новый год в лесу»:

*На ветке еловой малиновый щур
Опробовать голос свой нежный спешит.
Отрадно, укрывшись, смотреть мне вприщур,
Как день разгорается в сонной тиши.*

*Как солнечный лучик на снежном пуху
Сияет, искрится. А клёт, запоздав,
На ёлку вспорхнул. И там наверху
Горит над поляной. Как будто звезда!*

Важную роль играют эпитеты — малиновый щур, нежный голос, сонная тишь, солнечный лучик, снежный пух, пепельная белка, дотошный характер, дымчатый хвост, тяжёлая хвоя. Их комбинация точно и выразительно передаёт красоту мира.

Не менее важны повторы, развитие вариаций одного и того же мотива: они позволяют уловить естественное движение образа, согласное с движением чувства.

Эти и другие стихотворения организованы концентрически: от начального образа расходятся круги — других образов, ассоциаций, мыслей. Картины разворачиваются словно толчками. Движение мысли и чувства в стихах ощущается почти физически, ясен ход этого движения, подчинённый раскованному разуму. Стихи со своим рисунком напоминают орнамент: так много в них значат повторы, переплетения образов, мотивов, деталей. А рифмы подчёркивают изломы этого густо заплетённого орнамента.

Для писателя нет границы, отделяющей жизнь детей от жизни взрослых, а есть детский или взрослый угол зрения на мир. Детское видение ему

тем дороже, что оно глубже проникает в самую сердцевину жизни. Писателю дорога открытость детского характера. Приём, когда герой сказал одно, а подумал другое и что-то в себе затаил, стал восприниматься устарелым штампом не лучшего качества. Отсюда — интерес А. Малиновского к так называемой «ролевой лирике», когда стихотворное повествование «ведёт» персонаж. В стихотворении «Мяч» он рассказывает о своём талисмани — уникальном футбольном мяче. Он «красный, прочный и тугой», неизменно приносит удачу в жарких баталиях на зелёных полях. И размышляет о том, стоит ли откликнуться на настойчивую просьбу близкого друга — Владика Петрова — обменять чудо-мяч на «симпатичный ножик». И находит неожиданное решение: да, обменяться, но только на три дня!

Разговор с маленьким читателем ведётся в поэзии А. Малиновского напрямую. Он видит в ребёнке прежде всего личность. Отсюда — мотивы самодисциплины, собственного выбора самодисциплины. Но мы не найдём у А. Малиновского жестковатой прямоты лобовой мысли. Поэт ценит парадокс и вольный полёт воображения. И, конечно, юмор. При том что юмористическое письмо, даже при обладании чувством юмора, вовсе не легче, а, наоборот, требует от писателя большего вложения внутренней энергии и более сложных, утончённых чувств. Это дополнительное зрение, оно даёт возможность увидеть в предмете, в человеке, в событии дополнительные краски, нюансы, которые могут разнообразить отношение и к человеку, и к событию, могут усложнить образ или всё показать в неожиданном свете.

В стихотворениях для детей А. Малиновского главенствует радость, то празднично-звонкая, то приглушённо-лиричная. Лучшие из них привлекают несовместимой со штампами художественной первичностью. В них нет многословия, описательности, иллюстративности. Слово в какой-то мере заново обретает свой первоначальный глубокий смысл. Оно концентрирует на себе читательское внимание, по нему нельзя просто скользнуть взглядом. Оно облачается настроением, тревожит мысль и чувство.

В переплетении «холодных» и «жарких» строк возникает картина жизни как формы вечных воплощений, как универсального всеединства людей, природы, космоса. А детство в нём — это зримая тайна мирового духа, и в детстве же заключается одна из сокровенных тайн высокой поэзии.

Алексей Молько,
*кандидат филологических наук, доцент Поволжской
государственной социально-гуманитарной академии*

ПОД КЛЁНАМИ ДЕТСТВА

«Кризис российской детской литературы...» На протяжении бурных «перестроечных» и «постперестроечных» лет слова эти раздавались неоднократно. Хорошо известны и его фундаментальные причины.

Резкое сокращение тиражей книжек для дошколят и детей постарше в связи с закономерной коммерциализацией издательского дела. Очевидное угасание, снижение, падение интереса к трогательно-наивному, открытому, доверчивому читателю и у молодых, начинающих, и у опытных, маститых писателей. Наконец, впечатляющая, захватывающая дух и детское воображение видео-техническая революция, стремительно и неумолимо переносящая центр тяжести мирового культурного движения от печатного текста к экранам телевизоров и мониторам компьютеров...

Но и при всем при этом, есть, оказывается, литераторы, не только пишущие для детей, но даже и ухитряющиеся издать написанное! Так что живо, не угасло это замечательное направление отечественного словесного искусства!

Одно из отрадных подтверждений — книга для детей и о детях «Под старыми клёнами» А. Малиновского, впервые опубликованная в 2004 году Редакционно-издательским домом «Российский писатель».

Герой-повествователь, облюбовавший деревенское уединение для работы над очередным произведением «для взрослых», знакомится и близко сходится с Алёшкой, Настей, Денисом, Ромкой и другими сельскими и городскими ребятами и взрослыми. Они-то и уводят его то в лес, то на рыбалку, увлекают в круг своих занятий и забот.

И вся эта шумная, весёлая, разношёрстная компания объединяется очень редким, почти не встречающимся в современном искусстве смысловым пространством пасторали. Понятие это употребляется чаще всего в двух смыслах: как обозначение древнего поэтического жанра, прочно ассоциирующегося с архаикой и обладающего высокой степенью условности и особого типа отношения к жизни, образа мыслей, по удачному выражению Гегеля, особой системы ценностей, воплощённой в соответствующей художественной структуре.

Именно в этом и можно найти ключ к пониманию повести «Под старыми клёнами».

В самом деле, люди в пасторали представлены сообществом безоблачного согласия, разумного порядка и дружбы. Именно так и складываются отношения детей и старших у Малиновского. Природа в ней — своего рода вполне гармоничное сообщество домашних и диких животных и растений, которыми плотно населена и повесть А. Малиновского. Ключевые для пасторали образы — дом, река и сад.

Типично пасторальным представляется, скажем, следующий отрывок из произведения: «Три клёна — один перед окнами дома в палисаднике с почерневшим штакетником и два во дворе — стали такими старыми и огромными, что солнечные лучи не проникают через живую зелёную завесу — и под деревьями всегда прохлада. Эти три клёна росли, когда дед Сергей и дед Андрей были ещё маленькими, а речка Ветлянка, которая под боком, была намного шире и глубже. В этот прохладный уголок часто собираются ребятишки. Землица здесь вытоптана крепенько ногами не одного ребячьего поколения».

В верхушках деревьев птичий гомон и щебетня; а под деревьями — детский смех. Такой двор у Чураевых!

Даже речка Ветлянка к вечеру становится тише, будто прислушивается: что там во дворе?»

Этот текст, как, впрочем, и некоторые другие страницы А. Малиновского подтверждают точку зрения известного исследователя П. Маринелли о том, что «если пастораль жива для всех нас в настоящее время, она живёт за счёт своей способности выйти за пределы (...) прежних мест обитания на пастбищах Аркадии и поселиться в обычных сельских ландшафтах современного мира, ежедневно сокращаемых и вследствие этого всё более драгоценные как проекция нашей жажды простоты». А у Малиновского, кроме того, осязатима и острая писательская жажда света, добра, любви, таких необходимых в детстве и столь часто попираемых и уничтожаемых жестоким миром современности.

Именно поэтому в книжке господствует стихия захватывающей и волнующей упоительной радости бытия, ничем не обременённой, не замутнённой, не осложнённой. И нет никаких признаков столь талантливого изображённых многими детскими писателями и не только ими мук и потрясений становления сознания взрослеющего человека, напряжённо ищущего, нередко безо всяких шансов на успех, себя и своё место в окружающей реальности, где все отнюдь не так просто и безоблачно, где столько острых углов и крутых поворотов.

Что ж, такая авторская позиция, наверное, не всеми может быть принята и понята. Но воплощена она весьма последовательно. И очень существенно, что почти у всех героев произведения А. Малиновского

высвечены те особенности душевного строя, которые более или менее убедительно объясняют их поступки и поведение. К тому же, писатель подхватил имеющую давние и прочные корни традицию, идущую, в частности, от ставших уже классическими книг «От двух до пяти» Корнея Чуковского, «Вопросы изучения детской речи», «От первых слов до первого класса» замечательного самарского филолога Александра Гвоздева. «Под старыми клёнами» изобилует меткими наблюдениями над своеобразным словотворчеством ребёнка, выразительными по интонации и лексике сценками и диалогами. Вот лишь один небольшой пример:

«— Бабушка, — спрашивает Настя, — а почему у нашего дедушки Сергея такое большое тулбище? Он поэтому на самолёте не летал, а на машине ездил? Не умещается в самолётной кабинке?»

— Не тулбище, а туловище, — смеясь, поправляет бабушка, — чудишь ты нарочно, что ли?»

Известно: всякий детский писатель в идеале в поле творческого внимания должен держать две потенциальные аудитории — детскую (или отроческую) и взрослую. Трудная, очень трудная задача. Непросто решить её. Не каждому дано, не каждому по плечу.

Лучшие страницы книжки «Под старыми клёнами» свидетельствуют, что А. Малиновский неплохо понимает это. И нередко разговор с читателем разных «возрастных планет» складывается в ней весьма естественно, органично, ненавязчиво. Поэтому в одном словесно-художественном целом каждый возраст почти наверняка обнаружит и прочтает близкий себе, «свой» пласт.

Что делает «Под старыми клёнами» — ещё и книгой для семейного чтения, напоминающей о почти совсем уже исчезнувшем виде словесности. И во многом определяет её место на пёстром и практически необозримом книжном развале начала нынешнего века...

Алексей Молько,
*кандидат филологических наук, доцент Поволжской
государственной социально-гуманитарной академии*

«СЛОВО СЛОВУ УЛЫБАЕТСЯ»

В Москве, в правлении Союза писателей России, прошёл творческий вечер Александра Малиновского.

На встречу с известным самарским прозаиком и поэтом в правлении Союза писателей России пришли и маститые столичные литераторы, и критики, и просто поклонники творчества Малиновского.

Были на встрече и знаковые фигуры российской культуры — например, поэт, редактор журнала «Наш современник» Станислав Куняев и кинооператор, работавший вместе с Василием Шукшиным над фильмом «Калина красная», Анатолий Заболоцкий.

А вёл вечер прозаик, директор издательства «Российский писатель» Николай Дорошенко. Кстати, именно в этом издательстве вышли главные книги Малиновского.

Открывая вечер, Николай Дорошенко назвал своего давнего товарища Малиновского писателем с детской душой. И дело не только в том, что среди многих книг самарского автора есть и детские. Малиновский, словно ребёнок, познающий мир, в каждой книге открывает его для себя и читателя заново и ставит вечные вопросы о самом главном в жизни. А главное для него, как заметил один из участников встречи, — любовь, его дело и малая родина, родная Утёвка. Не случайно из нескольких фильмов, рассказывающих о нём, писатель выбрал для творческого вечера фильм 1991 года «Портрет на фоне», где подчеркнуто его родство с Утёвкой. Оно — и в стихах из сборника «Светлый берег», звучащих в фильме («Чем дальше светлый берег детства, // Тем всё труднее уезжать»).

То чувство восторга от единения с природой, которое он испытал в детстве, долгие годы питает его творчество. Как и воспоминания об отведенном давным-давно «степном чае», вкуснее которого потом не было в его жизни. Многие образы в его книгах — оттуда, из утёвского детства («Солнце — словно дедушкино точильное колесо»).

С детством связано несколько последних произведений писателя, которые получили высокую оценку и рядовых читателей, и критики.

На этом вечере председатель Товарищества детских и юношеских писателей России Ирина Репьёва вручила писателю диплом лауреата Международной премии имени Алексея Толстого за лучшую детскую книгу.

Кстати, книга эта, «Под старыми клёнами», была издана в серии «Народная библиотека», которая выходит стараниями Самарского отделения Союза писателей России и областного министерства культуры.

«В детских книгах Малиновского, — считает Ирина Репьёва, — живёт душа. Это литература факта, стоящая в одном ряду с произведениями Виталия Бианки и Михаила Пришвина. Та литература, которой сегодня не хватает детям, живущим зачастую в онемении чувств. Путешествие, в которое он отправляет юных читателей вместе со своими героями, возвращает их в реальную, невыдуманную действительность. Вспомним: Российская империя и создавалась потому, что человек мерил Землю шагами...»

А по мнению профессора МГУКИ Елены Матвеевой «книги Малиновского несут ту ноту доброты и чистоты, которой не хватает современной детской литературе».

Особенно высокую оценку собратьев по перу получили книги Малиновского «Под старыми клёнами», «Под открытым небом» и повесть «В плену светоносном», написанная под впечатлением путешествия на лодке вниз по течению реки Самары.

Как считает Станислав Куняев, в этой книге, несмотря на её незамысловатый сюжет, идёт постижение тайн бытия. Путешественники, сидя у костра под ночным небом, рассуждают о самом главном в жизни. Повесть эта в своё время была напечатана журналом «Наш современник». Кстати, Станислав Куняев выразил Малиновскому благодарность за то, что тот подписал самарских писателей-ветеранов на журнал «Наш современник» и выразил надежду, что такая практика продолжится.

Название одной из ключевых повестей Малиновского «Под открытым небом» символично по мнению старейшины российского литературного цеха Семена Шуртакова: «Писатель говорит об открытости славянского характера. Его произведения — традиционны, ясны, открыты. И когда он пишет о природе, это не дачное любование ею, а ощущение единства с ней».

Писателей Николая Сергованцева и Григория Калюжного поразила последняя детская книга Малиновского — «Приключения трёх смельчаков», естественная, как дыхание, и обращённая не только к юному, но и к взрослому читателю. Герои повести: бобр Боря, тушканчик Тишка и скворец Серёжа — плывут на плоту в Африку навстречу приключениям. Встречаясь то со слоном, то с черепахой, то с кротом, то с птичками, которые, «как балерины выпархивают из зарослей».

«Малиновский сам, как скворчик, раскрывает нам это мир, — сказал Григорий Калюжный. — Читаешь книгу — как будто живую воду пьёшь».

По мнению выступавших, книга могла бы стать основой для очень интересного фильма.

Людмила Сулова, поэт и бакалавр богословия, высоко оценила книгу Малиновского «Противостояние» как честное свидетельство писателя и руководителя производства о том, как в девяностые годы происходил демонтаж страны.

В творческом вечере принял участие представитель Самарского землячества Валерий Курганов, который вручил писателю книгу мемуаров нашего земляка, одного из видных государственных деятелей доперестроечной России Виталия Воротникова.

В книгах самого Малиновского, которые одна за другой выходят в Москве и растекаются потом по стране, «чувствуется напевность волжской речи», отмечали читатели. «В них слово слову улыбается». Опытный читатель, пролистав несколько страниц этих книг, сразу же поймёт, что автор их — волжанин. Стихи его напевны — не случайно многие из них стали песнями.

Малиновский, выступая на вечере, не стал долго рассуждать о своём творчестве. Он просто прочитал свои стихи из «Экологического цикла» — о матушке и, конечно, о родной Утёвке, о которой он помнил, даже когда, будучи директором крупного завода и изобретателем, уезжал далеко за пределы Родины:

*Как хлебную корку,
В далёком Нью-Йорке
Я память о нашей Утёвке храню...*

Вадим Карасёв,
член Союза писателей России

«В КАЖДОМ БОЛЬШОМ ПИСАТЕЛЕ СИДИТ РЕБЁНОК»

Недавно комитет по вопросам семьи, материнства и детства Государственной думы вышел с инициативой провести думские парламентские слушания по проблемам издания детской литературы. По результатам слушаний ожидается принятие законопроекта об издании книг для детей в России. В мае самарский писатель Александр Малиновский участвовал в заседании этого комитета. Александр Малиновский — автор около двадцати книг. Четыре последние — детские. За одну из них — повесть «Дом над Волгой» — он недавно был удостоен премии за лучшую детскую книгу, учрежденную Товариществом детских и юношеских писателей России.

Вадим Карасёв: *Где граница между взрослой и детской литературой? Ведь часто бывает так, что книга, написанная для детей, охотно читается взрослыми. И наоборот, книга для взрослых со временем попадает в разряд детской литературы...*

Александр Малиновский: Детская литература должна быть пронзительной. Ведь такое произведение создается «на вырост». И рассказ, повесть или сказка, прочитанные ребенком в детстве, будут сопровождать человека долгие годы. Я, например, до сих пор живу с впечатлением от прочитанного в детстве романа «Робинзон Крузо». Даниель Дефо написал жизнеутверждающую книгу. Мне кажется, молодому человеку в юности очень важно получить стимул к активной жизни. В настоящем детском произведении должна быть жизнеутверждающая нота. Я вообще думаю, что в каждом большом писателе сидит ребенок. Непосредственное восприятие жизни, характерное для пищевого человека, — в этом есть что-то детское. Писатель — тот, кто сохранил свежее, первородное восприятие того, что его окружает. Для него все вокруг кажется новым, каждый день он открывает для себя мир. По крайней мере, когда я пишу для детей, для меня это очень важно. Для писателя во многом, что кажется простым, есть огромная глубина. Я с сомнением отношусь к утверждению, что главное для детского писателя — это фантазия. Главное, по-моему, — это свежее восприятие мира и того, что было в детстве — в отношениях с природой, с людьми.

Вадим Карасёв: *Повесть «Дом над Волгой», за которую вы были удостоены премии, насколько я знаю, первоначально предназначалась для взрослых читателей...*

Александр Малиновский: Действительно, я писал её не для детей. Но получилось так, что она стала интересна и юным читателям. Иногда говорят, что в сегодняшней жизни нет героя, поэтому не о ком писать. Я с этим не согласен. Мне захотелось написать книгу о старом человеке, который представляет то поколение, которое сейчас уходит. Мне кажется, эти люди уходят незамеченными, так и не признанными до конца. Книга эта — история жизни простого человека, родившегося на Волге, среди речников. И там много о детстве моей героини... Сейчас ей, ставшей прообразом моей героини, восемьдесят лет, но она сохранила в себе детское, непосредственное восприятие мира. Известно, что человек в старости часто возвращается памятью к своему детству, к своим истокам. Старые люди говорят: «Что было вчера, не помню, а что было в детстве — как живое перед глазами..»

Вадим Карасёв: *Но почему это может быть интересно нынешним детям, которые живут совсем в другом мире, у которых другие интересы?*

Александр Малиновский: Книга наполнена подробностями той жизни. Интересно ведь, какие игрушки тогда были, какой быт, как люди питались, как одевались, как ездили на лошадях, какие отношения были между людьми. Многие же дети читают исторические романы. Среди ребят, которым сейчас лет по десять, ведь есть будущие историки, писатели, психологи. И им, я думаю, было бы любопытно узнать, как жизнь была устроена раньше. Мне, например, очень интересны подробности минувших эпох. Вот Пушкин пошёл по Невскому... А какие у него ботинки были? Рядом с ним закурил его приятель. А какие он спички зажигал? Разве это не интересно было бы узнать?

Вадим Карасёв: *После «Дома над Волгой» вы еще что-то написали для детей?*

Александр Малиновский: Недавно вышла моя книга стихов для малышей «Принесу вам детских крошек». Когда я писал эти стихи, меня не покидало чувство радости. Недавно я побывал в Утёвке, на своей родине. Подошёл ко мне знакомый с дочкой, дочке лет восемь. «А она, — говорит, — половину ваших стихов знает наизусть». И девочка прочитала несколько из них. Конечно, было приятно. Мне кажется, стихи для детей сразу должны ложиться на память. Сейчас работаю над циклом рассказов о животных для маленьких детей. Кстати, сейчас я перечитываю классиков. Они очеловечивают животных. Это близко живой душе, тем более — детской.

Вадим Карасёв: Недавно вы были участником заседания комитета по вопросам семьи, материнства и детства Государственной думы. Я знаю, что у вас есть собственные соображения по поводу издания детских книг, и они были предложены на заседании комитета. В чем их суть?

Александр Малиновский: У нынешних детей нет хороших книг. А библиотеки, как известно, страдают от того, что плохо пополняются фонды. Надо вернуть детям книгу! Каким образом? Создать государственную программу при одном из министерств, которая предусматривала бы ежегодное издание детских книг для всех регионов страны. Помните, в шестидесятые годы издавалась серия «Мои первые книжки»? Авторы отбирались бы на основе международного конкурса имени Алексея Толстого, организованного Товариществом детских и юношеских писателей, которым руководит известный детский автор, секретарь Союза писателей России Ирина Репьёва. Мне кажется, можно было бы издавать каждый месяц по две-три книжки. В год получится около пятидесяти книг наиболее интересных авторов, которые пишут для детей. И не только российских. В конкурсе участвуют писатели из Европы, Америки. Если книга будет издана тиражом, допустим, 50 тысяч экземпляров, себестоимость её будет небольшой, и она станет доступной по цене нашим библиотекам. Ведь сейчас детские книги очень дорогие и поэтому мало покупаются библиотеками. В Государственной думе при одном из комитетов я предлагаю создать попечительский совет, состоящий из известных деятелей культуры, который наблюдал бы за изданием книг, поощрением их авторов. Должно быть несколько детских издательств, которые работают по этой программе. Сейчас библиотеки на выделенные местными бюджетами средства покупают в основном книги местных авторов. Если будет принята эта программа, они будут закупать лучшие книги для детей всех российских писателей. Может быть, где-нибудь на Сахалине живёт второй Пришвин? Почему мы должны его игнорировать? Думаю, что если будет принята эта программа, это повысит престиж и хорошей детской книги, и библиотеки, и престиж самого писателя, который сейчас полностью зависим от издательств. Кроме того, должен быть всероссийский детский литературный журнал с произведениями лауреатов конкурса и других лучших детских писателей. Его издание тоже курировал бы попечительский совет. Все эти предложения вошли в резолюцию, которая, я надеюсь, будет рассмотрена на парламентских слушаниях.

Беседовал **Вадим Карасёв**

ДВЕ КОШКИ **АЛЕКСАНДРА МАЛИНОВСКОГО**

Александр Станиславович Малиновский, самарский поэт и прозаик, лауреат Всероссийской премии «Русская повесть», «За лучшую книгу для детей», имени П. Ершова, лауреат Губернской премии в области культуры и искусства, написал повести «Новое имя»¹ и «Хромоножка» с разницей в семь лет (2006 и 2013 год).

Война и современность. Могучий богатырь и семидесятилетний старик. Сплочённость людей, живущих в маленьком дворике, и одиночество человека в мегаполисе. Белая Мура и рыжая Сима... Казалось, что общего в этих двух повестях, за исключением автора? Однако при внимательном и вдумчивом чтении мы заметим, что в произведениях, рассказывающих о разном времени и разных героях, много одинаковых проблем: с одной стороны — жестокость, равнодушие окружающих, предательство близких, одиночество, с другой — порядочность, взаимовыручка, преданность и верность. Эти и другие проблемы даются в восприятии существ, которые не могут дать объективную оценку происходящему, навязать своё видение окружающего мира.

Повествование ведётся непосредственно от лица... кошек. Автор позволяет взглянуть на конфликты глазами братьев наших меньших, и человеческие невзгоды ощущаются острее, без материальных хитросплетений. Мы начинаем воспринимать социальные проблемы, представленные в произведениях на эмоциональном уровне. Услышав по телевидению новости о произошедшей катастрофе, мы представляем её как нечто абстрактное, неощутимое, а у Малиновского проблемы, страдания — вот они, совсем рядом. Может быть, ваш сосед — такой же одинокий Сергей Сергеевич, а во дворе живёт кошка с изуродованной лапой. И дело здесь в том, что сам писатель — человек, остро воспринимающий чужую боль. Он смотрит на мир широко открытыми глазами, как бы заново открывая его для себя и для читателей. Недаром директор издательства «Российский писатель» Н.И. Дорошенко назвал А. Малиновского «писателем с детской душой». Он, словно ребёнок, непосредствен в своём восприятии действительности, в выражении своих эмоций: искренне радуется и грустит, восхищается и негодует. А ещё он очень любит своих кошек.

¹ В последующих изданиях эта повесть называлась «Сергеич и Сима»

Попробуем и мы перенестись в мир, изображаемый писателем, и посмотреть на действительность глазами его героев.

Две кошки — две судьбы

Итак, главные героини повестей А. Малиновского — две кошки: Сима и Мура. Для начала давайте поближе познакомимся с ними и их судьбой. С обеими кошками случаются неприятные истории. Первая нечаянно упала в дымоход и была спасена Сергеем Сергеевичем Маминым. Он и дал ей имя Сима в честь сестры, доброй и отзывчивой женщины. «Имя в жизни многое значит!» — считает писатель, и, действительно, читая повесть, мы не раз убедимся, насколько подходит оно кошке. История второй кошки гораздо трагичнее. Увесистое полено повредило ей ногу, после перелома «кости срослись, но под неверным углом». «Она косолапила» и прихрамывала, и «с лёгкой руки Петьки Захарьева прозвали её Хромоножкой». Только в семье Андрея Большакова (именно он пожалел её и принёс домой) называли кошку Мурой.

Кошкам повезло, что они попали к хорошим людям. Автор явно симпатизирует обоим спасителям кошек: «худому, высокому, с тихим голосом», спокойному и деликатному Сергею Сергеичу и «мастеровому человеку... с большущими умелыми руками», «уравновешенному, надёжному, всегда собранному и деловитому» Андрею Большакову. Но лучшие страницы повестей А. Малиновский посвящает всё-таки главным героиням — кошкам.

Сима и Мура — какие они разные!

Посмотрим, как описывает автор. Сима — рыжее, «элегантно сложенное создание с миндалевидными глазами, изящным, мускулистым телом, короткой шерстью и стройными ногами. А подушечки лап у неё цвета молочного шоколада!» У Муры «крепко сбитое тело с широкой грудью, круглыми лапами, с пропорциональным хвостом», «она, сохранив белый окрас и первородный цвет глаз, смотрела на мир голубыми глазами. Не красавица. Но такая трогательная!» Слова эмоциональной окраски и оценочной лексики помогают нам представить эти симпатичные существа и понять отношение автора к ним. Благодаря писателю, рыжая и блондинка покоряют наши сердца.

Писатель не перестаёт восхищаться своими кошками, подробно рассказывая об их повадках. И опять мы замечаем, какие они разные. Вот Сима, «грациозно вышагивая, прогуливается по полкам шкафа с фарфоровой и хрустальной посудой, не задев ни одной вещицы»... А Мура «необычно подвижна», «...хромота не мешала кошке забираться на деревья и ловко с них прыгать; иногда, «заражая азартом ребятишек, она безудержно носилась по двору».

Кроме того, А. Малиновский наделяет любимых героинь способностью думать, чувствовать, сопереживать. Мы видим, как «молча плакала» Мура, получив травму; как Симе «было радостно» от голоса хозяина и она «особенно доверяла» ему в такие моменты.

Эти очаровательные создания ориентируются на запахи, звуки, интонации, то есть полагаются на свои органы чувств. Думаю, совсем не случайно писатель второй раз делает главными героинями кошек. Мы чувствуем, как любит своих необычных героинь автор. Эта любовь передается и нам, читателям, и мы с волнением следим за продолжением историй с кошками, нам интересно узнать, как сложатся их отношения с человеком, с окружающим миром.

Проблема взаимоотношений человека и животного

Описанию взаимоотношений животного и человека А. Малиновский уделяет много страниц. Особенно трепетны они у Симы и одинокого пенсионера в повести «Новое имя». У человека и кошки (как бы это странно ни звучало) было много общего: оба любили рыбачить, слушать классическую музыку, «разговаривать» друг с другом.

Сима сразу почувствовала симпатию к новому хозяину, которая вскоре переросла в любовь и преданность. И хозяин очень привязался к своей новой подружке. Психологически точно автор показывает трогательность их отношений: вот Сима, «поднявшись на задние лапы, обнимает ногу хозяина и мелодично мурлыкает»; вот Сергей Сергеевич берёт «осторожно в горсть её голову и, слегка сжимая, тут же перемещает пальцы ближе к шее и спине», нежно поглаживая по шерсти. Принято считать, что эта независимая особа, в отличие от собаки, больше привязывается к дому, чем к хозяину. Как же получился такой необыкновенный тандем: Сергей Сергеевич — Сима? Пожилой человек испытывает к кошке поистине отцовские чувства. Купая Симу, он потихоньку намыливал ей спину и старался, чтобы вода не попала в уши. По окончании процедуры завернул её в огромное зелёное полотенце. Когда кошка спала, «он заботливо... укрывал её своей жилеткой». ...Узнав, «что Сима терпеть не может лифт», Сергей Сергеевич, выгуливая её, «стал спускаться и подниматься на шестой этаж по лестнице». «Чтобы она не рвала когтями обивку мебели в квартире», он пожертвовал корзиной — вещь, которая была ему дорога ещё с тех пор, «когда он, жена и сын были, как казалось ему, одним целым».

Очень интересно наблюдать, как старик и кошка разговаривают между собой. Говорит, конечно, Сергей Сергеевич, но то, как Сима реаги-

рует на его слова, отвечая взглядом или помахиванием хвоста, создаёт эффект диалога. «Разговоры с Симой стали для Сергея Сергеевича ежедневной потребностью.

— Что так осуждающе смотришь на меня? Много сижу за столом? Не могу без чтения...

Сима сидела на левом краю письменного стола и внимательно слушала. Она испытывала состояния полного душевного комфорта...» Так, обогревая друг друга теплом и обретая новый смысл жизни, живут рядом человек и кошка.

Другие отношения складываются у Симы с приёмным сыном Сергея Сергеевича Эдуардом. С самых первых встреч между ними возникла взаимная неприязнь. При его появлении в доме она шипела и старалась спрятаться подальше, избегая контакта с этим, по её ощущениям, злым человеком. Эдуард, чувствуя негатив со стороны кошки, отвечал агрессией, называя её «чёртовым отродьем». Чутьё не подвело Симу: впоследствии он проявил свою подлую сущность по отношению к ней и Сергею Сергеевичу, который с детства воспитывал его как родного.

Как описывает отношения кошки и людей А. Малиновский в повести «Хромоножка»? Мура необычайно благодарна своему спасителю. «С Андрея, когда он бывал рядом с ней, она не сводила своих круглых восхищённых глаз». Отвечал ей взаимностью и хозяин: «Большак часто сажал её в карман своей большой брезентовой куртки... и шагал на работу в свои шумные мастерские на железнодорожную станцию». Всё изменила в их жизни война. Драматизмом наполнена сцена прощания с Андреем, уходящим на фронт. Эпитетом «горький» наделяет автор этот день, а затем с помощью восходящей и нисходящей градации показывает отчаяние кошки, лишившейся надёжного друга. Обращают на себя внимание глагольные формы, обозначающие движение. «Когда Мура обнаружила отсутствие Большака, она метнулась... на станцию... бросилась за поездом, однако он ускорил ход, и она поняла, что его ей не догнать». «Когда перрон опустел, она, пошатываясь, побрела в переулок...» С этого дня у неё началась другая жизнь.

Суровые военные будни и жизнь людей двора даны в восприятии Муры. Вот так, например, воспринимает начало войны и моральное состояние жителей посёлка Хромоножка: «Теперь везде звучали новые слова: фронт, Германия, похоронка. И люди стали другими: сосредоточенные, не улыбочивые. Она не знала, что значат эти новые слова, но чувствовала в них большую опасность». Вновь писатель поражает нас психологически тонким изображением поведения и характера животного, и мы не замечаем, как начинаем смотреть на героев повести глазами обык-

новенной дворовой кошки. Обыкновенной ли? Порой она кажется нам умудрённым жизненным опытом человеком, наблюдательным, оценивающим положение вещей, сочувствующим или осуждающим чьи-то поступки. Вот Фомич «молча курит подолгу, сидит на лавочке да кашляет». Этим он отвадил Муру от лавочки, потому что «она не выносила дыма». Вот учитель Лев Петрович, живущий в соседнем дворе, из-за слабости зрения наступил ей на больную ногу. «Испуг, гнев, негодование испытала она в тот злосчастный момент» и больше к учителю не ходила.

Так кошки стали проводниками в сложный и запутанный мир повестей А. Малиновского. Писатель проявил необычайное мастерство, описывая повадки животных, их умение оценивать поведение людей, безошибочно угадывая в них злых и добрых. Он наделил кошек индивидуальным характером, способностью сопереживать чужому горю, быть преданными и благодарными своим хозяевам.

Проблема жестокости и равнодушия людей

В повестях «Новое имя» и «Хромоножка» писатель показал обыденную, так хорошо знакомую многим жизнь. Конечно, во втором произведении она сопряжена с большими невзгодами и переживаниями, потому что идёт война. Разные люди населяют миры повестей А. Малиновского. Рядом с Сергеем Сергеевичем живёт не только его друг, прозванный «Очаровательные глазки», но и Эдуард — приёмный сын Мамина, который временами «по-дежурному» посещает отчима.

Так, и во дворе «колченожки», кроме семьи Большакова (жена Анна и двое детей), живут «распорядительная Матвеевна», Фомич, который «давно научился помалкивать где надо», друг Большака Петька Захарьев с женой Люсей.

Кажется, писатель делит своих героев на добрых и злых в зависимости от их отношения к кошкам. Симе сразу не понравился «розовощёкий» Эдуард. Она почувствовала фальшь, неискренность по отношению к себе и приёмному отцу. И оказалась права. Кошка для него — забава, игрушка, он хочет повелевать и властвовать, не считаясь с её чувствами. Именно он выполняет своеобразную роль палача, утопив четверых из пяти котят Симы. Сцена расправы с беззащитными существами поражает своей жестокостью: «Эдуард шёл с шевелящимся мешком к пруду. Дико зарывчав, она бросилась к нему... Он схватил... увесистую железку и замахнулся... у воды завязал мешок... размахнулся обеими руками деловито, не спеша...» Кажется, ни одно чувство не закрадывается в холодное сердце этого человека. А есть ли у него сердце? И человек ли это?

В повести «Хромоножка» ситуация с котятми повторяется (правда, без подробностей). «Матвеевна, живущая над Большаковыми, забрала всех пятерых котят, и никто во дворе их больше не видел». Она говорила, что отвезла котят к сестре в деревню. Но Фомич «видел её с шевелящимся мешком (опять та же деталь!) около канавы, пропахшей тухлой водой, но разговора об этом не затевал». Так автор поднимает проблему жестокости одних и равнодушия других. А кошке невдомёк, что люди убивают её детёнышей лишь потому, что они досаждают им. И уже второй раз в повести мы видим, как «кошка плачет».

Так, в очередной раз А. Малиновский показал преимущество животного над человеком: кошки стремятся защитить своё потомство и остро переживают потерю. Прав был А. Молько, утверждавший в своей статье «Дорогой правды и добра», что именно кошка позволяет ощутить то, чего не хватает человеку «прежде всего по нашей собственной вине или беде».

Проблема предательства

Плачущая кошка и вернувшийся с войны без обеих ног инвалид. Что их связывает? Когда-то, после отъезда Андрея на фронт, именно он пригрел её у себя дома.

Образ Петьки, пожалуй, самый запоминающийся и трагичный в повести. «Низкорослый, с подпрыгивающей лёгкой походкой», весельчак, балагур, гармонист — таким он ушёл на фронт. «Теперь Петька не ходил, а передвигался на тележке, отталкиваясь руками от земли. Маленький такой. А теперь стал ещё меньше. Наполовину».

Война изменила Петьку не только физически, изменила его отношение к жизни, к кошке. Он разговаривал с ней теперь «не насмешливо и свысока, как раньше, а по-другому. Она это чувствовала:

— Была ты Хромоножкой, а теперь — Мура! А я кто? Кем стал? Без ног-то? Половинкин на тачанке».

Он заметил нелюбовь Муры к дыму, «и тонкие губы его покривились в лёгкой усмешке». Его жена Люся тоже не любила, когда он курил. Именно с этой женщиной связана в повести тема предательства когда-то близкого человека.

Вспомним, как в повести «Новое имя» предаст, бросит на произвол судьбы, уехав за границу, своего пожилого больного отца, нуждающегося в помощи, Эдуард. А. Малиновский уверен: жестокость по отношению к животным порождает равнодушие и жестокость по отношению к близким людям. Так и Люся. Совсем недавно, «раскинув пухлые свои руки на Петькиной голубой рубашке, плакала навзрыд», провожая мужа

на фронт. А инвалид ей, похоже, не нужен. Она тайком уходила из дома, а Петька испытывал муку, сознавал беспомощность и никчёмность своего существования, болезненно переживал измену жены, которую до сих пор любил. Страшную по силе эмоциональной напряжённости рисует автор сцену в главе «Ах, Люся, Люся!». Мура с Петром ехали к Стелькину, с которым Захарьев в последнее время часто прикладывался к рюмочке.

Кошке заметила, что Люся, вышедшая из парикмахерской, «двигаясь перебежками, наблюдала за ними». Вдруг полуторка обдала седока тележки грязной водой. «Пётр резко дёрнулся в сторону и вылетел из тележки коротким обрубком на асфальт». «Мура видела, как Люся, закрыв обеими руками искажённое гримасой лицо, метнулась в сторону с тротуара» и исчезла. Этого кошка понять не могла. Не можем понять и простить Люсю и мы, читатели. Финал этой истории трагичен! Пётр закончил жизнь самоубийством. «Укрепив для надёжности пудовую гирию к тележке и привязав себя верёвкой, махнул он её в Волгу-матушку».

Как правило, трудные испытания, такие как война, делают человека добрее, отзывчивее. Так, стала более открытой к чужой беде Матвеевна; обычно равнодушный Фомич принёс ей пиджак, чтобы она обменяла его на какие-нибудь «харчи». Матвеевна выменяла его на сушёную рыбину, но не стала есть одна, а поделилась супом из рыбы с Анной и её ребятишками. С Люсей этого не произошло.

Писатель подчёркивает, что война высвечивает в человеке не только хорошее, что таилось в глубине души, но и дурное, чего не было видно раньше.

Проблема верности и самоотверженности

Пётр Захарьев не пережил измены жены. Не вынес предательства приёмного сына и Сергей Сергеевич из «Нового имени». У него случается сердечный приступ, и его отправляют в больницу. А Сима остаётся одна в деревне, где они жили в последнее время. Как поведёт себя кошка в этой трудной ситуации? Сима выдерживает испытание верности и проявляет преданность и благодарность человеку, который когда-то спас ей жизнь. Теперь её очередь. «Сима вышла из дома на рассвете. В начале второй недели она пришла в город. Позади был путь длиной почти в тридцать километров». Автор подробно описывает трудный путь кошки в поисках Сергея Сергеевича: она шла луговыми тропами, пробиралась сквозь заросли кустарников, через мост преодолела реку, пугаясь звуков машин, петляла по улицам города... Сима чувствовала, что хозяин в опасности, и она торопилась. Голодная, грязная, она наконец-то добралась до дома и «стала неистово царапать дверь и мяукать». Вышедшая из квартиры

напротив соседка, увидев «в кошачьих глазах страх и безмерную мольбу», открыла дверь и впустила Симу к хозяину. Сергей Сергеевич лежал без движения. Она почувствовала дыхание смерти и поняла: пришла её очередь спасать жизнь хозяину. «Её язычок нежно прикоснулся к его пальцам, потом последовало потирание головой о плечо больного. Поглаживая лапкой бледную кисть его руки, Сима уже знала, что её хозяин будет жить». Сцена настолько трогательная, что хочется перевести дух и восхититься подвигом обычной кошки, её бескорыстной любовью, на которую способен далеко не каждый человек.

А. Молько в статье «Дорогой правды и добра» размышляет: «Рассказ о приключениях кошки перерастает, по сути, в размышления о жизни вообще... И с убеждённой в неотменяемой, незыблемой значимости правды, чести, чистой совести, душевной чуткости, отзывчивости. Конечно, человечество всегда будет испытывать острый дефицит их. Но обязанность каждого — никогда не забывать, что вокруг немало тех, кто так остро нуждается в заботе, внимании, ласке и полном понимании».

Не меньший подвиг во имя спасения жизней уже нескольких людей совершает и Мура — хромоножка. Она очень переживала смерть Захарьева, у которого часто бывала в последнее время. «Она стала быстро терять вес... стала нервной... белая шерсть её потускнела и стала всколоченной». Несмотря на привязанность к Петру, верной она оставалась только одному человеку — Андрею Большакову. С фронта приходили поезда с ранеными, и около станции разместили госпиталь. Мура регулярно бегала то встречать поезда, то в госпиталь в надежде встретить там Андрея. Но его не было. И кошка «печалилась». Увидев её «скорбный вид», Фомич успокаивал:

— Так уж, до смерти, не горюй, слышь... Кончится война, и придёт твой Большак.

Свою любовь к Андрею она переносила и на его семью — жену и детей, Миньку и Вальку. А тут новая беда: сильно заболела жена Большака Анна. В доме не было еды, на карточки, кроме хлеба, ничего не давали. И тогда Муре стало ясно: только она может спасти семью от голодной смерти. Недалеко от магазинного склада она обнаружила добычу и с «сияющим видом» принесла домой... мышь.

«— Ах, Мура, Мура, заботница, голубушка наша сердечная, мы, люди, мышей не едим, — говорила Анна, не зная, как отблагодарить кошку».

Как-то Мура принесла со склада палку копчёной колбасы (ещё одна проблема повести: кто-то голодает, а кто-то жирует даже в трудные военные годы), откусив от неё только небольшой кусок. А вот со следующей добычей ей не повезло. Хозяйка цыплёнка, которого поймала кошка, «де-

белая женщина в засаленном халате», увесистой скалкой ударила её по голове. Второй удар пришёлся по спине, но она успела «попасть через дыру в сарай и потеряла сознание».

Последние страницы повести нельзя читать без слёз. Казалось, А. Малиновский не щадит наших чувств, подробно описывая мучения животного, в очередной раз ставшего жертвой жестокости человека: «Кошка сделала усилие, пытаясь подняться, и не смогла... задние ноги ей не подчинялись».

Но неведомая сила толкала её домой. С параличом ног она сумела добраться до родного двора, потому что чувствовала: Андрей там. «Она вползла в открытую калитку. Ни признака страдания, ни тени испуга не было в её облике. Просветлённый взгляд Муры устремлён на Большака». Последнее, что почувствовала кошка, — прикосновение его рук к её левой кривой ноге.

— Как же ты, видать, натерпелась. Преданная до смерти! — сказал он. ...Мура уже не слышала этих его слов. Тельце её, ставшее за последние дни больным и тщедушным, судорожно дёрнулось и затихло».

Это последний аккорд повести.

Нам больно, как и кошке Муре. Кажется, порвалась одна из струн нашей души, самая тонкая. Рассказы А. Малиновского — «прививка задушевности», прививка от чёрствости и душевной глухоты. Они ещё раз доказывают справедливость слов, уже ставших афоризмом: «Душа обязана трудиться!»

Заключение

«Новое имя» и «Хромоножка». Две повести Александра Малиновского. В них много грустного и даже трагического: погибают котята Сима и Муры, умирает Николай Фадеич — «Очаровательные глазки», сводит счёты с жизнью покалеченный Пётр Захарьев, тяжело заболевают Сергей Сергеевич и Анна, голодают дети...

Современное время и военная пора. И вечные проблемы добра и зла, верности и предательства, одиночества и обретения друзей... Много запоминающихся героев... И среди них две кошки: Сима и Мура. Все знают о преданности собак своим хозяевам. В Тольятти даже есть памятник собаке, в течение нескольких лет ожидающей около дороги своего погибшего хозяина. А я бы поставила памятник двум кошкам А. Малиновского (есть же памятники литературным героям!) за безграничную верность и бескорыстную любовь к человеку.

Автор, несомненно, прекрасно знающий повадки и психологию этих грациозных животных, опровергает миф о кошках, «гуляющих сами по

себе». Он наделяет их таким благородством души, что им могут позавидовать многие люди.

В повестях есть всё, что побуждает работать ум и сердце читателя. Некоторые взрослые узнают в героях повестей себя и, может, пересмотрят своё отношение к жизни; а дети увидят лицо каждодневной реальности, где нет чёткой грани между добром и злом, и сделают свой выбор. И хочется верить, что те и другие попробуют сделать наш мир хотя бы чуточку лучше. И в этом нам помогут повести А. Малиновского с его удивительными кошками.

Анастасия Попова,
Тамара Корягина,
заслуженный учитель РФ

СМЫСЛ НАЗВАНИЯ ПОВЕСТИ АЛЕКСАНДРА МАЛИНОВСКОГО «СЕРГЕИЧ И СИМА»

Сюжет повести на первый взгляд простой: одинокий пенсионер Сергей Сергеевич Мамин спасает кошку, упавшую к нему в квартиру через вентиляционную решётку, и оставляет её у себя жить. Через события, происходящие в дальнейшем, и связанные с ними воспоминания читатель знакомится с внутренним миром героя и его биографией, которая оказывается далеко не так проста, как могло показаться на первый взгляд.

Биография главного героя раскрывается постепенно. Автор не торопится с описанием событий: они вплетены в событийную канву произведения и постепенно проступают в повести. Также автор не даёт прямых этических оценок, лишь указывая на переживания героя, его скрытый внутренний конфликт, который плавно перетекает в скрытый конфликт с близкими, и предоставляет читателю возможность задуматься над судьбой героев повести, и самостоятельно сделать свои выводы.

Одним из ключевых моментов, раскрывающих судьбу героя и положенных в основу названия повести, является выбор кошке имени. Происходит удивительное: называя наугад несколько кошачьих кличек, Сергей Сергеевич угадывает то имя, которое кошке дали прежние хозяева.

«Кошка помнила, как маленькая девочка называла её Лизой. Помнила лёгкую ладошку, когда она гладила её по голове. Потом её уже никто не гладил.

— Как тебя зовут? — спрашивал кошку вечером хозяин. — Глаша, Анфиса, Клара, Мурка, Лиза?

При слове «Лиза» она насторожилась. Это не ускользнуло от Сергея Сергеевича».

Но тут же Сергей Сергеевич отказывается от своей догадки. Из речи главного героя становится известно, что «Лизавета» — имя его жены. В повести ещё не рассказана история главного героя, но из нескольких слов напрашивается вывод, что с именем жены связаны неприятные главному герою ассоциации.

Что произошло — нам пока неизвестно. Жизненная драма героя очерчивается вначале лишь небольшими штрихами. Среди этих штри-

хов можно выделить ещё один, когда Сергей Сергеевич решает оставить кошку у себя.

«—...Входи! Но не обольщайся. В любовь с первого взгляда я уже не верю. Всё это со мной было. Теперь я тоже, можно сказать, один».

Из прямой речи, которую Сергей Сергеевич произносит, обращаясь к животному, мы узнаём многое о его жизни. Вместе с авторским повествованием это раскрывает значительный пласт жизни Сергея Сергеевича.

И хотя Сергей Сергеевич верно угадал имя кошки — Лиза — он всё же не хочет звать её этим именем и решает назвать её по-другому. Читатель может подумать, что это связано с нежеланием в принципе использовать имя близкого человека для кошачьей клички. Но дело оказывается не в этом.

«Давай я буду тебя звать Сима, а? У меня сестру старшую так звали. Доброе имя! Сестра отзывчивая была. Меня любила. Ты разумеешь, что я говорю? Мне хочется, чтобы ты была доброй».

Называя кошку в честь сестры, Сергей Сергеевич ещё раз подчёркивает своё настороженное отношение к бывшей жене, особенно в сравнении с доброй и отзывчивой сестрой. Новое имя по мысли главного героя означает новую жизнь. В подтверждение этой идеи Сергей Сергеевич вспоминает свои школьные годы и прозвище, которое придумали ему одноклассники.

«У него была фамилия Мамин.

Уже в третьем классе его стали звать Мамин-Сибиряк. А потом и вовсе приклеилось прозвище «Серая шейка». Учился в школе, жил с этим несерьёзным утиным именем. Переживал, протестовал, а что толку?»

Этот факт в биографии героя повести тоже подчёркивает определённую сторону его характера. Клички — очень характерная черта школьных взаимоотношений советского периода, когда дети часто стеснялись называть друг друга по именам, предпочитая общаться с одноклассниками при помощи фамилий и прозвищ. С прозвищами боролись учителя, пионерские и комсомольские вожаки, но они были характерной чертой эпохи. И, несмотря на всю их жестокость и неделикатность, прозвища раскрывали в человеке его наиболее яркие черты и помогали детям выделять друг друга из коллектива.

Фамилия героя была Мамин, но «сильная» кличка «Мамин-Сибиряк» к нему не подошла и превратилась в «Серую шейку» — персонаж сказки Мамина-Сибиряка, дикую утку, которая повредила крыло, не смогла на зиму улететь на юг, но была спасена охотником, который её пожалел и взял к себе жить.

Имя слабой, покалеченной уточки из сказки пришлось главному герою впору, что под определённым углом освещает юношеские отношения Сергея Сергеевича с окружающим миром и раскрывает новые черты в его характере. В нескольких эпизодах подчёркивается стремление главного героя протестовать, но поскольку никто не обращал внимания на его протесты, ему приходилось смирять себя и принимать ситуацию, как она складывается.

Так произошло с кошкой, свалившейся в буквальном смысле с неба:

«Он отступил в квартиру, кошка последовала за ним.

— Хотя я и не очень-то люблю кошек, но куда деваться? Жить тебе, видать, негде?»

Так произошло и с семейной жизнью, в которой Сергею Сергеевичу «не повезло».

«Разные оказались характеры у супругов. Он — спокойный и деликатный. Она — взрывная, брызжущая энергией.

— Тебе постоянно нужны овации, — говорил он. — Но мы же не на сцене, не на манеже!»

Можно ли назвать такую фразу деликатной — этот вопрос, как и многие другие в повести, остаётся открытым, отдаётся на усмотрение читателя. О жене Сергея Сергеевича из повести известно мало. Не приводятся диалоги супругов. Единственная принадлежащая ей реплика касается всё той же важной для повести темы — имени.

«Когда она случайно узнала, что в школе его звали Серой шейкой, то, кажется, даже обрадовалась:

— Видишь, я не зря тебя зову Серый квадрат (она имела в виду это сочетание: Сергей Сергеевич). Каким ты был — таким ты и остался на всю последующую свою жизнь.

Он сердился на неё, но ничего поделать не мог».

Вряд ли супруга Сергея Сергеевича требовала в семейной жизни именно «оваций». Мы можем прочесть из повести только то, что её ожидания по отношению к супругу тяготили его. Автор не ставит своей задачей упростить понимание истории Сергея Сергеевича и расставить все точки над *i*. Когда в доме случается беда и умирает новорождённый сын Сергея Сергеевича, эмоции супругов по поводу этого печального события также остаются вынесены за скобки. Но если учесть упомянутое выше непонимание между супругами, легко предположить, что каждый из них переживал эту утрату в одиночку. А попыткам поговорить и вместе пережить боль, возможно, препятствовал как «взрывной» характер жены, так и «деликатный» характер Сергея Сергеевича. Через год жена ушла. Она резко изменила свою жизнь, уехав из горо-

да вместе с цирковым гимнастом. Вовсе неудивительно, что «брызжущей энергией» женщине понравился сильный мужчина с необычной, полной путешествий и риска профессией. Удивительно то, что артист цирка, привыкший в силу профессии к симпатии других людей, тоже выделил эту ничем не примечательную, не по делу требовательную, с точки зрения главного героя, женщину. Их история продолжалась не так уж и мало — три года. Об окончании этой истории говорится просто: «гимнаст бросил её». Но это вновь не столько объективный взгляд автора, сколько оценка Сергея Сергеевича, интерпретация, которая позволяет смириться с ролью брошенного мужа и, насколько это можно, встать над ситуацией.

Вполне возможно, что появление ребёнка и страх за него, учитывая предыдущий печальный опыт материнства, заставил Лизавету по-другому взглянуть на цирковую вольную жизнь, сопряжённую с бытовыми трудностями и постоянными разъездами. Возможно, именно страх потерять ещё одного ребёнка позволил женщине оценить преимущества налаженной семейной жизни с отстранённым, но предсказуемым и спокойным «Серым квадратом». Тем более Сергей Сергеевич был на тот момент одинок и не имел ничего против её возвращения.

Эта история, достойная отдельного произведения, уместается в повести в несколько строк. И заканчивается тем, что Сергей Сергеевич «принял» и вернувшуюся жену, и ребёнка от другого мужчины. Но принял ли он их по-настоящему в свою жизнь или прожил с ними бок о бок, но так и остался одиноким — вопрос неоднозначный и раскрывается на протяжении всей повести.

Приёмный сын Сергея Сергеевича Эдуард появляется в повести три раза. Первый раз он приезжает в город, когда Сергей Сергеевич вместе со своей новой питомицей ещё не уехали на дачу. Сергей Сергеевич усмехается, видя беспокойство Эдуарда за дорогую машину, оставленную во дворе. Эдуард хватается за кошку и заставляет её делать трюки, а после того как кошка его царапает и убегает, начинает убеждать Сергея Сергеевича, что кошка — это лишние заботы, хлопоты, которые совершенно не нужны Сергею Сергеевичу. Между близкими людьми существует огромная пропасть непонимания. Во второй свой приезд конфликт обостряется. Эдуард топит котят Симы, оставляя лишь одного котёнка. И на возмущение Сергея Сергеевича отвечает:

«— Я сделал обычное дело, на которое ты, конечно, не решился бы. Ты у нас тонкая натура».

Уезжает, не понимая, какую душевную рану он нанёс приёмному отцу. И в третий раз приезжает, чтобы попрощаться перед отъездом за гра-

ницу на продолжительное время. После его отъезда Сергей Сергеевич попадает в больницу.

Является ли Эдуард отрицательным персонажем повести? Мы видим, что он регулярно навещает отца, заботится о нём, но воспринимает его без уважения, как неразумного человека. Но в то же время со стороны Сергея Сергеевича по отношению к Эдуарду проскальзывает похожее отношение, сожаление, что сын так и не стал родным, и неготовность относиться с пониманием и уважением к его выбору. Этим Эдуард и Сергей Сергеевич похожи друг на друга, как самые близкие люди, но оба не замечают этого сходства и кажутся друг другу чужими и «неправильными». Возможно, именно эта общая черта и мешает им увидеть друг друга и стать по-настоящему близкими людьми.

Каким-то чудом кошка Сима решается разыскать хозяина. И это удаётся ей сделать как раз в тот момент, когда Сергей Сергеевич находится при смерти. Соседка открывает дверь ключом, оставленным ей сыном Сергея Сергеевича и успевает как раз тогда, когда он обронил необходимую ему таблетку и не имел возможности подняться. Радость от того, что Сима прибежала к нему из деревни, помогает Сергею Сергеевичу почувствовать себя лучше. Повесть заканчивается на том моменте, когда сосед идёт встречать приехавшего врача «скорой помощи», а Сергей Сергеевич собирается искупать кошку после её долгого путешествия. Конец у повести не оптимистичный, но в то же время светлый. Несмотря на одиночество Сергея Сергеевича, у него появилось преданное живое существо.

Повесть «Сергеич и Сима» — повесть не о том, что можно вдруг резко начать новую жизнь, забыв о старой, а скорее о том, что, пытаясь начать новую жизнь, человек всё равно находится в тесной связи со своим прошлым и близкими людьми. В то же время когда мы осознаём необходимость перемен и готовы к ним, это помогает принять то, что в жизни всё проходит и происходят неизбежные изменения. В повести затронуты очень важные проблемы — проблема взаимопонимания людей, одиночества и того, как люди его преодолевают. Эти проблемы не рассматриваются в упор, они раскрываются через призму взаимоотношений человека и природы. Но благодаря этому внимание читателя приковывается к ним непроизвольно и побуждает нас задуматься не только над событиями, описанными прямым текстом, но и над теми, которые намечены лишь штрихами, но имеют большое значение для понимания каждого текущего момента, описанного в повести.

Юлия Михалёва

Содержание

ПРИНЕСУ ВАМ ХЛЕБНЫХ КРОШЕК. <i>Стихи</i>	5
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТРЁХ СМЕЛЬЧАКОВ. <i>Повесть-сказка</i>	27
ПОД СТАРЫМИ КЛЁНАМИ. <i>Повесть</i>	65
ОДНАЖДЫ В ЗИМНИЕ КАНИКУЛЫ. <i>Повесть</i>	111
ХРОМОНОЖКА. <i>Повесть</i>	159
РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ.....	191
СЕРГЕИЧ И СИМА. <i>Повесть</i>	203
ДАЛЬ БЕЗ КРАЯ. <i>Стихи</i>	253
<i>Алексей Шорохов. Обретение детства</i>	278
<i>Евгений Чепурных. Даль, которая близка</i>	281
<i>Алексей Молько. Душа детства и голос мира</i>	283
<i>Алексей Молько. Под клёнами детства</i>	286
<i>Вадим Карасёв. «Слово слову улыбается»</i>	289
<i>Вадим Карасёв. «В каждом большом писателе сидит ребёнок»</i>	292
<i>Анастасия Попова, Тамара Кочергина. Две кошки Александра Малиновского</i>	295
<i>Юлия Мхалёва. Смысл названия повести Александра Малиновского «Сергеич и Сима»..</i>	305

*Проект «Издание Собрания сочинений
Александра Малиновского в 7-ми томах»
реализован при грантовой поддержке
Правительства Самарской области
и грантовой поддержке Администрации г. Самара.*

*Финансовую поддержку изданию оказали
Администрация муниципального района Нефтегорский
(глава муниципального района
Александр Викторович Баландин),
ООО ГК «ИНФОПРО» (генеральный директор
Павел Владимирович Сергиенко),
Сергей Анатольевич Тишин, Леонид Иванович Пешков,
Дмитрий Владимирович Сергиенко,
Василий Владиславович Никонов,
Евгения Сергеевна Попова, Владимир Иванович Петрушин,
Алла Николаевна Горборукова, Борис Фёдорович Ремезенцев,
Юрий Михайлович Тулупников, Юрий Минович Ример,
Дмитрий Сергеевич Колмыков, Андрей Евгеньевич Дорфман,
Дмитрий Владимирович Кошаев,
Владимир Александрович Тыщенко.*

*Подписались на один экземпляр издания:
Виктор Алексеевич Бесперстов, Татьяна Николаевна Иоффе,
Галина Васильевна Плотникова, Людмила Петровна Горюхина,
Василий Алексеевич Серебряков, Ольга Кузьминична Говорухина,
Владимир Дмитриевич Самсонов, Людмила Васильевна Чернецова,
Дмитрий Александрович Кузнецов и другие.*

**Малиновский
Александр Станиславович**

**Собрание сочинений в 7-ми томах
том 4**

Вёрстка — *А.В. Громов*
Дизайн обложки — *В.А. Лисина*

Издание подготовлено
Издательским домом «Российский писатель» (г. Москва),
Центром поддержки и развития творческих инициатив
им. А.С. Малиновского Самарского государственного
технического университета
и творческим объединением «РУССКОЕ ЭХО» (г. Самара)
443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон: (846) 333-48-01
www.litsamara.com
e-mail: litsamara@yandex.ru

Подписано в печать 10.06.2019 г. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Exselsior.
Печать офсетная. Печ. л. 19,5.
Тираж 350 экз. Цена договорная.

Отпечатано в типографии ООО «Слово»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1;
тел.: (846) 267-36-82
e-mail: izdatkniga@yandex.ru